

А.В. СМОЛЬНИКОВ

XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь

И.К. Айвазовский. Автопортрет. 1874. Холст, масло. 74х58. Галерея Уффици, Флоренция

Посвящается Кириченко Виктору Георгиевичу – моему другу, земляку и однокашнику, капитану первого ранга, а также дядюшке Коле – Качинскому Николаю Станиславовичу, заслуженному художнику России.

ОТ АВТОРА

Уважаемые читатели, летом 2020 года я принял участие в конкурсе «Морская история – 3», где мой очерк «Море и Айвазовский» вошёл в число финалистов. С детства я восхищался полотнами великого мариниста, красотой его картин, поражался краскам моря на его полотнах.

Тема о маринисте Айвазовском очень увлекла, и я решил написать книгу о нём. Мною было изучено множество источников, не один десяток, а может и не одна сотня. Мне хотелось передать не только библиографические данные художника, но и попытаться показать ту эпоху, прописать людей, с которыми он встречался, исходя из быта и обстановки того времени, описать события тех дней.

Книга содержит очень много информации самой разной и возможно покажется немного перегруженной. Беседы героев, надеюсь, немного разбавят это повествование и дадут передышку мозгам во время погружения в книгу при её прочтении. Во многих диалогах и разговорах содержится подлинная информация о событиях того времени и слова, которые произнесены тем или иным героем имели место быть. Конечно, как и в каждой истории есть небольшие вымыслы, но в целом я постарался передать атмосферу XIX века окружавшую художника и его жизненный путь.

Хотел бы выразить благодарность за помощь в подготовке книги Марине Николаевне Жеребцовой заведующей библиотекой Законодательного Собрания Свердловской области, Александру Борисовичу Крайнюку, моряку - подводнику, хорошему моему товарищу по работе и в жизни, жене Смольниковой Наталье Анатольевне и дочери Олеся Крестьяниновой (Смольниковой) за оформление обложки книги.

С уважением Александр Смольников.

XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь

«Айвазовский! Я царь земли, а ты царь моря» Николай I

КРЫМ. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Многовековая история Крыма наполнена драматическими событиями борьбы России за полуостров с Турцией, набегами крымских татар на Русь. Первый набег крымских татар за рабами на земли Московской Руси состоялся в 1507 году. В 1511—1512 годах «крымцы», как называли их русские летописи, дважды разоряли Рязанскую землю, а в следующем году Брянскую. Через два года были совершены два новых разорения окрестностей Касимова и Рязани с массовым уводом населения в рабство. В 1517 году — набег на Тулу, а в 1521 году — первый набег татар на Москву, разорение окрестностей и увод в рабство многих тысяч. Через шесть лет — следующий большой набег на Москву. Венец крымских набегов на Россию — 1571 год, когда хан Гирей сжег Москву, разграбил более 30 русских городов и увел в рабство около 60 тысяч человек.

Как писал один из русских летописцев: «Веси, отче, настоящую сию беду на ны, яко царь крымский прииде на землю нашу, к Оке реке на берег, многие орды с собою совокупи». В годы Смутного времени крымцы практически ежегодно совершали крупные набеги на русские земли, они продолжались весь XVII век. К примеру, в 1659 году крымские татары под Ельцом, Курском, Воронежем и Тулой сожгли 4674 дома и угнали в рабство 25 448 человек. К концу XVII века противостояние сдвигается на юг Украины, ближе к Крыму. Русские армии впервые пытаются атаковать непосредственно сам полуостров, который почти два века, со времен набегов на Крым литовцев, не знал иностранных вторжений и был надежным убежищем работоторговцев. Однако и XVIII век не обходится без набегов татар. Например, в 1713 году крымцы грабят Казанскую и Воронежскую губернии, а в следующем году окрестности Царицына. Еще через год — Тамбов. Показательно, что последний набег с массовым уводом людей в рабство прошел всего за четырнадцать лет до присоединения Крыма к России — крымско-татарская «орда» в 1769 году опустошила славянские поселения между современным Кропивницким (до 2016г. Кировоградом) и Херсоном.

Татарское население Крыма жило фактически натуральным сельским хозяйством, исповедовало ислам и налогами не облагалось. Экономика Крымского ханства на протяжении нескольких веков складывалась из налогов, собираемых с нетатарского населения полуострова - торгово-ремесленное население ханства составляли исключительно греки, армяне и караимы. Но главным источником сверхдоходов для крымской знати была «набеговая экономика» — захват рабов в Восточной Европе и перепродажа их в регионы Средиземноморья. Так в середине XVIII века объяснял русскому дипломату турецкий чиновник: «Есть более ста

тысяч татар, не имеющих ни земледелия, ни торговли: если им не делать набегов, то чем же они жить станут?»

Россия перешла в контрастную ситуацию с конца XVII века, когда последовали первые крымские походы князя Голицына. И с тех пор вела постоянные войны за Крым, вплоть до присоединения к России, когда манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 года было возведено о вхождении Крымского полуострова, Тамани и Кубани в состав Российской империи. Через год после ликвидации Крымского ханства, 2 февраля 1784 году появляется императорский указ «Об образовании Таврической области» — управление и территориальное деление бывшего Крымского ханства унифицируется с остальной Россией.

Татарская Кафа - современная Феодосия (Ардабада-Каффа (Кефе)-Кючук-Истамбул (Маленький Стамбул и Крым Стамбул), все эти годы, была одним из крупнейших невольничьих рынков того времени. Четыре века в качестве живого товара здесь ежегодно продавалось от нескольких тысяч до-после самых «удачных» набегов — нескольких десятков тысяч человек.

ЧАСТЬ-1. ДЕТСТВО.

1.1. Оник.

Феодосия - небольшой провинциальный городок в Крыму. Мальчуган, лет 12-ти, сидел у кромки моря изумительно играя на скрипке восточные мелодии и пел красивым детским голосом, весь отдаваясь пению. Темнота уже укутала своим мягким летним покрывалом море, и волны ласкались у ног, шелестя и слегка накатываясь на берег. В это время, в конце лета, море играло красками фосфора, с темнотой к ногам мальчугана накатывались бело-фиолетовые, будто с подсветкой, маленькие бурунчики. Мальчик перестал играть и петь, поднялся и большим пальцем правой ноги чиркнул по мокрому песку. За пальцем, по его следу, пробежал волшебный огненный след. Недалеко от берега проплыла, вся сияя в огненном свете, рыбёшка. Тогда он зашел по щиколотку в море, то ноги его тоже засветились изумрудно-фиолетовым светом. Он улыбнулся ясной мальчишечьей улыбкой, посмотрел вдаль, где звездно - черное южное ночное небо, с искорками метеоритов, соединялось с его душой, с его морем. Мальчик вытянул туда, вдаль, руки, держа в них скрипку и смычок, и прошептал: «Море, моё море, я тебя обязательно нарисую!» Пора было идти домой, а то домашние начнут волноваться и искать, хотя, что его искать, все знали, что он здесь, у моря. Одев прохудившиеся сандалии, Ованес не спеша побрёл вверх по улице, ныне улица Морская, держа путь практически за город, к старой Генуэзской крепости. Там, вблизи неё, справа в самом верху и располагался их старый обветшалый домик, огороженный забором, уже полуразрушенный от старости, но аккуратно побеленный белой глиной. Ованес шёл и по дороге и напевал татарскую песенку.

«Богом данная», так Феодосия переводится с греческого. После войны 1812 года она из процветающего древнего города превратилась в запустелый городишко, пришла в полный упадок. Ованес проходил по пустынным улочкам с разрушенными войной домами, уцелевшие же домики стояли среди развалин, темнея в сумерках ночи. Строили дома в то время примерно одинаково, возводили из того, что было в избытке в этой местности: камня и глины. Скала — устойчивая платформа. Выкапывали котлован до твердого грунта, с опорой на скалу возводилась внутренняя стена подвала, она же фундамент. Таких зданий больше половины. Камень правили теслом и укладывали на глиняный раствор. На черноморском побережье нет вулканического пепла — важного компонента бетона того времени. В качестве альтернативы строители смешивали в определенных пропорциях песок с известью (ее нужно было сравнительно немного), добавляли тертый кирпич в качестве связующего вещества — получался цемяночный раствор. Его основное преимущество в том, что в готовом виде материал не пропускал воду. Оштукатуренные такой смесью цистерны и другие поверхности использовали в винодельне. А крыши покрывали керамической черепицей.

В темноте завиднелся их дом, практически напротив него располагался армянский фонтан 1588 года постройки, Ованес задумался:

Вид Феодосии (1845)

- Да, фонтан в память о Ходжа Аствацатуре, его супруге и детям, - он много раз его рассматривал и помнил до мельчайших подробностей. Водоём в виде призмы сложен из бутового и тёсанного камня на известковом растворе со

стрельчатой нишей и водомётом в восточной стене. Над нишей и водомётом вырезаны три резные розетки, средняя из которых представляет собой стилизованное солнце, а боковые составлены из треугольников, образующих шестиконечные звёзды. Впереди в свете луны стала видна терраса, увитая виноградной лозой. Этот дом потом простоял, не смотря на старость, до 1912 года, когда был уничтожен пожаром. Дома Ованеса ждал ужин из кукурузной каши и кислого молока. Вообще в ту пору питались и кашами, и рыбой, вялили мясо и клали его как кусок колбасы, от которого отрезали кусочки, делали пироги, были и сладкие блюда. Питалась семья Гайвазовых, делая блюда армянской кухни, из напитков делали мацун, подавали на стол и долму, это такие голубцы, только листья берутся виноградные, ели различные печенья по рецептам армянской кухни. Во многих бедных семьях еда передавалась по кругу в одной тарелке, а вот пили каждый из своей кружки, которые даже порой подписывали какая кружка кому принадлежит.

Родился Ованес 17 июля 1817 году в армянской семье, мама ласково называла его Оник, так его в обиходе в семье и называли домашние. Отец Геворк Айвазян рассказывал, что он из – за ссоры с братьями в юности переселился из Армении в Галицию, а из Галиции в Дунайские княжества, где занялся торговлей, а оттуда переехали в Крым перед войной 1812 года. Здесь он женился на местной красавице, армянке, Репсимае, маме Ованеса. Ованес был пятым ребёнком и третьим младшим мальчиком после Григория и Саргиса, были еще три дочери. После приезда в Феодосию отец стал Константином Гайвазовским, переименовав фамилию на польский манер. Он вспоминал, что прадед Ованеса по женской линии был сыном турецкого военачальника и погиб в жестоком бою с солдатами русской армии при взятии в 1696 году Азова.

Однако есть и противоположные версии происхождения Ованеса, отрицающие тюркские корни Гайвазовского. Так, в статье Лилит Арутюнян «Айвазовский - чистокровный армянин или буря в стакане воды по – турецки», опубликованной на страницах новостного агентства «Спутник Армения» от 06.04.2017 года, мы читаем отрывок беседы с искусствоведом, знатоком творчества Ивана Айвазовского Шаэна Хачаряна, который рассказывает, что предки художника были родом из Западной Армении, и никаких тюркских корней у него быть не могло: "У Ованеса Айвазовского не только не было тюркских кровей, но он был настолько преданным сыном своего народа, так много для него сделал, что подобные небылицы просто вызывают усмешку. Когда он родился, священник Мкртыч в книге рождений и крещений церкви Сурб Саркис в Феодосии внес запись о том, что на свет появился "Ованес, сын Геворга Айвазяна". Эта книга является единственным юридическим свидетельством о рождении мариниста"

Отец Ованеса был невысокого роста, лысина протянулась со лба назад к затылку, волосы светлые, нависли над верхней частью ушей, зачесанные назад, с бакенбардами, переходящими в подстриженную небольшую бородку, с завершавшим портрет мясистым не армянского типа носом, одетый в сюртук с

белой окантовкой воротника, свободно владел армянским, русским, польским, венгерским, турецким и греческим языками, будучи купцом 3-й гильдии разорился после войны 1812 года и чумы, свалившейся на город, и стал помогать горожанам составлять судебные документы и жалобы и одновременно исполнять должность старосты на феодосийском базаре. Феодосийцы уважали его, так как он проявил себя удивительной честности человеком, и поэтому доверяли ему вести различные тяжбы. Гайвазовский тянулся к просвещению и искусствам, писал стихи и рассказы на армянском языке, которые его жена Репсима с удовольствием читала на семейных торжествах. Однако работа и общественная деятельность отца приносили денег совсем немного, и семья жила очень бедно, перебиваясь порой отдельными заработками. Временами семью выручала мама Ованеса, Репсима, которая была красивой женщиной восточного типа, с острым носиком, изогнутыми бровями, аккуратными губами, одевавшаяся в чёрное платье с белым воротничком в сочетании с черным чепчиком, и прославившаяся в Феодосии искусной вышивальщицей. Поэтому заказы, которые она выполняла для светских дам и местных модниц, приносили им небольшой доход, дамы с удовольствием покупали вещи, вышитые её умелыми руками. Сыновей родители воспитывали в национальных патриархальных традициях, прививали им любовь и почитание к старшим, уважение к окружающим людям, бережное и экономное отношение ко всему в доме. Семейные ценности сыграли огромную роль в становлении братьев, которые всю жизнь принимали участие в общественной жизни и занимались благотворительностью.

В Феодосии, как и во всём Крыму, всегда не хватало воды. Правда, в Феодосии всё же эта проблема не так остро стояла, как, например, в Симферополе или других городах и посёлках. Издавна в Крыму рыли очень глубокие колодцы, некоторые были с различными приспособлениями колёсного типа, прокладывались водопроводы из керамики. Целая система сбережения дождевой воды в Чуфут – Кале поражает окружающих до наших дней, где, используя скаты гор, выкладывая стоки горными камнями, вырывая колодцы, добивались их наполнения и сохранности дождевой воды самотёком. Прделанная работа просто поражает!

Но средневековые системы приходили в негодность. Вода старинного водопровода отличалась низким качеством, содержала большое количество минеральных и органических примесей, через многочисленные трещины в керамических трубах в систему просачивались солоноватые грунтовые воды. В колодцах и цистернах, питавшихся водой "щебённых проводов", после прохождения через известковый и мергельный щебень вода становилась мутной и приобретала неприятный вкус.

Сыновья как настоящие мужчины, естественно, отвечали за пополнение водой своего дома, благо армянский фонтан находился недалеко. Надо сказать, что под Феодосией у подножия горы Агармыш есть мощный карстовый источник Су-Баш, который находится на высоте 200 метров над уровнем моря. Люди издавна использовали его воду для своих нужд, проблема состояла лишь в том, что он

находился достаточно далеко, в 29 километрах. Пройдет время и этот источник будет принадлежать семье Айвазовского, и Иван Константинович, будучи обеспокоенный изнывающим от жажды городом, в 1880 году на заседании городской думы сделает предложение: «Не будучи в силах далее оставаться свидетелем страшного бедствия, которое из года в год испытывает от безводья население родного города, я дарю ему в вечную собственность 50 тысяч вёдер в сутки чистой воды из принадлежащего мне Субашского источника».

1.2. Айвазовский и феодосийские мальчишки.

Утро заглянуло в дом солнечным светом, наскоро поев пирогов с творогом, Ованес выбежал на террасу, перед взором открылась широкая панорама на феодосийский залив, дугой растянувшийся внизу, на степи северо - крымские, раскинувшиеся желтоватым сухим цветом, на Арбатскую стрелку и Сиваши, видневшиеся в дымке на горизонте. Красота! По морю внизу, на искрящейся серебром воде, сновали смолённые рыбацкие филоги, а на рейде стояло два боевых корабля Черноморского флота. Они буквально только пришвартовались и выглядели на фоне рыбацких лодочек огромными белокрылыми красавцами. Приглядевшись, Ованес в одном из них узнал 18-пушечный военный бриг русского флота «Меркурий», прославивший себя под командованием капитан – лейтенанта Александра Ивановича Казарского победой над двумя турецкими линейными кораблями. На корме брига развевался Георгиевский флаг, вручённый кораблю за данный подвиг!

Ованес забежал в дом и позвал брата: «Саргис, Саргис, на рейде «Меркурий», Ура! Бежим смотреть!» И братья рванули вниз по улочке, по дороге к кораблю к ним присоединялись новые и новые феодосийские мальчишки. И вот он, красавец - корабль, прославленный бриг «Меркурий»! Мальчишки раскрыв рты смотрели на корабль, на матросов, и в этот момент все, как один, мечтали стать моряками, капитанами, вести корабль в бой с врагами, и каждый вёл свой непотопляемый и непобедимый корабль. Красавец из морёного дуба коричнево – чёрно – белого цвета 2-х мачтовый корабль, корму которого украшала статуя римского бога Меркурия, стоял на рейде перед ними. Каждый мальчишка знал, что Бриг «Меркурий» получил свое название в память об отважном парусно-гребном катере, отличившемся в сражения со шведами в 1788-1790 годах. Катер захватил тогда большое количество судов противника и заслужил бессмертную славу на родине. А «Меркурий» спустили на воду 7(19) мая 1820 г. Корабельный мастер полковник И. Я. Осминин задумал «Меркурий» как специальный корабль для охраны Кавказского побережья и несения дозорной службы.

Насмотревшись на корабль, ватага мальчишек набрала плоских голышей на берегу и устроила соревнование, кто кинет голыш так, чтобы он как можно большее количество раз ударился о поверхность воды.

Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями (1892)

Море вспенилось от летящих и ударяющихся о поверхность голышей, смех и крики отдались эхом, испугав чаек, сидевших на воде и глядевших дружно в сторону горизонта. Ованес, посмотрев на взлетевших птиц, прошептал:

- Будет ветер и, наверное, заштормит. Чайки смотрят в одну сторону.

Ребята поднялись наверх по улице в город и решили поиграть ещё в «царя». Играли в «царя» так: сначала старались попасть мячом в определённую точку — «мету». Самый меткий и становился царём. Он садился на пень или на землю и раздавал остальным «звания», например, «воробей, козёл, чертополох и т.д.». Перед царём, на расстоянии полутора метров, помещали в лунку мячик. Все игроки полукругом становились лицом к царю рядом с мячом. Далее государь говорил, например, «Чертополох, хватай!». Чертополох старался быстро попасть мячом в кого-нибудь из разбегающихся «придворных». Если приказание царя было исполнено удачно, то «Чертополох» садился рядом с государем. «Запятнанный» игрок подбегал к царю и «чурал» разбегающихся игроков, чтобы они остановились, потом метил в кого-нибудь мячом. Тот, кто промахивался, «получал вину». Затем все возвращались обратно в полукруг и ждали новых приказаний. Накопивший «три вины», становился «выгоревшим» и выбывал. Игра продолжалась, пока с царём не останется только один приближённый. Он-то и наказывал всех провинившихся, назначая то или иное количество ударов мячом по спине. Затем царь вставал, помещал в лунку мяч, отходил на три шага, и на счёт «три» убегал. Невинный приближённый должен был быстро поднять мяч и бросить в царя. При удачном броске в следующей игре происходил государственный переворот. Если

же нет, то все оставались на своих местах. Нарезвившись мальчишки потянулись по домам.

Нужда всё больше заходила в их небольшой обветшалый дом, ни должность старосты отца, ни вышивка мамы Репсима не покрывали потребностей семьи, уже были проданы все мало - мальски ценные вещи, нужда бродила по их дому. Многодетная семья находилась в настолько тяжёлом положении, что пришлось ребятам Саргису и Ованесу прервать обучение в армянской приходской школе Феодосии, Геворг Айвазян отдал старшего сына Саргиса (в последствии в монашестве – Габриэл) купцу – армянину для определения его в лицей Мурат – Рафаелян на острове Святого Лазаря в Венеции. Мать плакала по ночам, отец осунулся, всё больше стал молчать, но решение было принято, так будет лучше Саргису, так будет легче семье.

Ованес скучал без брата, но Саргиз при отъезде ему обещал вернуться и забрать его в далёкую, неведанную страну. Через несколько лет Саргис принял монашеский постриг и был причислен к братству мхитаристов (армянский католический монашеский орден). Уже в 22 года он получил сан священника и степень магистра богословия. Габриэл стал одним из лучших преподавателей лицея, не имея себе равных в лингвистике и филологии: он владел двадцатью европейскими и восточными языками, что позволило ему переводить и издавать на армянском языке французские, итальянские и русские сочинения. В 1836 – 1837 годах он написал и выпустил в Венеции ряд своих сочинений, среди которых большой словарь армянского языка в двух томах, историческое описание к «Истории Армении» на итальянском языке, «История Османской империи» в двух частях.

1.3. Маленький помощник.

После отъезда Саргиса в Венецию, на Ованеса возложили ещё большую ответственность по дому, нужно было помогать родителям. Он начал относить мамины рукодельные работы в богатые дома, где его встречали напыщенные, порой капризные женщины. Он очень их не любил, т.к. из – за них маме его приходилось допоздна и трудно работать, хотя конечно, их семью очень выручали деньги с этих заказов, позволяя худо – бедно существовать на этом свете. Потом, выполнив поручения матери, он уходил на целые дни в порт. Там рыбаки всегда звали ребят на помощь. В эту осень вернулось тепло, и море успокоилось на какое – то время. Рыбаки, пользуясь моментом, выходили в море на камбалу, белугу, скумбрию, хорошо ловилась макрель и кефаль. За работу на берегу, помогая рыбакам выгружать и перебирать только – что пойманную рыбу, Ованес с друзьями получали по полному ведёрку с трепещущей, отливающей серебром рыбой. После такой работы руки у мальчуганов всегда были в ссадинах от острых плавников и шипов. Отец гордился сыном – помощником, а мама тайком утирала слёзы. Растёт сын!

Когда не было рыбы и баркасы задерживались в море, ребята ходили вдоль берега в поисках обломков кораблей, ящиков, бочек, остатков снастей. Потом рыбаки с интересом рассматривали находки и гадали с какого потерпевшего кораблекрушение корабля тот или иной предмет. Иногда поиски заканчивались и совсем интересными экспонатами в виде старинных монет с изображениями львов, рыб, каких – то чудовищ. Старые рыбаки рассказывали, глядя на них, что скорей всего это со старинных греческих кораблей, которые раньше бывали частыми гостями этих мест. Изредка они отправляли ребят в музей с особо ценными находками, где им рассказывали какие монеты греческие, какие генуэзские, иногда даже за особо ценные им перепало и деньгами.

1.4. Греческая кофейня. Ованес.

Мальчик сидел на берегу, перед ним плескалось его море. Морем он привык любоваться с первых дней своей жизни и разговаривать с ним как с живым существом. И вот оно укрыто молочным покрывалом раннего утра, пролегло до самого горизонта. Не так давно он стал работать в греческой кофейне грека Александра. Сегодня он пришёл на работу пораньше, быстро навёл порядок после вчерашнего рабочего дня. На чистовую, протёр столы, пол, расставил пепельницы на столы, убрал вчерашние огарки и поставил новые свечи. Сходил в подсобку и вынес мусор в специальный ящик сзади кофейни, позже приедет извозчик и заберёт мусор на свалку. Впереди новый рабочий день, но было еще с полчаса времени и он побежал к своему морю, на берегу сел на деревянную лодку и предался размышлению:

- С 10 лет я стал работать в греческой кофейне грека Александра. Вставать приходится рано, прихожу домой поздно, глядя на родителей и видя, как они «вон лезут из кожи», очень стараюсь им помочь. Буду работать и пойду учиться! Стану знаменитым музыкантом! Нет, лучше буду великим художником! - так начиналось за размышлениями почти каждое утро Ованеса.

История Крыма тесно переплелась с кофе. Надо сказать, что кофе в Крыму начали пить задолго, чем оно пришло в Европу. Турки, армяне, греки издавна любили пить этот благородный, пахучий напиток. А Феодосия в своё время, носила имя Каффа — что возможно связано с торговлей кофейными зернами. Положением «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах и харчевнях...» 1821 г. разрешалось кофейни строить в любых местах. Кофейня грека Александра располагалась на втором этаже и напоминала типичные крымские дома полуострова: двухэтажное здание, на первом этаже которого была мастерская ремесленника и лавка цирюльника, а на втором – кофейня, к которой вела деревянная лестница. При ней было и помещение для прибывших моряков, купцов и других посетителей города для ночлега.

Кофейню в основном посещали мужчины. Здесь они решали торговые сделки, передавали новости, обсуждали дела. Сидя за столами, играли в шашки, триктрак, юзюк (кольцо), пили кофе, курили трубки.

Феодосия. Восход солнца. 1854.

В кофейню часто приходил и играл на скрипке рапсод Хайдар. Хозяин всячески этому способствовал, с уважением относился к нему, так как его игра привлекала в кафе всё новых посетителей, иногда посетителям удавалось послушать рассказы заезжих народных сказителей кедаев. Кофейня последнее время ещё превратилась и в место сбора людей для обсуждения военных событий. Что касается характеристики посетителей, то особенно можно было уловить внешние оттенки, которыми различаются эти люди, принадлежащие к племенам совершенно разным. У армян вообще цвет лица темнее нежели у татар, они дороднее, бороду имеют длиннее и глаже... Караимы замечательны преимущественно тем, что всегда одеваются с чрезвычайною тщательностью. Но основной контингент кофейни грека Александра - это моряки, рыбаки, мелкие торговцы. Они дымят длинными трубками за столами и, попивая вино и кофе, делятся воспоминаниями своей молодости, морскими походами и участиями в битвах. Многие из них зашли в Феодосийский порт на торговых кораблях и шхунах. Больше всего споры шли между моряками и рыбаками, до хрипоты и до драк, они спорили о преимуществе их профессий и кому из них трудней приходится в море.

Ованес внимательно слушал морские истории и байки разнородных посетителей. Иногда случались пьяные перебранки, и тогда старый толстый грек, пробиваясь между столиками, приструнивал разбушевавшихся посетителей, предлагал выпить вкусное вино за примирение. В кофейне всегда стоял сумрак от табачного дыма, через который с трудом пробивался свет свечей. Но и без драк в кофейне всегда было шумно, как в разбуженном улье. Трудна была работа «мальчика» в кафе. Ованес очень старался угодить посетителям и юлой вертелся между столиками, доставляя посетителям еду, вино, кофе, трубки, чем вызывал у посетителей возгласы одобрения своей работой. Ованес тоже любил выпить пахучего кофе, когда удавалось «выцарапать» немного времени в бесконечной беготне между столиками по обслуживанию посетителей. Пройдёт немного времени, и замечательная крымская поэтесса того времени Дина Лопатто напишет гимн кофе, где есть слова:

*«Как налёт волны прибоя
Поверх крепкого настоя.
Я, еще не все сказала,
Выпить кофе – это мало;
От Аравии до Крыма
Всем давно известно стало –
«Кофе чашечка без дыма –
Это сон без одеяла!»
Чтоб вполне довольным быть,
Надо с кофе закурить.»*

Сегодня отдельно на мягком диване сидела группа караимов. Перед каждым из сидевших дымилась чашка кофе и стояло блюдо с маленькими кусочками сахара. Каждый из караимов через длинные промежутки времени откусывал крошечный кусочек сахара, потягивал из чашки ароматное кофе и неизменно заканчивал глоток возгласом:

- о-о-о-х!

А вчера был в кофейне толстый турок и он то и дело командовал, что ему принести: - Мальчик, сюда! Мальчик, туда! - командовал он,

- Кафеджи дольдур! («Подлей ещё» - по-турецки), Кафеджи дольдур!

Среди шума Ованес не услышал требование турка и пронесся с подносом к соседнему столику. Турок обиделся и поднял крик. Прибежал хозяин, дороживший богатым клиентом, и, кланяясь, сам стал подливать ему кофе. Но расхоронившийся купец не унимался и требовал, чтобы хозяин прогнал из кофейни нерадивого армянского мальчишку. Неизвестно, чем бы все окончилось, если б не рапсод (здесь странствующий певец, музыкант) Хайдар, который отвёл грозу от паренька. С Хайдаром их семья познакомилась давно, ещё тогда Ованесу исполнилось 4 годика и на день рождение мама подарила голубую красивую рубашку, а папа игрушечный, вырезанный из дерева настоящий военный бриг, который изготовил

и подарил известный феодосийский резчик Ваган Арутюнян. Он не стал брать у Константина деньги, узнав, что он хочет купить бриг в подарок сыну на день рождения. Тогда же Ваган и сказал Хайдару, бродячему музыканту, что у Ованеса, сына Константина, день рождения. И Хайдар пришёл совсем плохо одетый, сел и стал играть возле их дома, а мама его позвала и накормила едой. Он пел песни невольников, тягучие и печальные, пел заводные музыкальные песни новороссов (так в царской России называли Украину-Новороссию). Замечательное получилось день рождения.

Хайдар стал каждый день приходить в кофейню и играть на скрипке, хозяин кофейни грек Александр был очень доволен, т.к. выручка сразу подросла, многие посетители приходили не только выпить вина и кофе, но и послушать музыку и пение Хайдара. Он стал учить Ованеса игре на скрипке. Учил как нужно правильно садиться, как правильно держать скрипку, как водить смычком. И Ованес старался всё выполнять как учил его рапсод. Вот он садится на стул, левую ногу кладёт на правую, скрипку берёт в левую руку и упирает её в левое колено перекинутой ноги, а в правую руку берёт смычок. Такая поза для игры на скрипке отличается от классической, когда нужно только играть мелодии, поза позволяет не только играть, но и петь. А голос у Ованеса был красивый, мелодично льющийся в такт музыке. Мальчик научился у Хайдара множеству красивых восточных мелодий и песен.

Посетителям всё больше нравилось, когда играл и пел Ованес, всё меньше его звали:

- Мальчик, иди сюда! - а всё больше просили:

- Ванюша, давай нам сыграй!

Понимая это, грек всё больше говорил:

- Хайдар, посиди, отдохни! Оник, давай сыграй гостям!

1.5. Подарок. Скрипка грека – капитана.

Россия, ведя постоянные войны с турками, не раз обращалась к Греции выступить за свою свободу, поднять восстания против османского ига, и Греция своими действиями против турок оттягивала большие силы на себя, чем и помогала России в борьбе с османским царством. В то же время в России вольнодумные мысли к свободе, к борьбе уже давно бродили в умах интеллигенции, поэтов, писателей, уже арестованы декабристы, ссылают за вольнодумие Александра Сергеевича Пушкина... В апреле 1824 года, когда мир узнал о кончине Байрона. Пушкин откликнулся на эту трагедию стихотворением “К морю”:

*« . . Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.
Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.*

*Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.»*

Русские, греки, армяне, как единомыслители, конечно, стояли на стороне Греции. Однажды в кофейню пришёл грек - капитан судна, Ованес узнал его, т.к. когда - то он в порту угощал мальчишек орехами и сладостями. Возле капитана образовался сразу круг слушателей. В ту пору Греция как раз и вела освободительную войну против османского ига. И капитан рассказал, как он сражался с клефтами (свободными крестьянами) против кровавого турецкого режима, с огромным волнением в голосе он передал как к ним примкнул, воевал и погиб знаменитый английский поэт Ноэль Байрон, и как вся Греция чтит его за этот подвиг, в дали от его родины, за свободу греков. Ованес при этом приостановился с подносом и застыл у столиков моряков, вслушиваясь в слова капитана, а голос грека продолжал:

- На собственные средства Байрон купил английский бриг, припасы, оружие и снарядил полтысячи солдат, с которыми 14 июля 1823 года отплыл в Грецию. Кроме этого предводители движения сильно не ладили друг с другом. Между тем издержки росли, и Байрон распорядился о продаже всего своего имущества в Англии, а деньги отдал на правое дело повстанческого движения и благодаря своему неукротимому таланту возглавил борьбу за свободу Греции, объединяя несогласованные группировки греческих повстанцев!

Голос грека – капитана крепчал и становился громче:

- В Месолонгионе Байрон заболел лихорадкой, продолжая отдавать все свои силы на борьбу за свободу страны. 19 января 1824 года он писал Хэнкопу: «Мы готовимся к экспедиции», а 22 января, в день своего рождения, он вошёл в комнату полковника Стэнхоупа, где было несколько человек гостей, и весело сказал:

- Вы упрекаете меня, что я не пишу стихов, а вот я только что написал стихотворение, - и Байрон прочёл: «Сегодня мне исполнилось 36 лет».

*Должно бы сердце стать глухим
И чувства прежние забыть,
Но, пусть никем я не любим,
Хочу любить!
Мой листопад шуршит листвою.
Все меньше листьев в вышине.
Недуг и камень гробовой
Остались мне.
Огонь мой сжигает дни,
Но одиноко он горит.
Лишь погребальные огни
Он породит.
Надежда в горестной судьбе,
Любовь моя - навек прости.*

*Могу лишь помнить о тебе
И цепь нести.
Но здесь сейчас не до тоски.
Свершается великий труд.
Из лавра гордые венки
Героев ждут.
О Греция! Прекрасен вид
Твоих мечей, твоих знамен!
Спартанец, поднятый на щит,
Не покорен.
Восстань! (Не Греция восстань -
Уже восстал сей древний край!)
Восстань, мой дух! И снова дань
Борьбе отдай.
О мужестве! Тенета рви,
Топчи лукавые мечты,
Не слушай голосов любви
И красоты.
Нет утешения, так что ж
Грустить о юности своей?
Погибни! Ты конец найдешь
Среди мечей.
Могила жадно ждет солдат,
Пока сражаются они.
Так брось назад прощальный взгляд
И в ней усни.*

- Однажды, продолжал рассказчик, у Байрона болела дочь Ада, да и сам он был не очень здоров, но получив письмо с хорошей вестью о выздоровлении дочери, захотел поехать прогуляться с графом Гамба. Во время прогулки пошёл страшный дождь, и Байрон промок, простудился окончательно и захворал. Последними словами поэта при жизни были отрывочные фразы: «Сестра моя! дитя моё!.. бедная Греция!.. я отдал ей время, состояние, здоровье!.. теперь отдаю ей и жизнь!»

В один из таких дней после страстных разговоров о борьбе Греции, о пушкинских стихах во славу Греции, о поддержке русского народа этой борьбы, капитан предложил сыграть на скрипке, но Хайдара не оказалось на месте. Грек - хозяин посетовал, что нет скрипки, на что капитан сказал:

- Скрипка есть! - и достал свёрток со скрипкой.

В этот вечер Ованес первый раз играл самостоятельно, ноты лились из его скрипки то суровыми звуками, то переходили на лёгкие мелодии, то плакали, то смеялись. Посетители кафе замерли от красоты звуков, от пения мальчика. Когда звуки замолкли, капитан подошёл к Ованесу и сказал, что это скрипка его погибшего друга и он был бы рад, чтобы она досталась Ованесу. Вся кофейня

взорвалась овациями, а Ованес замер и не мог проронить от счастья ни слова. Потом, прижав её груди, в знак уважения поклонился греку – капитану и произнёс:
- Теперь у меня есть своя скрипка!

1.6. Первые рисунки

Выходя на террасу, Ованес много и подолгу смотрел на море, он видел, как в зависимости от времени суток и погоды меняются вокруг краски, как паруса корабля от белого под воздействием света становятся розовыми и даже алыми, и у мальчика стало возникать непреодолимое желание нарисовать такой корабль, передать эту игру красок. В один из дней он взял кусок самоварного угля и на стене ограды дома, побеленной белой глиной, нарисовал корабль, рассекающий море. Картина настолько получилась удачной, что отец не стал его ругать, а подарил ему листок пожелтевшей бумаги и карандаш. И вскоре листок бумаги весь оказался испещрённым рисунками. Мальчуган стал выходить на взгорок, недалеко от дома, садиться на корточки и рисовать на всех подвернувшихся под руку листах бумаги людей, проходящих мимо, виды феодосийского рейда, море, корабли в море и на рейде. Однажды нарисовал даже на страницах домашней книги, за что отец дал ему трёпа. Так 12-летним ребёнком он нарисовал первые свои рисунки. Любил Ованес пройтись и по рынку, там высматривал различные старинные вазы, тарелки с рисунками на них, всё это он старался перенести на бумагу.

Автопортрет (1827)

В свои представления о географии Айвазовский не мог допустить такого абсурда, как суша без моря. Услышав в 8-летнем возрасте рассказ отца о том, что есть такие места, где одна земля, а моря вообще нет, он категорически отказался верить в реальность такого кошмара. Этого не могло быть никогда:

- Ни кораблю, ни человеку без моря жить невозможно! - говорил Ованес Айвазовский.

На склоне лет знаменитый художник вспоминал:

- Первые картины, виденные мною, когда во мне разгоралась искра пламенной любви к живописи, были литографии, изображающие подвиги героев в исходе двадцатых годов, сражавшихся с турками за освобождение Греции. Впоследствии я узнал, что сочувствие грекам, свергающим турецкое иго, высказывали тогда все поэты Европы: Байрон, Пушкин, Гюго, Ламартин... Мысль об этой великой стране часто посещала меня в виде битв на суше и на море.

1.7. Архитектор Я.Х. Кох

Городской архитектор Кох жил и работал в небольшом доме, который выгодно отличался от соседних домов своей красотой и оригинальностью. В доме было мало мебели, на стенах висело множество чертежей, гравюр и несколько красочных картин с изображением Феодосии. Наши читатели помнят, как Ованес нарисовал на стене отцовского дома корабль рассекающий море, и как отец не стал его ругать за этот рисунок, который получился очень удачно, и многие прохожие останавливались, чтобы на него посмотреть. Именно Яков Христианович Кох, будучи в гостях у отца, похвалил настенный рисунок, и именно эта похвала сподвигла отца не ругать сына. Вот и в этот раз архитектор прогуливался по городу, когда наткнулся на Ованеса, выбежавшего из-за угла, спасаясь от госпожи Дуранте, на фасаде дома которой, он запечатлел корабль, увиденный в море. Корабль был такой красивый, словно парящий на синеватых волнах, Ованес не удержался и тут же запечатлел его в своём рисунке на фасаде дома госпожи Дуранте, которая никак не оценила порыв мальчика и разразилась руганью.

- Ованес, что случилось? - обеспокоенно спросил архитектор.

Ованес переведя дух, объяснил ситуацию с рисунком и разбушевавшейся госпожой Дуранте. Кох потрепал его по волосам и сказал:

- Пойдём, дорогой, мы сейчас уладим этот вопрос!

Архитектор взял за руку мальчика, и они пошли на встречу хозяйке:

- Уважаемая, госпожа, я берусь уладить возникшее недоразумение и пришлю рабочих, которые приведут в порядок стену вашего дома! - сказал архитектор и повёл мальчика в свой дом.

После этой встречи Ованес уже больше не ходил на работу в кофейню грека Александра, так как Яков Христианович, увидев гениальные задатки в рисовании мальчика, взял его под свою опеку. С тех пор Ованес много раз приходил к архитектору, который много рассказывал ему о тайнствах рисунка, особенностях линий, теней, цветов.

Кох говорил мальчику:

- Уметь рисовать — очень важно, особенно для творческих людей. Ведь рисунок лежит в основе любой изобразительной техники. Если вы научитесь рисовать, то перед вами будут открыты все области изобразительного искусства.

Для создания рисунка нужно всего несколько несложных инструментов. И при этом рисование — огромное удовольствие.

- Кроме того, рисование развивает наблюдательность, делает ум острее, а руки — более ловкими. Вы научитесь видеть красоту окружающего мира и мыслить образно. Переноса на чистый лист бумаги образы, рожденные собственной фантазией или подсмотренные у природы, художник свободен в выборе формы их отображения. Он может изобразить их с почти фотографической точностью, а может трансформировать, подчиняя их определенной пластической идее.

И Ованес внимал каждому слову архитектора, каждой клеточкой тела впитывал новые знания, он помнил своё обещание данное морю, нарисовать его в лучших красках, самых красивых, ведь море - это целая галактика цветов! Ованес научился организовывать своё рабочее место. Он узнал, что располагаться надо так, чтобы свет падал слева, а тень от руки не падала на лист с рисунком, а натуру или модель ставить чуть левее рабочего места и на таком расстоянии, с которого её целиком видно взглядом, научился определять пропорции. Архитектор рассказывал о горизонтальных и вертикальных линиях, прямоугольных фигурах, как научиться передавать объем. Подводя мальчика к картине, изображающей Феодосию, архитектор объяснял, как надо правильно располагать облака, деревья, холмы, чтобы чувствовалось в картине ощущение пространства и глубины. Вместе они тщательно разбирают домашние задания, рисунки Ованеса, выполненные им дома на природе. И Гайвазовский, маленький будущий гений моря был на седьмом небе:

- Я рисую!

1.8. Александр Иванович Казначеев.

Феодосия сложно выживала после войны 1812-го, принёсшей разруху чуму. Улицы города потихоньку приходили в ветхое состояние, фонтаны выходили из строя один за другим, как и остатки средневекового водопровода, тогда, в 1827 году, градоначальником города был назначен Александр Иванович Казначеев. Это был уже повидавший виды полковник, участник Отечественной войны 1812 года, который проходил службу в петербургском ополчении, был ординарцем у М.И. Кутузова, участвовал в битвах при Бородине, при Тарутине и при Лейпциге. Александр Иванович обстоятельно начал наводить порядок в городе, занимаясь всеми вопросами по его восстановлению и благоустройству. Горожане заговорили, зашептались, что вот бог послал наконец-то им правителя, к которому можно при случае и обратиться, попросить за нужду, радовались и работам, проводимым по восстановлению города. Потом прошёл слух, что градоначальник служил и у новороссийского и бессарабского наместника графа М.С. Воронцова и прослыл там человеком, который может и за себя постоять и вопросы решить.

- Ну, и слава богу, хороший барин!

Александр Иванович Казначеев

Александр Иванович не брезговал и пешочком порой пройтись и в закоулки заглянуть, что и как там обстоят дела. А вдруг там не порядок? В тот день Казначеев сидел в экипаже, посматривая по сторонам. Он только что проверил идущие работы по приведению в порядок фонтанов, проехал в порт и решил подняться вверх по улице и посмотреть порядок на окраине города.

Погода стояла тёплая, экипаж не спеша пробирался вверх по улочке, как градоначальника привлекли звуки музыки. Скрипка наигрывала медленную красивую мелодию, Казначеев восторженно и приказал кучеру остановиться возле дома, откуда лилась музыка. Он увидел мальчонку со скрипкой и подозвал его к себе.

- Скажи мне мальчик, как зовут тебя и где ты так научился замечательно играть!

Это был Ованес. Он, подбежал к экипажу, с интересом заглянул в глаза градоначальника:

- Это мои любимые восточные мелодии, - сказал он.
- А научился играть сам, мелодии подбираю на слух.
- А, фамилию скажи свою, имя?
- Звать меня Ованес, а фамилия Гайвазовский.
- Значит Ваня, Ваня Гайвазовский, молодец Ваня!

И не спеша тронулся дальше, посматривая по сторонам. Настроение у Казначеева поднялось, и он начал намурлыкивать под нос услышанные только что мелодии.

Ранним весенним утром 1829 года царила сказочная погода, и градоначальник Феодосии, Александр Иванович Казначеев, решил прокатиться по переулкам вверенного ему города. Градоначальник ехал на своем экипаже, придирчиво осматривая улицы:

- Всё ли так как должно быть?

Как вдруг, на одном из заборов очень важного учреждения он увидел намалеванный углем рисунок. Рисунок, впрочем, был совсем не плох: рыбак, лодка и сеть. Что в этом удивительного - Феодосия находится на берегу Черного моря и, видимо, тот, кто нарисовал сей шедевр, не равнодушен к морской стихии. Но порядок есть порядок, и он должен быть во всем и везде, поэтому:

- Закрасить! – сказал градоначальник подбежавшему тут же полицейскому и добавил:

- Немедленно»!

- Есть! Будет исполнено, - ответил полицейский и бегом побежал исполнять приказание.

На следующий день история с рисунком повторилась, но на этот раз неизвестный изобразил на заборе корзину с рыбой. Александр Иванович не на шутку разозлился и отдал новое распоряжение:

- Закрасить снова и поставить здесь городского!

Так уж случилось, что в эту пору городской архитектор Кох пришёл на приём к градоначальнику и попросил посмотреть рисунки, выполненные на бумаге. Перебирая листы, Александр Иванович увидел тот же рисунок, что он видел при объезде городских улиц. Казначеев спросил:

- И кто же этот таинственный художник?

На что архитектор ответил, что это Ованес Гайвазовский. Так что дальше не было проблем вычислить маленького нарушителя. Когда мальчика привели в его кабинет, Казначеев воскликнул:

- А старый знакомый! Ты хорошо рисуешь, Ваня, для начала определяю тебя в гимназию, а там посмотрим.

Вскоре городской голова Феодосии А.К. Казначеев был назначен Таврическим губернатором. С семьёй он переехал в Симферополь, взяв с собой и Ованеса Гайвазовского. Спустя некоторое время при содействии А.И. Казначеева и его ближайшего окружения, четырнадцатилетний Иван 15 августа 1831 года поступил в первый класс Таврической казённой мужской гимназии, где проучился до июля 1833 года. Интересно, что эта старинная гимназия, открытая ещё в 1812 году, сохранилась до сих пор, как сохранились и некоторые другие учебные заведения средней школы, появившиеся на полуострове ещё в XIX веке. Учебный план гимназии был разносторонним и обширным. В приоритете были общественные науки, отсутствовали религиозные дисциплины. Изучение предметов проводилось по циклам, каждый из которых вел один из восьми учителей. Даже простое перечисление предметов дает представление о широте гимназической программы: математический цикл (алгебра, физика, тригонометрия, геометрия); изящные искусства (словесность, то есть литература, эстетика, теория поэзии); естественная история (ботаника, минералогия, зоология); иностранные языки (латинский, французский, немецкий); цикл наук философских (этика); экономические науки (статистика общая и государства Российского, коммерческая теория); история и география; музыка, танцы, гимнастика. Тридцать

учебных часов составляли недельный учебный план. Учебный день: с 8 до 12 и с 14 до 16 часов. В среду и субботу занятия длились с 8 до 11 часов. Для надзора за учащимися учреждались должности классных надзирателей, которые должны были следить за поведением гимназистов в урочное и внеурочное время. В ту пору в гимназиях существовали и телесные наказания.

Ваня Гайвазовский с головой ушёл в учёбу, всё ему нравилось, во всё он вникал, от радости, что он гимназист у него вырастали крылья. Здесь он продолжил совершенствование своего художественного мастерства. Первым учителем рисования юного Ивана Айвазовского был немецкий художник Иоганн Людвиг Гросс. Из свидетельства Симферопольской гимназии об учебе и успеваемости И. К. Айвазовского. [1833 г.]: «Ученик Таврической гимназии 2-го класса из мещанского звания — Иван Айвазовский, поступив в Таврическую гимназию в 1831 году августа 15 дня, обучался в первых двух классах оной по ниже писанное число, как из засвидетельствования учителей гимназии явствует, российской грамматике и логике, всеобщей российской истории и географии, начальным основам алгебры и геометрии, начальным правилам немецкого языка с успехом изрядным, начальным правилам латинского и французского языков — с хорошим, начаткам зоологии и линейному рисованию — с очень хорошим, вообще рисовальному искусству — с превосходным...»

Через 178 лет, в 2007 году на всемирно известном аукционе «Кристис» картина этого самого мальчика «Корабль у скал Гибралтара» будет продана за 2, 708 миллиона фунтов стерлингов. Конечно, тогда Казначеев не догадывался, что бедный и никому неизвестный мальчишка, в чью судьбу он вмешался, будущий известный на весь мир художник, Иван Константинович Айвазовский.

- Было ли это счастливой случайностью или предопределено свыше? - спрашивают современники.

Часть – 2. САНКТ – ПЕТЕРБУРГ.

2.1. Императорская Академия художеств.

Идея создания «Академии наук и художеств» в России впервые была высказана императором Петром I еще в конце 1690 годов. Но реализована идея была только в 1757 году в царствование императрицы Елизаветы Петровны по инициативе М.В. Ломоносова и графа И.И. Шувалова. В 1757 году куратор Императорского Московского университета И.И. Шувалов обратился в Сенат с представлением Академии художеств, в которой писал:

«... необходимо установить академию художеств, которой плоды, когда приведется в состояние, не только будут славой здешней Империи, но и великой пользой казённым и партикулярным работам, за которые иностранные посредственного знания, получая великие деньги, обогатясь возвращаются, не

оставив по настоящее время ни одного русского ни в каком художестве, который бы умел что делать. ...Сия академия будет учреждена здесь в Санкт-Петербурге по причине, что лучшие мастера не хотят в Москву ехать, как в надежде иметь от двора работы, так и для лучшего довольства иностранных здешней жизни».

Сенат принял решение (06.11.1757) «означенную Академию художеств здесь в Санкт-Петербурге учредить» и поручил Шувалову подать в Сенат проект устройства и штата Академии. «Полное учреждение Императорской Академии художеств» издано уже при Екатерине II в 1763 году, в 1764 году Екатерина II утвердила Устав и штаты Академии художеств.

Академия художеств в Санкт-Петербурге

В 1833 году осенью шестнадцатилетний Иван Айвазовский по протекции своего учителя рисования в гимназии Иогана – Людвига Гросса был зачислен в Петербургскую академию художеств, в пейзажный класс профессора живописи Максима Никифоровича Воробьева. Ещё совсем недавно мальчик из беднейшей семьи Феодосии, который, что б помочь семье выжить, подрабатывал в кофейне, разбирал рыбу с портовыми рабочими, начал учёбу в одном из виднейших учебных заведений государства российского, у виднейшего художника того времени, известнейшего представителя русской пейзажной живописи XIX века.

Существует ещё одна версия протекции Айвазовского в Императорскую Академию художеств. Когда он учился в гимназии, на его рисунки обратила внимание графиня Н.Ф. Нарышкина, принадлежавшая к самым знатным семьям Симферополя, входившая в круг петербургской знати. Умная и образованная, она была не чужда художественным интересам. Через архитектора С. Тончи графиня

передала работы одаренного юноши президенту Академии А.Н. Оленину. Вскоре министр Императорского двора князь П.М. Волконский представил рисунки Айвазовского Николаю I. «Высокий покровитель отечественных талантов с полной благосклонностью отнесся к первым опытам юного художника», и 23 августа 1833 года Иван Айвазовский был зачислен в Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге в класс профессора М.Н. Воробьева, о чём уже было сказано ранее.

А может эти версии взаимосвязаны и имеют обе быть представлены читателям, как звенья одной цепи к движению на верх великого мариниста всех времён Ивана Константиновича Айвазовского.

Профессор М.Н. Воробьев был солдатским сыном, Отца его после производства в унтер – офицеры перевели на службу в академию художеств смотреть за холстами, красками и прочими материалами. Он отдал своего сына в воспитанники Академии, когда тому исполнилось десять лет. Максим Воробьев стал художником. Когда грянула отечественная война 1812 года, молодой художник присоединился к армии, был свидетелем многих сражений, видел, как русские войска заняли Париж. После войны, в 1815 году, Максим Воробьев был определён преподавателем в Академию художеств. Ему минуло тогда двадцать восемь лет. Он обучал академистов живописи с большим знанием дела. Его речи, обращённые к ним, всегда были проникнуты благоговейной любовью к искусству. Ученики любили Максима Никифоровича. Скоро он стал профессором.

Воробьев воспитал несколько десятков учеников, среди которых было немало отличных пейзажистов (И. К. Айвазовский, А. П. Боголюбов, Л. Ф. Лагорио, Г. Г. и Н. Г. Чернецовы и др.); при этом и сам всю жизнь не оставлял кисти. Воробьев писал городские и морские пейзажи, архитектурные памятники и виды природы, а порой и эпизоды войны. Широкую известность принесли Воробьеву картины, созданные после поездки на Ближний Восток (1820-21): "Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме" (1822), "Внутренний вид церкви на Голгофе в Иерусалиме" (1824), "Внутренний вид Армянской церкви в Иерусалиме" (1820-е) и другие. В конце 1820-х годов художник посетил и театр военных действий на Дунае. По сделанным во время поездки наброскам и зарисовкам были написаны великолепные по колориту пейзажи: "Босфор", "Берег моря близ Варны" (оба 1829).

В конце 1820-х годов художник посетил и театр военных действий на Дунае. По сделанным во время поездки наброскам и зарисовкам были написаны великолепные по колориту пейзажи: "Босфор", "Берег моря близ Варны" (оба 1829). Все же самая ценная часть наследия художника - петербургские пейзажи, созданные в основном в пору его творческого расцвета, в 1820-30-е годов. Романтический образ Петербурга с его прохладной красотой предстает в пейзажах "Закат солнца в окрестностях Петербурга" (1832), "Набережная Невы у Академии художеств" (1835), "Лунная ночь в Петербурге" (1839), "Постройка Исаакиевского собора", "Петропавловская крепость" (оба 1830-х) и другие.

В доме Воробьева, куда Айвазовский был вхож, он знакомится с Василием Жуковским, Иваном Крыловым. Таким образом, Иван Айвазовский начинает учёбу при непосредственном участии в его обучении лучших людей того времени в области художественного мастерства, литературы, искусства.

2.2. Учеба в Академии.

Осенью в Петербурге начинает темнеть уже рано, высокие полукруглые окна академии с почерневшими рамами пропускают тусклый свет. Ученики занимают места у мольбертов, рядом на табуретках — палитры, краски, кисти. В студиях становится тихо, преподаватель подходит то к одному мольберту, то к другому, вполголоса дает советы. Айвазовский старается ничего не пропускать в излагаемом материале преподавателем, тщательно готовится к каждому уроку, вот и сейчас рабочее место у него полностью соответствует уроку.

Изучение рисунка в Академии художеств включало в себя три ступени, среди которых были:

- подготовительная работа, состоящая из копирования оригиналов-эстампов, процесс которой производился перед выполнением работы с натуры;
- овладение правилами выполнения рисунка посредством рисования с гипсов и натуры;
- выполнение творческих композиций, выступающих в роли завершения процесса изучения рисунка.

Преподаватели посредством копирования с оригиналов помогают ученикам приобрести чувство искусства, познать его язык и понять его специфику. Так же, они считают, что класс копирования оригиналов позволит научиться процессу перевоплощения плоского изображения в художественное подобие реальности. Урок продолжается и из-за ширмы выходят натурщики и встают на подиумы, ученики берут кисти и начинают работу. Иван Айвазовский вспоминает слова преподавателя, что с натуры художник выбирает определённый ракурс (точку, с которой смотрит на объект) и придерживается этого положения:

- Так нужно обратить внимание на величину одного объекта, а также можно и нужно сравнить высоту предмета относительно его ширины или высоты рядом стоящего предмета, - Иван вытягивает руку с карандашом перпендикулярно полу.

— И отмечаем визуально кончиком ногтя большого пальца необходимое расстояние до предмета, измерив длину объекта, переносим карандаш на другой предмет и сравниваем на сколько (или во сколько) раз первый предмет больше или меньше второго.

- На этом основаны правила о пропорциях, - звучат в ушах слова преподавателя.

Вот так потихоньку начинается работа, первые штрихи нанесены на мольберт.

- Да в общем — то всё понятно, - и Айвазовский достаточно быстро и точно справляется с уроком.

Рисование с натуры, по сути дела, немногим отличается от техники рисования с картин и рисунков. Здесь также необходимо начинать со схем, также необходимо брать правильное соотношение частей и также после правильного построения схемы переходить к изображению деталей. В то время существовала

строгая иерархия жанров в живописи, высшим из них почитали исторический. Ученики писали полотна на сюжеты античной и отечественной истории, античной мифологии и Священного Писания и изображали на них примеры добродетельных и героических поступков, высоких чувств. В русской Академической школе в дублировании эстампов котиrowались фламандская и голландская школы, среди которых виднелись гравюры с оригиналов Рембрандта, Воувермана, Берхема, Рубенса, Ван Дейка, Останде, Тенирса, Иорданса и других художников.

Преподаватели Академии буквально с первых шагов учёбы Айвазовского ставят его в число подающих большие надежды учеников. Айвазовский знакомится с петербургским коллекционером А.Р. Томиловым, бывает на незабываемых вечерах у К.П. Брюллова и М.И. Глинки. Так, бывая у Томилова в его картинной галерее, знакомится с блистательными работами мастера пейзажной живописи С.Ф. Щедрина. Айвазовский начинает работать над копией знаменитой работы Сильвестра Щедрина «Вид Амальфи близ Неаполя». Окончательный вариант её появится в 1843 году «Вид Амалфи близ Неаполя. Копия с картины С.Ф. Щедрина конца 1820-х», ныне находящаяся в Тверской областной картинной галерее. Он гостит у Томилова в поместье – селе Успенском, на берегу Волхова, близ Старой Ладogi. Знакомится с совершенно новой природой, часто бывает в лесу, изучает быт крестьян. На вечерах немало интересного черпает по художественным и литературным вопросам, в ведущихся спорах и беседах у самых передовых людей того времени, где окончательно сформировал свой природный эстетический вкус.

Пропадает днями на выставке в Античном зале академии, где в 1834 году выставляется великое творение Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Он становится узнаваем в обществе, с ним стремятся познакомиться многие известные литераторы, художники, чиновники того времени. В начале 1835 года распоряжением Академии Айвазовский был назначен в качестве помощника к известному французскому маринисту Филипу Таннеру, который прибыл в Петербург по приглашению императорского двора. Вместо огромной радости, которая вначале возникла у Айвазовского, наступила пора горького разочарования. Таннер, набрав множество заказов, без устали отправлял молодого ученика на зарисовки по городу, используя его талант, чтобы не терять на это время. Картины Таннера приобретают столичные аристократы и несколько картин заказывает сам император Николай I.

Айвазовский обращается к Таннеру:

- Месье, у меня совершенно не остаётся времени на самостоятельную работу, дайте возможность мне писать свои картины!

Но вредный француз, у которого появилось множество заказов, отказывает ему и всё больше загружает его черновой работой.

Айвазовский всё же пишет полотно: «Этюд воздуха над морем» и 26 сентября 1836 года получает серебряную медаль 2-го достоинства от комитета выставки. Тогда же в сентябре 1836-го в Академии художеств была открыта персональная выставка Таннера. Айвазовский, по-видимому, с разрешения Таннера, выставил на

ней пять своих картин. Выставку посещает А.С. Пушкин с женой и Айвазовского представляют поэту, который высказывает одобрение и желает молодому художнику новых успехов.

Известия об успехах картин доходят до Николая I. «Художественная газета», выходившая в Петербурге, пишет: «Две картины Айвазовского, изображающие пароход, идущий в Кронштадт, и голландский корабль в открытом море, говорят без отличности, что талант художника поведёт его далеко. Изучение натуры откроет ему остальные сокровища, о которых талант только догадывается». О Таннере газета небрежно пишет, что тот страдает чрезмерной манерностью. Таннер явно не ожидал такого успеха своего ученика и почувствовал себя обойденным. Бытует версия, будто бы он пожаловался императору, что его ученик без спросу выставил на его персональной выставке свои работы.

Вид на взморье в окрестностях Петербурга. Этюд воздуха над морем (1835)

Надо сказать, что Николай I являлся очень жёстким правителем. Вот как описывают его нрав современники: «Его крутой нрав, вспыльчивость, несдержанность внушали непритворный страх и самым приближенным лицам, невольно побуждая их проявлять во многом показное рвение - лишь бы избежать раздражения повелителя. А он с годами все кропотливее ворошил груды бумаг с

"государственными делами", все жестче требовал от своих министров лишь исполнения приказаний». Таким образом, император, любивший везде порядок, без промедления дал распоряжение снять картину, вызвавшую резонанс, и уволить «бывшего ученика живописца Таннера». Министр двора, не вдаваясь в подробности, решительно ответил в этот же день: «По Высочайшему повелению... прошу... приказать снять с выставки Академии художеств все картины, писанные бывшим больным учеником живописца Таннера...».

Так враз Айвазовский стал «бывшим». Но почему же больным? Любопытен хранящийся в архиве рапорт штаб-лекаря Академии художеств. Оказалось, что Айвазовский «заболел простудной лихорадкой и вступил в лазарет 28-го июля сего года... скоро выздоровел... просил дозволить ему остаться еще на некоторое время в лазарете». Айвазовский попадет в немилость государя, что грозило закатом его карьеры. Никакие доводы не действовали на государя от обращавшихся к нему с просьбами, великого баснописца И.А. Крылова, поэта В.А. Жуковского, учителя художника профессора живописи М.Н. Воробьёва, о помиловании Ивана Айвазовского, и только вмешательство профессора баталического класса Академии художеств А.И. Зауервейда, преподававшего великим княжнам рисование, возымело успех. В марте 1837 года А.И. Зауервейд рассказывает Николаю I, что картину на выставку Айвазовский написал по поручению Оленина А.Н., президента Академии художеств. Лишь спустя пять месяцев удалось уговорить императора сменить гнев на милость. Только, когда Николаю Павловичу показали картину «Этюд воздуха над морем», он простил Айвазовского. 14 марта 1837 года министр двора сообщил президенту академии: «Государь Император Высочайше повелел соизволить художника Айвазовского перевести распоряжением из класса живописи в класс баталистики под начало всё того же Зауервейда».

Картина была передана в музей академии. Поскольку на обороте не было указано название, хранитель музея, заполняя формуляр, обозначил наименование исходя из содержания: «Тихое море на берегу судно с матросом». В других архивных источниках приводится другое близкое название, только вместо слова «судно» употреблено «лодка». Ныне картина находится в Третьяковской галерее в Москве под двойным названием «Вид на взморье в окрестностях Петербурга (Этюд воздуха над морем)». А Таннер увлечшись интригами, высочайшим повелением был попрошен уехать из страны.

С тех пор на протяжении всей жизни Ивана Константиновича Айвазовского сопровождало покровительство российских императоров - Николая I, Александра II, Александра III и их семей. Оно помогло талантливому мастеру в полной мере реализовать свои способности, дало возможность совершить далекие плавания и увидеть морские пейзажи с палуб кораблей, обогащать свои впечатления во время посещения разных стран. Многие картины Айвазовского, приобретенные членами царской семьи, украшают ныне собрания главных музеев России. Айвазовский продолжает учёбу, сведения, почерпнутые в баталическом классе, весьма

пригодились ему при дальнейшем написании полотен с изображениями морских сражений.

Пришла осень 1837 года. Айвазовский участвует на очередном академическом конкурсе, представляя три морских пейзажа и картину «Штиль», получает Большую золотую медаль. Совет академии выносит решение: вместо продолжения обучения в классах отправить академика Айвазовского на два года в Крым для совершенствования своего мастерства. На чём практически и завершилось обучение Айвазовского в Академии художеств. Весной, 1833 года он отправляется из Петербурга в родную Феодосию.

Часть-3. ДОРОГАМИ ТВОРЧЕСТВА.

3.1. Путешествия на лошадях.

Говоря о путешествиях или же о передвижениях по России, в Европу, по делам службы или предпринимательства в первой половине XIX века, Ивану Айвазовскому ой как много предстояло колесить по этим дорогам в этот период и позднее, мы хотели бы дать представление о таком передвижении нашим читателям, предложив окунуться в организацию дорожного движения того времени. Надо сказать, что оно коренным образом отличалось от дня сегодняшнего.

Кибитка, запряженная тройкой почтовых под звон бубенцов и раздольную песню ямщика, подпрыгивая на кочках, продвигалась по степям Таврии и была уже не далеко от заветного Крыма. Иван Айвазовский молодой человек в возрасте 20 лет с интересом смотрел по сторонам на раскинувшиеся степи по сторонам дороги. Ещё не наступило лето, когда степь превращается в желтое бескрайнее поле выжженной травы, а сейчас, весной, выглядело довольно красиво, покрывая зелёным ситцем пространство. За кибиткой тянулось облако, поднимаемое колёсами, серовато – песочной пыли. Суслик перебежал дорогу, сел на корточки и с удивлением смотрел на пролетевшую кибитку, а степной орёл в это время пролетал в поисках добычи не далеко от тракта, и зверёк сразу резво нырнул в нору. В весеннем голубом небе раздалась песня жаворонка, словно птичка пыталась подпеть бородавотому ямщику, сидящему на облучке, прерывавшему песню командами:

- Пошли, пошли, родимые!

И снова песня ямщика и звон колокольчиков теперь уже помогали птичке нарушить тишину Таврической степи.

Иван Айвазовский прищурил глаза и предался своим мыслям:

- Да, Таврида, сколько видели эти степи разных пришельцев вторгшихся в поисках лучшей жизни, в поисках добычи, сколько курганов таят несметные сокровища своих погребенных обитателей. Помнит эта благодатная земля и тавров, и киммерийцев, копыта скифских лошадей, гордых эллинов (греков), набеги

печенегов и вторжения гуннов с готами, тюркские народы прошли здесь после набегов Хана Батыя и его Золотой Орды.

Обоз в степи (год не установлен)

Молодой человек достал котомку, вытащил баклажку с водой и сделал несколько глотков, продолжая размышлять, ибо это в дороге и есть основное занятие:

- Первыми это имя южной части Крыма, а затем и всему полуострову дали греки – Таврика, Таврида – страна тавров. Это коренной народ полуострова, потомки людей бронзового века, обозначаемых археологами как «Белозерская культура». Основную информацию об этом народе дали труды античных авторов (первые упоминания — VI век до н. э., последние — I век н.э.) и раскопки, которые ведутся на полуострове с недавних времён текущего века, века XIX.

- Ох, уж гордые люди были, жесткие и даже жестокие согласно преданий. Помнит тавров и его любимый Крым, скоро уже, скоро въедем на полуостров, как в недалеком прошлом сама императрица Екатерина Великая проехала по этим степям. Матушка - то и дала толчок дорогам, освоению этих бескрайних территорий, вошедших в состав России.

Мысли опять вернулись к таврам:

- Под Севастополем, есть гора Уч-Баш (Тюркское название, в переводе означает «три вершины»), да и много других мест, помнящих тавров. Это Мекензиевы горы, где у 2-го кордона сохранились таврские ящики и что-то напоминающее святилище, Балаклава — та самая гавань Символон, где банды

тавров якобы грабили корабли и Фиолент — там на крутом скалистом берегу, где-то в районе грота Дианы, стоял храм Девы, в котором тавры приносили ей в жертву чужестранцев, окрашивая его ступени их кровью, - так предаваясь мыслям и коротал дорогу наш художник.

Во времена Айвазовского путешествовать можно было на "своих" лошадях (или долгих), на "почтовых" (или казенных) или "на вольных". У каждого способа были плюсы и минусы. Поездка на "своих" предполагала, что путники отправляются в дорогу на своих лошадях и в своем экипаже, самостоятельно планируют остановки для отдыха и решают проблемы, возникающие в пути. Такое путешествие требовало основательной подготовки: в дорогу брали корм для лошадей, погребец с едой и напитками, посуду, дорожную мебель, постельное белье, инструменты для ремонта экипажа. Более быстрым было путешествие на "почтовых", то есть казенных лошадях, которых предоставляла существовавшая система государственной почты. Стоимость "прогона" зависела от тракта и составляла от 5 до 10 копеек за версту. К примеру, для проезда от Михайловского до Петербурга (400 верст) на тройке лошадей нужно было заплатить 120 рублей. В 1822 году жалованье коллежского секретаря Пушкина составляло 700 рублей в год ассигнациями. Для того чтобы не перекладывать багаж, часто путешествовали в своих экипажах, меняя на станциях только лошадей. Отсюда и появилось выражение "добираться на перекладных".

В России всегда бедой были дороги. Пути на юг были обычными грунтовыми дорогами, проложенными между городами, прежде всего для почтовых перевозок, (трактами). С интервалом 25-30 верст на них были устроены низшие почтовые учреждения – почтовые станции. Обычно это была одноэтажная постройка с двумя отделениями – для станционного смотрителя с семейством и для проезжающих. При станции находились каретники и конюшни для экипажей и лошадей, колодец с колодой для водопоя, сараи для фуража. Обстановка помещения для пассажиров включала стол, лавки вдоль стен, один-два жестких дивана для ночлега. Прежде чем отправиться в путь, необходимо было на почтамте выписать, от имени Императора, своего рода путевой паспорт – подорожную грамоту. Выдавалась она начальниками губерний, областей или городничими. В подорожной был указан маршрут следования путешественника и цель его: «по своей» или «по казенной надобности». Этот документ давал предъявителю право на получение ямских почтовых лошадей в указанном в ней количестве, в зависимости от чина, с уплатой положенных прогонов. На почтовой станции, предъявив "подорожную", путник вносил оплату за "прогоны" (за лошадь и версту) и на казенной лошади, управляемой казенным ямщиком, следовал до следующей станции. На ней процедура с проверкой документов и оплатой повторялась, путешественнику меняли лошадей, ямщика, экипаж. Ямщик, доставивший его, возвращался на предыдущую станцию.

При распределении лошадиных сил смотрители руководствовались "Табелью о рангах" и специальной инструкцией, в которой четко говорилось "какому чину и по сколько выдавать лошадей". Думаю, понятно, что чем ниже чин, тем меньше лошадей полагалось. Для сравнения - "особа первого класса" имела

право на двадцать лошадей, "нижние чины и служащие" - на две. Кроме того, существовало "Расписание, изданное по высочайшему повелению 6-го июля 1802 года, в какое время и по сколько почтовых лошадей, и в какие экипажи запрягать для проезжающих". Путешественник, отправляясь в дорогу, должен был правильно соотнести тип повозки, объем багажа, время года и количество лошадей, положенных ему по чину. И горе путешественнику, если едет «по своей надобности», да еще с маленьким чином! Проезжий генерал или царский курьер забирал всех свежих лошадей, и путешественник вынужден был дожидаться счастливого случая иногда по нескольку дней. Установленную правилами скорость езды (не более десяти верст в час летом, не более двенадцати - зимой, восемь - осенью и весной) чаще всего превышали. Эти правила не распространялись на курьеров и фельдъегерей, которые, как сказано о них, "имеют быть возимы столь поспешно, сколько сие будет возможно". Обычно на почтовой станции путнику предоставлялся легкий рессорный или полурессорный (рессоры ставились на задней оси), четырехколесный конный экипаж – бричка. Упряжка в одну лошадь, парой в дышло или тройкой. В качестве разновидности подобной повозки здесь могли предоставить «тарантас» - длинную четырехколесную телегу специальной конструкции для уменьшения тряскости. Пассажиры в ней обычно располагались, полулежа на сене или тюфяках, а сзади кузова на дрожинах оставалось место для багажа. Нередко тарантасы снабжались подъемным кожаным верхом. Состоятельные люди и высокопоставленные чиновники путешествовали в больших закрытых комфортабельных четырехколесных рессорных экипажах типа кареты – то есть в повозках, запряженных различным количеством лошадей и имевших жесткий деревянный кузов со стеклами, дверцами, откидными ступеньками. Эти экипажи имели разные названия – рыдваны, дормезы... Летом ездили в двух-четыrehместных колясках, бричках и каретах. Зимой - на санях, возках и кибитках. В комфортабельной дорожной карете было все: "постель, туалет, погребок, аптечка, кухня, сервиз" (А. С. Пушкин «Роман на Кавказских водах»). В тряских экипажах по довольно плохой дороге, меняя лошадей на почтовых станциях, путешественник из Москвы добирался до Крыма за неделю и почти вдвое дольше - из Петербурга. Сведения о прибытии и отъезде лиц дворянского сословия публиковались в газетах.

В начале XIX века в Крым в основном стали ездить из Москвы Волгой до Царицына, Доном до Ростова, Азовским морем до Керчи. В 1826 году была построена дорога от Симферополя до Алушты, в 1837 году продолженная до Ялты, а в 1848 году – до Севастополя. В 1848 году на границе Южного берега Крыма и северного склона гор сооружены Байдарские ворота. А вот уже в начале XX века, по сведениям Григория Москвича (издатель путеводителей и путешественник), выбор средств передвижения у курортников был куда шире: «Из Симферополя в Ялту отправляются в срочных автомобилях, в почтовых экипажах, на перекладных, в извозчицких экипажах. Цены за проезд взимаются по утвержденной таксе: в автобусе до Алушты — 4 рубля, а до Ялты — 8 рублей, причем автобусы довозят до Алушты, откуда далее до Гурзуфа и Ялты ездят в легковых срочных автомобилях. Почтовый фаэтон (пара лошадей) до Ялты — 16 рублей, до Алушты — 8 рублей; тройкой — 22 рубля и 11 рублей. Ландо (4 лошади) до Ялты — 30

рублей, до Алушты — 15 рублей, почтовая перекладная (пара лошадей) до Ялты — 7 рублей 88 копеек, до Алушты — 4 рубля 20 копеек. На частных, конкурирующих автобусах до Алушты — 3 рубля, а на линейках 2 рубля и 1 рубль 50 копеек». Уже в те времена пассажиров, прибывающих в Симферополь поездом, подстерегали шустрые комиссионеры, которые с первого взгляда оценивали толщину его кошелька и неопытность. Жертва не успевала опомниться, как ее багаж уже был погружен, а сама она сидела в дорогом фаэтоне или автомобиле.

Зато у выпускников художественных училищ была возможность за казённый счёт съездить на длительное время в Италию или Грецию – приобщиться к сокровищницам мировой художественной культуры. Питались они тоже за казённый счёт.

Кстати, об автомобилях: в начале прошлого века у крымчан они снискали нелестное название «чертовых телег». И начало автодвижения в Крыму оказалось очень символичным: появление первого на полуострове автомобиля тут же ознаменовалось аварией. В 1901 году венгерский инженер Ковач отправился на своем четырехколесном друге на Южный берег и около Гурзуфа не разминулс с конным экипажем. Испугавшаяся лошадь опрокинула коляску с пассажирами. «Развелось автомобилей страшно много, всюду и везде несутся они с невероятной быстротой... Масса искалеченных людей, а недавно наповал был убит старик-татарин около границы с Севастополем... задавленным животным и птицам нет числа» — это цитата из приказа ялтинского градоначальника Думбадзе, который в 1913 году предупреждал нерадивых владельцев авто о жестких мерах, которые он вынужден будет принимать. А автомобилей тогда на весь Крым было... меньше семи десятков. Особенно «модным и престижным» отдыхать в Крыму стало с 1861 года, после того, как Ливадия стала летней резиденцией царской семьи. Постепенно Южный берег наполнился публикой из самых высших и богатых слоев населения России. Как грибы, здесь стали появляться дачи и дворцы представителей знатных дворянских и купеческих фамилий.

А пока кибитка с Айвазовским подъехала к Перекопу, так называемые в народе ворота в Крым, скоро, очень уже скоро Айвазовский окажется в родной Феодосии. Художник стал всматриваться в даль. Рядом проплыл мимо кибитки специальный дорожный знак, которым обозначалась каждая верста - треугольный обелиск «из дикого камня», такие, по приказу Потёмкина водрузили вдоль дороги каждые десять верст, так называемые каменные «мили» - «круглые пропорционально вытесанные колонны с украшением вроде осьмиугольной капители». Екатерининские мили – абсолютно уникальный памятник зодчества, - сегодня являются единственным сооружением, специально построенным в честь путешествия императрицы в Крым. За двести с лишним лет «верст» уже не осталось ни одной, а «миль» в Крыму сохранилось всего пять.

3.2. Крым.

Два года пролетят, как одна набежавшая волна, красивая переливающаяся в солнечном свете, голубоватая, с синевой. По прибытию домой, как говорят на море:

«Вернувшись в родную гавань», Айвазовский «летал на крыльях», он ходил, любовался морем, далями феодосийскими, кофейней, где работал с 10 лет, своим бедным покрашенным белой глиной домиком, холмиком, на котором просиживал с кусочком бумаги и карандашом, рисуя всё подряд, что его окружало, старым фонтаном. Мысли всё время откатывали его в детство. Встретился со всеми людьми, кто вошёл в его жизнь, кто сыграл свою роль, в становлении его, как художника и конечно много работал, рисовал.

Георгиевский монастырь. Мыс Фиолент (1846)

Два лета провёл он в Феодосии, он не только писал морские пейзажи, но и занимался батальной живописью и даже участвовал в военных действиях на побережье тогдашней Черкессии (куда мы с читателями ещё вернёмся), где, наблюдая с берега за высадкой десанта в долине реки Шахе, сделал наброски для картины «Десант отряда в долине Субаши» (так тогда черкесы называли это место). Которую напишет позже и её приобретёт Николай I. В конце лета 1839 года вернулся в Петербург, где 23 сентября получил аттестат об окончании Академии, свой первый чин и личное дворянство.

«23 сентября 1839 г. Санкт-Петербургская императорская Академия художеств в силу своего устава, властью, от монарха ей данною, воспитанника своего Ивана Гайвазовского, обучавшегося в оной с 1833 года в живописании морских видов, окончившего курс своего учения, за его хорошие успехи и особливо признанное в нём добронравие, честное и похвальное поведение, возводя в звание художника, уравниваемого по всемилостивейшее данной Академии привилегии с 14-м классом и наградя его шпагою, удостоивает с потомками его в вечные роды

пользоваться правами и преимуществами, той высочайшею привилегией таковым присвоенными. Дан сей аттестат в Санкт-Петербурге за подписанием Президента Академии и с приложением большой её печати».

3.3. Европа.

Воображение Айвазовского уносило его далеко, и он начал сознавать, правда пока смутно, что для создания образа моря, к чему его так властно влекло, необходимо увидеть чужие воды, чужое небо: только тогда он лучше поймёт и изобразит родное Чёрное море... В июле 1840 года Айвазовский и его товарищ по пейзажному классу Академии Василий Штернберг отправились в Рим. По дороге они останавливались в Венеции и Флоренции. В Венеции Иван Константинович познакомился с Гоголем, а также побывал на острове св. Лазаря, где встречался со своим братом Габриэлом. Художник долгое время работал в южной Италии, в частности, в Сорренто, и выработал манеру работы, которая заключалась в том, что он работал на открытом воздухе лишь короткие промежутки времени, а в мастерской восстанавливал пейзаж, оставляя широкий простор для импровизации.

Вид на венецианскую лагуну (1841)

Картина «Хаос» была куплена папой Григорием XVI, который также наградил Айвазовского золотой медалью. В целом, творчеству Айвазовского в Италии сопутствовал успех, о его работах высоко отзывался Уильям Тёрнер. За свои картины он получил золотую медаль Парижской академии художеств.

В начале 1842 года Айвазовский через Швейцарию и долину Рейна отправился в Голландию, оттуда отплыл в Англию, а позже посетил Париж, Португалию и Испанию. В Бискайском заливе корабль, на котором плыл художник, попал в бурю и едва не затонул, так что в парижских газетах появились сообщения о его гибели. Путешествие в целом продолжалось четыре года. Осенью 1844 года он вернулся в Россию.

3.4. Турция.

Знакомство Айвазовского с Османской империей началось в 1845 году. Средиземноморская географическая экспедиция под руководством Ф. П. Литке, в составе которой был Иван Константинович, отправилась к берегам Турции и Малой Азии.

Фёдор Петрович Литке

Граф Фёдор Петрович Литке (17 сентября (28 сентября) 1797, Санкт-Петербург — 8 августа (20 августа) 1882, Санкт-Петербург) — русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал, президент Академии Наук.

Тогда Стамбул покорила художника. После окончания экспедиции им было написано большое количество работ, в том числе и с видами столицы Османской империи. После окончания войны в 1856 году по пути из Франции, где на международной выставке выставлялись его работы, Айвазовский второй раз посетил Стамбул. Был тепло встречен местной армянской диаспорой, а также, по протекции придворного архитектора Саркиса Баляна, был принят султаном Абдул-Меджидом I. К тому времени в коллекции султана уже была одна картина Айвазовского. В знак преклонения перед его творчеством султан наградил Ивана Константиновича орденом «Нишан Али» IV степени. Картины И. К. Айвазовского, находившиеся в Турции, неоднократно выставлялись на различных выставках. В

1880 году в здании русского посольства проходила выставка картин художника. По её окончании султан Абдул-Хамид II вручил И. К. Айвазовскому алмазную медаль.

В 1881 году владелец художественного магазина Ульман Громбач проводил выставку работ известных мастеров: Ван Дейка, Рембрандта, Брейгля, Жерома и Айвазовского. В 1882 году здесь же состоялась художественная выставка И. К. Айвазовского и турецкого художника Оскана Эфенди. Выставки имели огромный успех. В 1888 году в Стамбуле состоялась ещё одна выставка, организованная Левом Мазировым (племянником И. К. Айвазовского), на которой были представлены 24 картины художника. Половина сборов от неё пошла на благотворительные цели. Как раз на эти годы приходится первый выпуск османской Академии художеств. В работах выпускников Академии прослеживается манера письма Айвазовского: «Гибель корабля «Эртугрул» в Токийском заливе» художника Османа Нури Паши, картина «Корабль» Али Джемалю, некоторые марины диарбакырца (Диарбакыр – город и район на юго – востоке Турции, на реке Тигр) Тахсина.

В 1890 году была последняя поездка Ивана Константиновича в Стамбул. Он посетил армянскую патриархию и дворец Йылдыз, где оставил в дар свои картины. В этот приезд он был награждён султаном Абдул-Хамидом II орденом Меджидие I степени.

Бухта Золотой Рог. Турция (1845)

В настоящее время несколько известных картин Айвазовского находятся в Турции, в Военном музее в Стамбуле хранится картина 1893 года «Корабль на Черном море», картина 1889 года «Корабль и лодка» хранится в одной из частных коллекций. В резиденции президента Турции картина «Тонущий во время шторма корабль» (1899 года).

Часть – 4. РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ И И.К. АЙВАЗОВСКИЙ.

4.1. Николай I.

Николай I

Маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин — французский монархист, писатель, путешественник. Приобрёл мировую известность изданием своих записок о России, которую он посетил в 1839 году. Он писал о времени правления Николая I в России: "Россией управляет класс чиновников... и управляет часто наперекор воле монарха... Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну. И, как это ни звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией - силой, страшной повсюду, потому что злоупотребление ею именуется любовью к порядку, но особенно страшной в России. Когда видишь, как императорский абсолютизм подменяется бюрократической тиранией, содрогаешься за участь страны".

С тех пор для одних это - гнусный навет и образец ненависти к России, а для других - правдивое и очень тонкое произведение, в которой автор показывает свое видение страны пребывания.

Великий маринист Иван Константинович Айвазовский непринужденно сидел за обедом с императором Руси Николаем I, одного взгляда которого боялись

придворные вельможи, любезно пригласивший его к путешествию на пароходе «Владимир» в Севастополь, поприсутствовать на морских манёврах в 1851 году. Утро у него прошло по заведённому им обычаю делать зарисовки красот моря. И пока в своей каюте Николай Павлович «кушал чай», к которому выдавался «фрыштик», то есть завтрак, состоявший из кисло-сладкого хлеба, двух круглых булочек и сухарей, т.к. каких-либо пряностей император избегал. А потом «схрустел» дежурных солёных огурчиков. По ведомости 1840 года Николаю Павловичу ежедневно должны были подавать утром пять солёных огурцов. А в это время, стоя у мольберта, Айвазовский с удовольствием любовался морскими пейзажами, мазок за мазком накладывая новые краски на холст.

Сидя за круглым столиком, они вели с императором непринужденную беседу. Море за бортом неслышно плескало о борт своими изумрудными солёными волнами, лёгкий ветерок наполнял солоноватыми запахами с кусочками йода воздух, разбавляя ароматы, исходившие от капустного супа с салом, ливанского кофе, со стоящими на столе к нему сливками, различными булками и кренделями (сдобными, сахарными, с анисом, с солью), «витушками» и «палочками». В целом Николай Павлович относился к еде как к данному и не представлял особых хлопот поварам в их приготовлении. В ходе завтрака император запросто беседовал с художником.

- Иван Константинович, что скажите, какова сегодня освещенность моря? А какова, любезнейший, группировка судов перед нами, не правда ли очень живописно!

- Да, государь, я уже утром написал несколько зарисовок, очень замечательно сегодня, погода просто сказка, так и просится на полотно! А паруса на мачтах, а как идут стройно, душа радуется!

С детских лет рисование наравне с игрой в солдатики было любимым занятием великого князя Николая Павловича. Будучи совсем маленьким, он постоянно просил своих воспитателей что-то нарисовать для него, а затем с большим старанием и видимым удовольствием раскрашивал рисунок. Постепенно он пристрастился рисовать сам простыми и цветными карандашами. Сюжеты его рисунков были незамысловаты – букеты цветов, домики, сельские пейзажи, домашние животные и птицы. Как правило, рисунки предназначались в подарок матери, сестрицам, любимой няне мисс Лайон. Такие подарочные рисунки подписывались именем «Николай» или «Nicolas», рядом ставилась дата памятного дня. Любовь к живописи осталась для него любимым занятием на всю жизнь, поэтому он опекал Айвазовского и всячески способствовал раскрытию его талантов, беря его в различные морские путешествия и поездки. О их отношениях в одной из поездок по морю живописец и действительный член Академии художеств К.В. Лемох, в студенческие годы работавший в мастерской И.К. Айвазовского, говорил так: «При путешествии по морю на колесном пароходе царь Николай I брал с собой и Айвазовского. Стоя на кожухе одного пароходного

колеса, царь кричал Айвазовскому, стоявшему на другом колесе: «Айвазовский! Я царь земли, а ты царь моря!»

Пообедав и побродив по палубе вдвоём, обсудив вопросы развития живописи в России, разные военные дела, государь Николай Павлович пригласил Айвазовского к ужину.

Оставшийся день Айвазовский провёл в приподнятом настроении. В голове проносились мысли о дружеском участии Николая I к нему, выросшему в небогатой семье и благодаря упорному труду и таланту ставшему известным маринистом: «Милость и благосклонное ко мне внимание императора были для меня велики и останутся навсегда незабвенны. По высочайшей воле мне, когда я писал виды морских сражений, давались всевозможные пособия от адмиралтейства: чертежи кораблей, рисунки оснастки судов, вооружения и т.д. Для доставления мне случая видеть полет ядра рикошетом по водной поверхности государь повелел однажды произвести при мне, в Кронштадте, несколько пушечных выстрелов боевыми зарядами. Для ближайшего ознакомления моего с движениями военных кораблей во время морских сражений государь всемилостивейше предложил мне однажды присутствовать на морских маневрах на Финском заливе. Глубоко врезались в мою память эффекты отражения солнечных лучей в клубах порохового дыма, быстро взвивавшихся к небу или плавно расстилавшихся по поверхности залива».

Ужин разместили в этот раз не на палубе, а в кают - компании корабля. Император присутствовал, облачённый в мундир, с аккуратно причёсанными волосами, умело скрывающим, на сколько возможно, небольшую залысину со лба с большими бакенбардами и усами, кончики которых эффектно немного закручены вверх. Айвазовский, как всегда, облачился в темный костюм. На ужин подали любимую гречневую кашу императора, которую подавали в горшочке и немного дичи и рыбы, а также зеленый чай «фамильный», то есть лучших фирм, по 18 золотников (97 г, считая в золотнике 4,266 г). Иван Константинович принес показать небольшую зарисовку с видом на море, написанную сегодня.

- Прошу оценить, Ваше императорское Величество.

На картине раскинулось море, искря на солнце просторами воды, и строй кораблей, вытянувшийся в кильватер.

- О, Иван Константинович, волшебные краски, однако у вас, поистине волшебные!

Император приказал принести барабан в кают – компанию.

- Иван Константинович, а ну - ка послушай, батенька, воинской барабанной дроби.

И начал отбивать на барабане дроби воинских сигналов. И надо сказать, получалось у него это даже очень умело, чувствовалось, что Николай Павлович часто баловал себя игрой на барабане.

Николай I всегда демонстрировал большую щедрость, когда дело касалось покупки картин Айвазовского. «Помню, как государь, осматривая одну из оконченных мною картин, изволил заметить, что изображенные на ней волны и всплески от ядер, падающих в воду, не совсем согласны с действительностью, а потому его Величество желал бы, чтобы я сделал некоторые исправления. Я позволил себе отозваться, что предпочитаю, вместо исправлений, написать новую картину. Князь Петр Михайлович Волконский, строгий блюститель экономии по министерству двора, поспешил предупредить меня, что вторую картину я обязан написать без всякого за нее вознаграждения. Даже без этого предварения я, конечно, и сам не упомянул бы о вторичной плате, но покойный император Николай Павлович, со свойственной ему истинно царской щедростью, приказал выдать мне и за вторую картину точно такое же вознаграждение, как и за первую».

Смотр Черноморского флота в 1849 году (1886)

Айвазовский имел близкие доверительные отношения не только с Николаем I, вся императорская семья ценила художника за его талант. Императрица Александра Федоровна с детьми не раз навещала его в доме в Феодосии и в крымском загородном имении. В 1854 году великие князья Николай и Михаил Николаевичи проездом из Севастополя в Петербург, приняли от Айвазовского для представления императору несколько рисунков с изображением разных эпизодов Крымской войны. Художник очень переживал, придется ли по вкусу царской семье его новые работы. Он писал воспитателю младших сыновей Николая I, генерал-адъютанту А.И. Философову: «...Его Императорскому Высочеству великому князю

Николаю Николаевичу благоугодно было, чтобы я сделал рисунок общего вида Севастополя во время бомбардирования. Написал небольшую картину с рисунка, сделанного мною с натуры 24-го октября, имею счастье отправить их Вам и прошу Вас покорнейше, ежели сколько-нибудь понравится Их Императорским Высочествам, то уведомить меня, и тогда я буду очень счастлив повторить с большею старательностью...». На обратном пути великие князья передали художнику благодарность и слова отца: «Что бы ни написал Айвазовский - будет куплено мною.»

4.2. Александр II.

Семья Александра II

После смерти Николая I на престол взошел его сын Александр II, с которым Айвазовский познакомился еще в плавании 1851 года. Новый император, как и его отец, был благосклонен к таланту мастера. В 1860-е годы Айвазовский в числе других художников был приглашен в крымское имение Ливадия, принадлежавшее императорской семье, для росписи Малого дворца. «Айвазовскому, постоянно посещавшему Ливадию, пришла фантазия нарисовать красками а vol d'oiseau Крымский полуостров с несколькими пароходами на ходу на стене царского балкона у входных дверей. Картина эта с горными цепями, отклонами, лесами, бухтами и населенными местами до такой степени поражала перспективой и

плеском игривых волн Черного моря, что каждый останавливался перед нею и целые часы не отрывал глаз...». Большой дворец Айвазовский украсил фресками.

Кроме того, художник сопровождал императрицу Марию Александровну в путешествии на пароходе в Алушту в 1861 году. Через несколько дней он преподнес ей в подарок картину, изображавшую ее поездку. Об этой встрече с императорской семьей Айвазовский писал: «Государь и императрица были чрезвычайно милостивы ко мне, был я приглашен к обеду, получил драгоценный подарок и несколько заказов». Из архивных документов мы узнаем, что тем подарком стал «бриллиантовый перстень с вензелевым ее величества именем».

Осенью 1867 года по желанию императрицы Марии Александровны, художник находился в числе сопровождавших царских детей княжны Марии 14 лет, которая росла «слабенькой» девочкой и Сергея в возрасте 10 лет, будущего московского генерал – губернатора, прозванного в народе в дальнейшем князем Ходынским из – за трагедии на Ходынском поле и погибшего в последствии в результате теракта в 1905 году от брошенной в карету бомбы.

С 50-х годов XIX столетия в Турции шли постоянные реформы в политической, экономической, культурной сферах. Реформы 1850-х — 1860-х годов имели целью установление большего равенства всех подданных империи — был учреждён официальный статус немусульманских общин-миллетов (греческой, армянской, еврейской и других), объявлено о допуске их представителей к государственной службе (кроме службы в армии), создано министерство просвещения, ведавшее светскими учебными заведениями. И наконец, власти пошли на уступки иностранному капиталу — был подтверждён режим капитуляций, утверждён англо-французский Оттоманский банк, получивший статус государственного банка. Произошли обширные инвестиции в промышленное и железнодорожное строительство, добычу и обработку сырья.

Сегодня его называют Стамбул, однако, еще в начале прошлого века, этот город был известен как Константинополь. С закатом Османской империи, город утратил статус столицы, но, по-прежнему, остается одним из главных городов Евразии. Конец XIX века характерен для Константинополя четкими веяниями европейской культуры. В речи все чаще слышен французский язык, а тип одежды все более похож на традиционные европейские платья. Новые веяния затронули и архитектуру. В городе появляется все большее количество построек в стиле рококо и барокко. Константинополь развивается быстрыми темпами, и на его улицах появляются первые трамваи. Также, открывается первая линия метрополитена, а сам город в проливе Босфор соединяется железнодорожной линией с Парижем.

Их императорские высочества, княгиня Мария и князь Сергей в компании с великим маринистом, стоят у фальшборта и всматриваются в берега неведанной до сих пор для них земли. Давно манят их восточные земли, в особенности прославленный центр Древнего мира – Константинополь. Но ныне сей славный город во власти Султана, и чтобы в него попасть требуется разрешение. Султан крайне недоверчив и запрещает любому военному фрегату входить в гавань.

Поэтому лучше прибыть сюда с купеческим судном. Но они прибывают по его приглашению, как особо знатные царские особы, дети государя – императора могущественной России.

В это прекрасное солнечное утро корабль успешно пересекает Дарданельский пролив, и они оказываются в просторной и защищённой со всех сторон гавани, взору предстаёт поистине сказочная картина: ровную гладь моря пересекают бегущие в разные стороны лёгкие ладьи. Город очаровывает множеством красочных домов, киосков и воздушных минаретов на султанских мечетях. Всё утопает в пышной зелени садов и величественных вечно - зелёных кипарисов. Великая княжна восхищена и восклицает при виде открывшихся красот:

- О, мой, бог! Какая волшебная красота! Серёжа, ты посмотри какой замечательный сказочный город!

- Да, сестра, Константинополь – это волшебство из сказки!

Судно бросает якорь, и вот она – благословенная восточная земля! Айвазовский полон гордости великим поручением о присмотре царских особ, взял на себя обязанности и в сопровождении по экскурсиям их высочеств в показе достопримечательностей. Здесь мы отклонимся от сцен почестей отданных великим княгине и князю, согласно их чина, а сразу рассмотрим интересные места путешествий брата и сестры и великого мариниста.

- Их императорские высочества, завтра мы с вами всенепременно отправимся в город на осмотр и знакомство со святынями Константинополя: христианскими храмом святой Софии и церковью Хора.

Их высочества по - детски обрадовались, засмеялись, захлопали в ладоши, а Мария закружилась, и длинное платье полу раскрылось солнечным зонтиком.

«Буюк-Дере, что значит «Большая деревня», расположена дугой по глубокому заливу, излучистый берег которого ласкают постепенно замирающие здесь волны Босфора. Изящные жилища, между которыми особенно выдаются летние дачи русского посольства, где и поселились царственные особы и сопровождающие их лица, картинно раскинуты по берегу у подножия холмов и среди зеленеющих садов. Сюда каждый вечер пароход привозит из Константинополя богатых людей в их загородные дома и дачи на отдых после дневных трудов. Население здесь преимущественно христианское. По вечерам набережная оживляется толпами гуляющих в роскошных нарядах гречанок и армянок, выходящих подышать чистым воздухом, насыщенным благоуханием цветов. Наиболее посещаемые уголки Буюк-Дере, это – луг с семью вековыми платанами, Кестане-Су (т. е. ручей каштанов) и «долина роз». Каштаны, называемые Иеди-Кардаш, т. е. «Семь братьев», по преданию, насаждены вождем крестоносцев Готфридом Бульонским и существуют будто бы уже 800 лет».

Утро наступило. Айвазовский в новом фраке, с пышными бакенбардами излучал полное красноречие и радушие в присутствии величайших особ русского трона. И процессия во главе с ним и с княжной Марией, князем Сергеем вышла на прогулку для просмотра замечательностей города. Погода стояла ласковая, тёплая, вокруг благоухала зелень, ласково пахнувшая её ароматом. Поднявшись от

вокзальной площади вверх по улочкам, карета приблизилась к площади, куда устремляются все паломники и туристы, желающие соприкоснуться с историей Византийской империи. Здесь в окружении четырех минаретов возвышается Святая София – сердце древнего Царьграда.

- Ну, что? Начнём наше сказочное путешествие, - воскликнул Иван Константинович.

- Это здание представляет собой настоящее архитектурное чудо, - ваши императорские высочества.

- Построенное в течение пяти лет – с 532 по 537 годы – Анфимием из Тралл и Исидором из Милета, оно не перестает, как видите, милые Мария и Серёжа, поражать размерами своего купола – 30x55 м. Святая София воздвигнута Юстинианом на том месте, где император Константин выстроил первую христианскую церковь (в 325 году). В строительстве храма участвовало до 10 тысяч рабочих, - Айвазовский сверху посмотрел на детей, определяя впечатление, произведенное на их императорские высочества от его слов, и продолжал:

- Сам император Юстиниан нередко, как простой рабочий, трудился над сооружением храма, подавая пример, которому следовали его вельможи. Когда строительство было завершено и церковь освящена, император с гордостью сказал: «Я превзошел тебя, Соломон».

«Постройка храма св. Софии стоила громадной суммы, именно, по вычислению историков, приблизительно 2 200 000 рублей, что сравнительно с ценностью нашего времени будет около 300 миллионов рублей, – писал епископ Сухумский Арсений в 1894 году. Беспримерная гениальная смелость постройки и внутреннее роскошное убранство сделали из этого здания чудо технического искусства. Купол его, имеющий в диаметре 15 сажен, по своему объему и плоскости в виде сплюснутого полушария, представляется сводом небесным; он как будто в воздухе. В куполе 32 окна, из которых льется обильный свет, озаряющий всю внутренность храма. Сто колонн, находящихся в нем, из коих 40 внизу и 60 на хорах, все из самых дорогих пород мрамора, равно как и стены, покрыты по большей части мрамором».

- Посланцы св. равноапостольного князя Владимира, прибывшие в Константинополь для «выбора веры» (конец X века), присутствовали за богослужением в этом соборе, ваши императорские Высочества, закончил свою экскурсию по храму Айвазовский.

- Как понравился Вам храм, рассказ мой, ваши высочества?

- Да, да, захлопали в ладоши Мария и Сергей, - едем в Хору, ура!

Продолжая путь к храму Хора (Кахрие-джами), недалеко от Адрианопольских ворот (Эдирне капысы), Айвазовский под умеренный перестук колёс кареты продолжал свой рассказ:

- После собора св. Софии, это наиболее значительный памятник византийского искусства; дошедшие до нас мозаики XIV века последовательно повествуют об евангельских событиях.

Мечеть «Кахрие-Джами» стояла под горой, между развалинами и каменными плоскими домиками. Подъехав, Айвазовский и их императорские высочества вышли из кареты и увидели, что около её дверей сидели турки в белых чалмах,

которые при их приближении почтительно встали. Айвазовский перекинулся с ними несколькими фразами, и они, отворив двери мечети, пропустили всех внутрь. Чудные мозаиковые картины открылись взору, перед которыми Мария и Сергей остановились, изумленные, в паперти Кахрие-Джами. Своды куполов и верхние части стен притворов сплошь покрыты ими. Яркость красок и блеск полировки этой вековой каменной живописи так свежи, как будто только сейчас отодвинулась от них рука художника...

- А между тем, это работа первой четверти XIV века, - произнёс Айвазовский, - смотрите, даже все греческие надписи словно сейчас написаны! Видите, вот тот рисунок строгого и возвышенного средневекового стиля, бесценный для любителя византийских образцов, он исполнен какого-то торжественного и вместе с тем умирительного благочестия...

Мария и Сергей, их императорские высочества, с изумлением на лицах, медленно переходили по залу храма внимательно, раскрыв рты, рассматривая убранство Хоры. В процессе пребывания в Константинополе наши герои рассказа ещё не один день проведут в осмотре христианских достопримечательностей, хотя их осталось на то время и не так много. Так они, спустившись от храма св. Софии к заливу Золотой Рог, в один из дней проследовали вдоль набережной мимо Галатского моста и Первого моста, существовавшего на месте современного моста Ататюрка с 1836 года, ранее был известен как «еврейский мост» (Yahudi Köprüsü). Этот мост через бухту Золотой Рог давал возможность местным жителям попадать на противоположный берег абсолютно бесплатно. До этого многим приходилось платить за лодку. Не доходя до «железной» болгарской церкви, свернув влево, по узкой улочке поднялись вверх и вскоре оказались перед высокой каменной оградой с массивными воротами. Грек-привратник любезно раскланявшийся перед ними, встретил величайших особ из России.

- Можно осмотреть патриарший собор и резиденцию, - проговорил Айвазовский и повлёк за собой молодых князя и княгиню.

Иван Константинович продолжил рассказ:

- В церкви св. Георгия престолов три; и образ Пресвятой Богородицы чудотворный еще от царя Константина; там же часть столпа, при котором Христа бичовано, привезла царица Елена из Иерусалима. От того столпа недалеко и к дверям за оградой в раках лежат: царица Феофания нетленна, которая заказала (запретила) мяса исти инокам; там же святая Соломония нетленна; там же св. Евфимия девица; от всех троих благоухание исходит.

К ним подошёл какой – то приезжий, паломник, услышав русскую речь и узнав императорских детей, в пояс поклонился.

- Здоровья вам ваши императорские высочества, здоровья на многие лета, и продолжил:

- Слушаю вот речь красивого господина к вам и хочу сказать ещё к его словам, в патриаршую церковь, в коей почивают мощи святых жен: мученицы Соломонии – матери Маккавеев, мученицы Евфимии и царицы Феофании, супруги Льва Мудрого. Здесь находится также часть значительной величины того столпа, к которому Спаситель был привязываем в темнице, во время страданий за грехи

наши. Молимся мы ваши императорские высочества, грехи вымаливаем, за Россию поклоны кладём, за землю русскую.

Галатская башня в лунную ночь (1845)

Иван Константинович выслушав речь паломника положил ему денег в шапку, сказав:

- Молись, братец, молись! Помолись за молодых императорских высочеств! Хорошо, брат, помолись!

А за воротами храма стоит замечательная погода, весело щебечут птицы, волны морские отливают красотой солнечного дня, еще много где побывают царские дети и на экскурсиях с Айвазовским, на приёмах в честь посещения императорских высочеств Турции, Константинополя, а впереди у них ещё целая жизнь, жизнь царских особ, первых лиц государства российского.

По возвращении из Константинополя великая княжна и великий князь с соизволения государыни императрицы осчастливили художника Айвазовского посещением его дома в Феодосии и его сада в Судакской долине. В день приезда именитых гостей город был украшен флагами, перед домом художника построили триумфальную арку из зелени. Пароход с гостями Айвазовский лично встречал на катере, за которым следовали четыре лодки, а гребцы усыпали воду цветами. После торжественного приема с обедом свита отправилась в импровизированный театр на берегу моря на небольшую балетную постановку, исполненную местными детьми. На следующий день их высочества поехали в Судак, где Айвазовский предложил гостям завтрак, по обычаям крымских татар, сервированный на ковре. Огромным сюрпризом для всех стал подарок художника: вернувшись на пароход для

обратного следования в Ялту, гости увидели на стене каюты картину - вид Судакской долины во время праздника, - написанную Айвазовским заранее. Императрица по возвращении детей в Ялту «удостоила Айвазовского телеграммой с выражением высочайшей благодарности её величества за удовольствие, их высочествам доставленное.

4.3. Александр III.

1 марта 1881 года был убит император Александр II. На престол взошел его сын Александр III, которому было суждено править немногим более 13 лет. Однако этот период вошел в историю России как один из самых неоднозначных, но спокойных и величественных. Таковым был и сам царь Александр III, который, по свидетельствам современников, более всех подходил под представления о настоящем русском царе-богатыре: 193 см роста, обладавший недюжинной силой (он вручную гнул рубли, кочерги, столовые приборы, одним движением разрывал колоду карт, чем развлекал друзей своих, сыновей), слегка полноватый на вид. Так однажды, уже будучи императором, он принимал посла одной европейской страны, с которым обсуждал докучливый балканский вопрос. Царь делал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что его держава мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору дипломата:

- Вот, что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, — спокойно сказал Царь.

Император был весьма образован и обожал культуру. Он покровительствовал передвижникам и скупал картины десятками (все эти полотна были помещены впоследствии в созданный Николаем II, в память об отце, Русский музей), а в молодости сам увлекался живописью. Он очень любил музыку, сам часто играл на некоторых инструментах, а самым любимым его композитором был Чайковский. Император Александр III тоже стал поклонником таланта Айвазовского. Он любил картины знаменитого на весь мир мариниста, не раз происходило общение императора с Иваном Константиновичем, который не раз обращался к царю с просьбами оказать содействие его родному городу Феодосии. Именно в его царствование, в 1892 году к городу была проведена железная дорога. Как известно, сам этот факт на много лет вперед предопределял развитие города и благосостояние его жителей. Конкуренция же за право стать обладателем железнодорожного вокзала в Российской империи была поистине высокая. Так, конкурентами Феодосии выступали Севастополь и Одесса. По воле императора в городе появился и торговый порт.

Когда в 1888-м стараниями Айвазовского в Феодосию был проведен водопровод и открыт по этому случаю фонтан, который во многом решил проблему с обеспечением водой жителей города, Айвазовский обратился к императору через Министерство внутренних дел с просьбой, назвать фонтан его именем, но Плеве (Российский государственный деятель. Сенатор, статс-секретарь, действительный тайный советник) телеграммой сообщил:

- Его величество повелел назвать фонтан вашим именем, Иван Константинович.

Это и говорит о большом уважении его императорского Величества Александра III к художнику.

В 1888 году произошло крушение царского поезда, когда император Александр III на себе удержал рухнувшую крышу вагона - тем самым спас жизнь своей семье. Эта трагедия, во многом, стала причиной его скорого угасания и смерти, которая произошла в 1894 году. Императору было всего 49 лет.

В Феодосии в 1896 году был установлен самый первый мемориал – всего через два года после кончины императора. В память от жителей города была установлена бронзовая фигура, созданная академиком петербургской Академии художеств скульптором Р. Р. Бахом. На лицевой стороне пьедестала надпись: “Императору Александру III, благодарная Феодосия”, а на задней стороне: «Сооружен в благополучное царствование Императора Николая II 1896 года». Средства на установку собирались специально учреждённым комитетом, работой которого и руководил всемирно известный российский художник-маринист и уроженец Феодосии И. К. Айвазовский (именно его городская Дума утвердила председателем комитета по постройке памятника). Из документов известно, что на открытие памятника прибыл Таврический губернатор Лазарев, а из Севастополя, для отдачи воинских почестей – броненосец “Георгий Победоносец” с миноносцем. Весь город по этому случаю был украшен флагами, и особенно Итальянская улица (ныне ул. Горького). Именно по Итальянской, от собора Александра Невского и проходил Крестный ход со священниками всех феодосийских храмов. В соборе состоялась литургия и молебен, войска взяли на караул, а в исполнении оркестра прозвучал гимн “Коль славен”. Под перезвон церковных колоколов, оружейный салют солдат и пушечный салют броненосца “Георгий Победоносец” и миноносца, ниспало покрывало с бронзовой фигуры императора. Учащиеся мужской и женской гимназий, студенты учительского института исполнили “Коль славен”. Улицы огласило громкое, многократное “ура” присутствующих на открытии памятника.

После этого в городской Думе состоялось собрание для почетных гостей, где с речью выступил И. К. Айвазовский. О значении для Феодосии царствования Императора Александра III говорил профессор Новороссийского университета Палимпсестов. В этом же году Айвазовский написал картину “Памятник Александру III” (известно, что за два года до этого, в 1894 –м великий художник создал крупное полотно “На смерть Александра III”, сохранившееся в галерее Айвазовского до наших дней). Простоял монумент чуть более двух десятков лет. За это время его изображения были растиражированы на многих видовых открытках. Памятник стал одной из ярких достопримечательностей города. Но увы, революционные события он не смог пережить, в июне 1917 года его снесли.

Вот таким человеком был император Александр III. При всех плюсах и минусах своего характера (как и своего правления) он был, пожалуй, самым близким к народу и наиболее человечным царем, у которого были обычные привычки, любовь к простоте, а еще - впечатляющая внешность. Не зря, наверное, художник Васнецов в картине "Богатыри" Илье Муромцу, самому сильному, спокойному и выдержанному, придал черты императора Александра III.

Часть – 5. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОМАНОВ К.Н. И ВЕЛИКИЙ МАРИНИСТ.

5.1. Н.Ф. Литке, «Беллона» и Л.Л. Гейден.

Великий князь Романов К. Н.

Романов Константин Николаевич, великий князь, морской министр (1827-1892), 2-й сын императора Николая I, младший брат императора Александра II, генерал-адмирал (1831). Предназначался к службе на флоте и воспитывался под руководством адмирала Ф. П. Литке.

Как уже говорилось выше, Федор Петрович Литке (1797-1882) — русский мореплаватель и географ-гидрограф, член-корреспондент (1829), почетный член (1855) и председатель (1864-1882) Петербургской Академии наук России, генерал-адъютант, адмирал (1855), граф (1866), исследователь Арктики. Участник кругосветной экспедиции 1817-1819 годов Василия Михайловича Головнина. Основатель, организатор и многолетний руководителей Русского Географического общества. Председатель Морского ученого комитета (с 1846). Подарил русской и мировой географии исследования Новой Земли, Берингова моря, Камчатки, Каролинского и Марианского архипелагов, островов Бонин-Сим. Федор Литке родился 28 сентября 1797 года в Петербурге.

В 1831 году Николай I назначил своего 4-летнего сына генерал-адмиралом и шефом Гвардейского морского экипажа. Это означало, что будущий путь уже определен: Константину предстоит встать во главе российского флота. К тому времени Константину Николаевичу Литке уже было пожаловано звание генерал-адмирала — но это, конечно, был условный чин, и он был приставлен Николаем I к великому князю Константину и становится его воспитателем. Сошлись они не сразу. Малолетний Константин Николаевич никогда не встречал столь суровых, немногословных людей. Таков и был расчёт императора: приучить сына к морской жизни во всем её многообразии. Начинал Литке, конечно, с увлекательных книг о морских путешествиях. Читал их его высочеству вслух. Потом перешёл на рассказы о своих экспедициях на Новую землю, о кругосветном путешествии, его

перу принадлежат две замечательные книги – "Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан" и "Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Сенявин". К тому же, он считался тоже шефом Гвардейского морского экипажа. В 10 лет маленький Константин записал в своем дневнике: «Начинается второй десяток лет и служба, через 5 лет присяга! Я... старался не терять, а с пользой употреблять время...»

В 1836 году фрегат «Беллона», что означает «Богиня войны» под командованием графа Л.Л. Гейдена, входившего в состав отряда судов под флагом наставника его императорского высочества князя Константина Николаевича — контр-адмирала Ф. П. Литке, вышел в учебное плавание по Финскому заливу. По ходатайству А.И. Зауервейда и контр-адмирала Ф.П. Литке император поручил Айвазовскому сопровождать своего сына Константина в первом практическом плавании по Финскому заливу. Тогда и состоялось знакомство князя Константина Николаевича с 19-летним студентом Академии художеств, в котором преподаватели заметили талант к изображению моря, и который, после получения серебряной медали за этюд «Воздух над морем», был официально командирован на корабли Балтийского флота. Это знакомство положило начало многолетним близким отношениям между художником и великим князем. Вероятно, молодой князь не остался равнодушным к творчеству начинающего художника. В парадные альбомы с рисунками русских и выдающихся европейских художников великий князь помещал сепии, акварели, рисунки Айвазовского. Зная заинтересованность Константина Николаевича искусством художника, император Александр II по существовавшей в царской семье традиции, заказал своему брату подарок к Новому, 1861 году, сервиз, на котором были воспроизведены ранние работы Айвазовского.

В этом плавании и великий князь и Айвазовский узнавали уклад жизни на боевых судах и в деталях познакомились с конструкцией парусных кораблей, со всей системой их управления. Молодой живописец близко сошелся с Федором Петровичем Литке, бывшим не только выдающимся мореплавателем и ученым-географом, но и учителем. Современники отмечали, что общение с ним вызывало желание не только видеть, но понимать, узнавать суть явлений, выстраивать знания в логическую цепь. Литке был замечательным педагогом: он не делал великому князю никаких послаблений, подчинив его строгой морской дисциплине с беспрекословным исполнением распоряжений вышестоящих офицеров и обязательной личной скромностью, и в итоге вырастил из него «страстного моряка», по выражению самого Константина. Когда официальное наставничество Литке закончилось, он не потерял связь со своим воспитанником, всегда был верным советчиком Константина Николаевича и помощником в делах. Не раз судьба сводила его и с Айвазовским.

Несколько слов для понимания хотелось бы сказать о командире «Беллоны». Логин Логинович Гейден родился 18 января 1806 года в Санкт-Петербурге.

В 1818 году поступил волонтером на Балтийский флот. В 1821 году произведен в мичманы. В 1882 году назначен в 7-й флотский экипаж. В 1823—1826 годах совершил кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие». Назначен адъютантом к начальнику Главного морского штаба. Командовал шхуной

«Опыт». Участвовал в Наваринском сражении 1827 года. В 1829—1830 годах — командир корвета «Львица», в 1831 — «нашего» фрегата «Беллónа» — парусного фрегата Российского императорского флота, тип «Спешный». Который относился к рангу 44-пушечных фрегатов, хотя имел 54 орудия. Заложен 21 ноября 1829 на Охтенской верфи. Строитель В.Ф. Стоке. Спущен на воду 16 мая 1830 года, вошёл в состав Балтийского флота.

Логин Логинович Гейден

В 1832 году Гейден Л.Л. пожалован во флигель-адъютанты Его Императорского Величества. В 1836—1838 годах состоял управляющим военно-походной по флоту канцелярии. В 1839 году находился при великом князе Константине Николаевиче. С 1841 года — член Пароходного комитета. В 1842 году за отличия произведён в чин Свиты Его Императорского Величества контр-адмирала. С 1848 года — член Морского учёного комитета и исполняющий должность дежурного генерала Главного морского штаба. 3 апреля 1849 года назначен генерал-адъютантом Его Императорского Величества. В 1851 году произведён в вице-адмиралы. В 1856 году назначен главным командиром Ревельского порта и военным губернатором города. Член Александровского комитета о раненых. В 1861 году произведён в адмиралы. 17 ноября 1895 года назначен членом Государственного совета.

В день пятидесятилетия нахождения в звании генерал-адъютанта Логин Логинович был удостоен Высочайшего рескрипта (лат. *rescriptum*) — в Российской империи с начала XVIII века — правовой акт (личное письмо императора), в частности, данное на имя высокопоставленного лица (обычно члена императорской фамилии, министра, митрополита и тому подобное) с выражением ему благодарности... Умер 3 июля 1901 года в Санкт-Петербурге. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

5.2. Морской поход на «Беллоне».

На палубе стояли и о чём - то беседовали Ф.П. Литке и Л.Л. Гейден. Литке уже был известным мореплавателем в свои без малого 40 лет, уважаемым в морском обществе, а Гейдену хоть и исполнилось всего 25 лет, но он уже командовал фрегатом «Беллоне». Плавание проходило спокойно, ветерок бодро гулял в парусах 3-х мачтового фрегата. Логин Логинович рассказывал о состоянии корабля, команды. Постепенно разговор перешёл на реформы в армии:

- Фёдор Петрович, слышал пошли реформы в кадетских корпусах, вы не наслышаны об этом?

- Да, Логин Логинович, для всех кадетских корпусов введен единый учебный план и установлен общий порядок организации и устройства. Все предметы делятся теперь на три курса: подготовительный (1 год), общий (5 лет) и специальный (3 года). Помимо военных наук ещё преподают Закон Божий, русский язык и литературу, немецкий и французский языки, математику, естественные науки, географию, историю, статистику, законоведение, чистописание, рисование и черчение.

- Кроме того, Логин Логинович, император немного изменил сословный состав рекрут, к сословиям, подлежащим рекрутской повинности, были причислены нынче: евреи, жители Царства Польского – с позапрошлого года, граждане и однодворцы Западных губерний с 1834 года, также с этого же года – малороссийские казаки.

- А вот слышал я, Фёдор Петрович, в этом году проводился общий набор в армию, необычно что-то, на флот направлено 9 156 человек, на военные заводы — 500 человек?

- Да, общий, так и называли, в прошлом - то году частный был и ушла армия с 25 лет службы на 20 лет и 5 лет "в отпуске" - в запасе как бы. Подсократилась – то служба на пять лет. В хозяйстве значит, прибавится мужиков.

Собеседники вышли на шкафут и залюбовались: море раскинулось бирюзой, сотканной по поверхности воды, в небе белые барашки облаков бежали по горизонту, строй парусных судов завершал красоту своими отливающими розовым светом парусами, лаская взгляд бывалых моряков. Впереди на полубаке виднелись на фоне неба две фигурки – высокий юноша и мальчик лет 10. Перед ними стояли мольберты, и ребята вели непринуждённый разговор. Высокий с чёрной копной юноша оживлённо что-то объяснял, размахивая кисточкой и периодически касаясь ей холста. А небольшого роста мальчик, это и есть великий князь Константин с аккуратной причёской чёрных волос, прямым носом и серыми глазами, то и дело задавая вопросы, брал уроки у будущего великого мариниста всех времён, Ивана Айвазовского.

- А, пойду я Логин Логинович, пообщаюсь с милыми нашими юношами, Иван Константинович у нас просто талантище, хоть и молод ещё...

- Здравствуйте, великий князь, доброго дня Иван Константинович, как успехи у нас на художественном поприще?

- Да и объяснять ничего не надо, красота, - сказал опытный моряк, пристально разглядывая набросок картины.

- Изумительные краски, Иван Константинович, изумительные!

- А как у нас с моим заданием по устройству кораблей? Как делятся парусные суда?

- Знаю, знаю, - прокричал великий князь Константин, - большие и малые конечно!

- А вы, Иван Константинович, не подскажите мне:

- Какие типы кораблей вы знаете?

Вот так за разговорами происходило обучение морскому делу. Иван Константинович с удовольствием включался в разговоры воспитателя и ученика, и с большим желанием впитывал всё, что касалось моря, кораблей, морских баталий.

- А Вас великий князь, я жду в кают - компании, проверим как вы запомнили виды парусных судов, ваше высочество!

Вечерами по установившемуся морскому обычаю, офицеры в кают-компаниях рассаживались за столом строго по старшинству. Во главе стола был старший офицер, по правую руку от него — следующий по рангу офицер и так далее. Такое размещение создавало атмосферу уважительности и субординации, выделяло старший и младший (баковый) концы стола. Жизнь кают-компаний в эпоху парусного флота покоилась на обычае видеть в начальнике начальника только на службе, а в кают-компании и вне службы он был только старшим товарищем. Старший офицер на палубе всегда «господин капитан 2-го ранга», а в кают-компании — «Иван Иванович». Этим подчеркивалась и особая атмосфера домашности в кают-компании. Старая морская поговорка гласила: «Каков старший офицер, такова и кают-компания. Какова кают-компания, таков и корабль». Особой заботой старшего офицера было создание среди офицеров духа корпоративности. Именно поэтому считалось дурным тоном говорить за обеденным столом о службе, считалось бестактным делать выговоры младшим по службе, как это не принято и в нормальной семье. Когда же кто-то терял чувство реальности и нарушал негласный обычай, то старший офицер имел право поставить нарушителя на место фразами, типа:

- А не поговорить ли нам лучше о пряниках?

Всё это постигал великий князь, всё это на себя примерял и Айвазовский. В этот вечер, когда великий князь отчитался о своих знаниях по морской тематике и команда собралась в кают – компании, Литке попросил:

- Иван Константинович, а сыграйте на скрипке, милый дружочек...

И завораживающая музыка восточных мелодий зазвучала для экипажа, мелодичные ноты полетели над засыпающим морем куда – то вдаль, туда, где звёзды сходятся с морем. словно в продолжении восточной музыки раздался звук рояля, это великий князь сел за него и поразил собравшихся бравых моряков умением играть на инструменте! Последние звуки прозвучали и прошло несколько минут, когда грянули бурные овации команды!

Уже став морским министром, выдающимся реформатором на флоте и в стране, несмотря на страстное увлечение морским делом, Константин Николаевич имел репутацию блестящего музыканта. Он возглавлял Русское Музыкальное

общество, умел играть на рояле, органе и виолончели. При его участии в Петербурге и Москве были открыты консерватории, строились оперные театры. А Иван Константинович Айвазовский дал великому князю во время путешествия уроки живописи, при этом сам каждый день старался писать новые картины и делать эскизы, приобрёл себе влиятельного защитника, о котором можно было только мечтать. И на осенней академической выставке представил семь морских видов, написанных в этом путешествии. Все картины были куплены императором за 3000 рублей. Молодой художник по итогам этого плавания получил золотую медаль за «превосходные успехи в живописи морских видов».

5.3. Православный Восток.

Прошло восемь лет, и в 1845 году великий князь Константин Николаевич и уже художник Главного Морского штаба Иван Айвазовский в составе свиты князя вновь отправились в плавание по Мраморному, Эгейскому и Черному морям — к берегам Турции, Малой Азии, к островам Греческого архипелага. Экспедиция посетила Смирну, Синоп, развалины Трои. Как и раньше, это был отряд под флагом наставника великого князя — вице-адмирала Ф. П. Литке, с которым Айвазовский был уже хорошо знаком. Причина, по которой Николай I выбрал в качестве цели для учебного плавания своего повзрослевшего сына в 1845 году именно Православный Восток, неизвестна. Возможно, что кроме чисто практической стороны обучения морскому делу, император хотел сделать Константину своеобразный подарок, позволив ему лично посетить исторические места и святыни Вселенской Церкви. Великий князь с восторгом встретил новость о предстоящем путешествии:

- Папа объявил, что на будущий год я пойду в Черное море, Константинополь и Архипелаг, а после, когда-нибудь, – в Иерусалим, Александрию и в остальное Средиземное море. Можно себе вообразить мою радость, потому что это всегда был мой сон.

Он начал ещё настойчивей совершенствовать свои познания в персидском, турецком и иврите, которые он блестяще выучил, хотя эти языки не были основными для представителя российской августейшей династии.

Плавание к турецким берегам стало и для Айвазовского запоминающимся и важным событием. Айвазовский во время этого путешествия не писал картин красками, но очень активно делал зарисовки в карандаше. Из плавания он привёз эскизы видов Смирны, разрушенной Трои, Синопа и Синопской бухты, Константинополя и бухты Золотой Рог. Запомнилось ему и Мраморное море, тихое, прозрачное, имеющее совершенно особый цвет воды. Подмечал он и интересные моменты приморской архитектуры южных народов. Всё это впоследствии найдёт своё отражение в его многочисленных полотнах. Во время этого южного плавания двадцати восьмилетний Айвазовский много времени, как и во время плавания под флагом Ф.П. Литке в 1836 году, уделял и изучению самой конструкции парусных судов, их мельчайшим деталям, системе управления. Это также позволило ему добиться поразительной точности в изображении парусников, причём не только статичном, но и динамичном – во время бури, быстрого хода, кораблекрушения.

Учебное плавание было построено таким образом, чтобы крейсерство в Средиземном море российского военного корвета «Менелай» (на борту которого Константин исполнял обязанности старшего офицера и вахтенного начальника) прерывалось небольшим отдыхом на пароходе «Бессарабия». Это время преимущественно использовалось для посещения исторических мест в Архипелаге.

Пробыв в Константинополе на пароходе «Бессарабия», великий князь направился к Принцевым островам, затем, посетив Никомидию, Бруссу, гору Олимп, берега Трои, остров Митилен и Смирну, проследовал к островам Архипелага, окончив свое путешествие посещением Святой Горы.

«Все эти прогулки, – сетовал воспитатель великого князя генерал-адъютант Ф. П. Литке, – отняли от крейсерства более времени, нежели бы хотелось, но, с другой стороны, жаль было не доставить великому князю случая видеть места, во многих отношениях столь интересные и посещение которых доставит ему драгоценные воспоминания на всю жизнь».

В один из дней великий князь пригласил Айвазовского на палубу и стоя вдвоём у фальшборта, они вглядывались в величественную картину гор Великого Афона.

- Красота – то какая, Константин Иванович!

- Да, ваше высочество, я ежедневно делаю наброски для будущих картин, и они у меня стоят уже перед глазами, обязательно постараюсь передать эту величественную красоту природы.

- Вы согласитесь, Иван Константинович, что Афон выглядит просто божественно среди голубых вод Эгейского моря. Как он красив, словно Египетские пирамиды, возвышающиеся к небу и длинную ломаную линией постепенно понижающиеся к матерiku Европы, так это величественно и миловидно, что мне порой кажется никакое слово не может изобразить великолепия его. Нужны все орудия топографа, разные кисти и краски живописца и сложные приборы фотографа, чтобы на бумаге уловить и отпечатлеть его исполинский рост, величественный образ и все складки зеленой мантии, которую носит на себе этот царь окрестных высот.

- А вы попробуйте, Иван Константинович, у вас обязательно должно получиться!

- Спасибо, ваше высочество, очень – очень постараюсь оправдать ваши надежды!

Великий князь достал записную книжку и показал Айвазовскому свой рисунок Святой горы, где постарался оценить «великолепную форму» Афона при подходе с моря, выразив свои чувства с помощью карандаша и листка бумаги.

Айвазовский находился в приподнятом, даже одухотворенном настроении, сопровождая великого князя во время посещения Афона все три дня, с 16 по 18 июля 1845 года. Он внимательно не только рассматривал красоты, людей, толпами собиравшихся поглазеть, он старался всё запечатлеть, запомнить каждую мелочь событий пребывания с князем. А великий князь писал в это время отцу: «Весь этот полуостров населен монахами, которых до 10 тысяч. Они живут в 22 монастырях и кроме этих еще до 100 скитов, келий и пустынок. Можно, наверное, сказать, что посещение Афонской горы было венцом для нашего путешествия, ибо оно было

самое интересное, прекрасное и в то же время последнее. Мы, в этот день осматривали монастыри Руссик, Ксенофонт, Дохиар и Изограф, где ночевали в следующий день, Хиландр, Есфигмен, Ватопед, Русский и Ильинский скиты, а в третий, наконец, главный город всей Афонской горы Кариа, монастырь Ксиропотам и Лавру. Монастыри различаются только величиной и богатством, расположены все одинаково. Они окружены стеной с одной башней, внутри которой несколько неправильных дворов и высокие дома, в которых кельи с наружными галереями и лестницами. Посреди всего монастыря одна большая церковь в старинном тяжелом Византийском вкусе и почти в каждом монастыре перед церковью фонтан на турецкий манер. Вообще Афонская гора очень изобильна прекрасной, холодной ключевой водой.

Кроме главной соборной церкви, еще много других по кельям. Внутри церковью все стены раскрашены иконами, так, как в наших старых церквях, но оно очень некрасиво. В каждом монастыре, без исключения, есть чудотворные иконы и много мощей, и их так много, что даже и не запомнить. Я помню, что в Ильинском ските нога св. апостола Андрея Первозванного, а в Лавре голова святителя Василия Великого и рука святителя Иоанна Златоустого, и я к этим святыням с особенным благоговением прикладывался; в каждом монастыре есть большие части Святого Животворящего Креста и в Ватопеде пояс Богородицы, и еще где-то кровь нашего Спасителя, собранная под крестом св. Евангелистом Иоанном. Самый большой и богатый монастырь Ватопед, основанный еще при Константине Великом. Там находится запрестольный жалованный им крест. В монастыре Руссикон есть в числе братии до 30 русских и также в Ильинском ските только одни русские. В них двух служат и поют совершенно по-нашему, а в Зографе, Хиландаре и многих других, где только сербы да болгары хотя служат по-славянски, а поют несносным греческим напевом.

Карей – маленький городок, где рынок для монастыря и там же их главное управление. Тут zaloжили недавно училище для духовного образования монахов. Нас везде водил архимандрит Анатолий, который с 1820 по 1838 годы жил в Петербурге и тогда был назначен в Афинскую миссию. Он препочтенный добрый и ученый старик. Сам он родом болгар и постригся в Зографском монастыре около 1804 года, и в 1807 видел с горы знаменитую победу Сенявина над турецким флотом, где Лукин был убит.

Что относится до страны, так это просто райское место. Я могу это сравнить только с Дудергофом, но только с той разницей, что вместо наших берез и сосен здесь огромные платаны, дубы и каштаны и что они большей частью в первобытном положении, обвитые и переплетенные плющом и различными лианами. Это зрелище великолепное и пышное. Чудесно из гущи этого леса смотреть на острую величавую вершину гиганта Афонского, над которой стоит церковь в память одного из величайших чудес Спасителя».

Маршрут великого князя по Святой Горе определяли, по-видимому, два обстоятельства: необходимость посетить в первую очередь славянские монастыри и скиты и возможность использовать для переездов пароход или лодку-каик, что значительно облегчало путешествие по Афону. Передвижение высоких паломников как морем, так и по земле было очень продуманно и интенсивно. Я

думаю, будет интересно пройти вместе с великим князем по воспоминаниям очевидцев тех событий.

К полудню 16 июля 1845 года пароход «Бессарабия» бросил якорь на рейде в виду русского монастыря св. Пантелеимона. Лодка, отправленная с парохода, доставила на борт трех русских монахов: духовника старца Иеронима, иеросхимонаха Антония и сделавшегося вскоре широко известным в России духовного писателя и поэта иеромонаха Сергия Святогорца. От них Константин принял благословение, прежде чем ступить на афонскую землю. Айвазовский в составе сопровождавших великого князя ступил на берег. С хоругвями и фонарями, его высочество ожидала братия монастыря, а игумен и иеромонахи встречали великого князя у ворот обители. Благовест, начатый еще при подходе корабля, не прекращался ни на минуту. После молебна Константин Николаевич поклонился святыням, обозрел корпус, в котором проживала русская братия, три монастырские церкви, а также строившийся тогда храм святого Митрофана. Вместе с князем проследовали к архондарике, где высокого гостя по традиции угощали вареньем, кофе и афонскими орехами, которые понравились великому князю.

В это время Иван Константинович с карандашом в руке делал зарисовки, пытаясь запечатлеть важность момента. Иеромонах Сергий Святогорец прочел экспромтом написанное от лица афонитов приветствие в стихах, которое Константин Николаевич слушал со слезами на глазах и, перечитав повторно сам, попросил у автора разрешения оставить рукопись у себя. Попрощавшись с братией обители, путешественники вернулись на корабль и морем отправились в два ближайших монастыря – Ксенофонт и Дохиар. Затем, высадившись на берег возле пристани монастыря Зограф, отправились в древнюю болгарскую обитель, где остановились на ночлег.

Подъем к монастырю занял примерно час времени. Поднимаясь, Иван Константинович любовался высокими деревьями у подножия лесистого холма, поднимающегося от западного побережья полуострова. Иногда Айвазовский останавливался, доставал бумагу и карандаш и делал зарисовки окрестных мест. Идущий с ним иеромонах неторопливо и немного с отдышкой от подъема в гору, вёл рассказ, из которого Айвазовский узнал, что:

- Собор монастыря был возведен в 1845 году и посвящен святому великомученику Георгию. Помимо собора здесь есть шестнадцать менее крупных храмов и часовен — восемь в самом монастыре и восемь за его пределами, в кафисмах и келиях. Особо почитаемые святыни монастыря — три большие иконы святого Георгия Победоносца. Монастырь Зограф упомянут еще в первом афонском типиконе 971 года.

На следующий день, отслужив литургию в Зографе, паломники направились в сербский монастырь Хиландар, а затем в греческий Эсфигмен. В каждом монастыре, который посещал великий князь, служили молебны. Во время славянских служб он пел вместе с хором. Для поклонения святыням на середину церкви выносили реликвии и мощи святых, к которым Константин прикладывался. В Хиландаре, желая почтить гостя, монахи поставили святыни на престол и просили его войти в алтарь. Иван Константинович стоял не вдалеке и слышал, как его высочество на это возразил:

- Я не священник и не царь, чтобы мне входить в алтарь.

От Эсфигмена великий князь, следуя вдоль берега на лодке, добрался до Ватопеда. По словам очевидца, в тот день в Ватопеде «что-то было особенное со всеми». Насельники монастыря и окрестных келий, презрев все еще существовавший страх перед турками, устроили царскому сыну встречу «как только лучше могли». Иван Константинович ликовал от таких торжеств, он был горд, что присутствует, видит, запоминает и успевает делать зарисовки для будущих картин.

«От самой церкви до пристани выстлано было дорогими коврами, на которые набросали разных благовонных цветов и лаврового листу. Встречать вышли до самой пристани митрополит с архимандритами, которые тут живут на покое, все иеромонахи и иеродиаконы. Вынесли много хоругвей и крестов, в том числе и крест царя Константина Великого, который носил он пред полками, большое Евангелие и чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, Ктиторшу».

Когда Константин ступил на берег, митрополит трижды осенил его крестом, сделанным из Честного Древа, и дал поцеловать его. Вдоль пристани над водой звучали слова рождественской радости: «Слава в вышних Богу, и на земли мир». При прощании митрополит вновь трижды осенил великого князя, но уже крестом Константина Великого, произнося при этом символичную для Православного Востока фразу: «Сим побеждай враги твоя». Оттуда паломники сухим путем направились в малороссийский скит Ильи Пророка, посетив по дороге древнейшую русскую обитель Афона – скит Богородицы Ксилургу. В Ильинском скиту они провели ночь. Ильинский скит расположен на прибрежном холме на северо-востоке Афона. «Удален от больших дорог, вблизи его нет ни единого человеческого жилья, и потому в скиту постоянная тишина и безмолвие:», - как написано в одном дореволюционном путеводителе.

Выйдя во двор скита, Иван Константинович предался созерцанию красоты здешних мест. Горы темнели, поросшие зелёной массой деревьев по отрогам, тёмно – звёздное небо раскинулось над этим величием, укутав Афон, его храмы, скиты, многочисленные постройки чёрным одеялом. Воздух обдавал лицо уже вечерней прохладой и был в то же время благоприятен под дуновением восточных и северо-восточных ветров.

- Красота неземная, - прошептал Айвазовский.

Из скита открылся красивейший вид. Внизу расположился монастырь Пантократор, расположенный на утёсистом холме, на высоте 50 метров. Пантократор выглядит будто четырёхугольная крепость с бойницами и разделяясь внутри на два двора. В обители пребывают: чудотворная икона Божией Матери «Герóнтисса», часть хитона Спасителя, частицы Животворящего Креста Господня и мощей святого апостола Андрея Первозванного и других святых. В монастырской библиотеке есть замечательная редкость — Евангелие, принадлежавшее святому Иоанну Куцнику.

Утром 18 июля посетили столицу Афона Карею, которая называлась иначе – «Афонский базар». Увидеть великого князя туда пришло несколько тысяч монахов. В Карее происходила официальная церемония встречи августейшего богомольца с

правительством Святой Горы и официальными представителями всех 20 афонских монастырей. Ввиду огромного стечения народа, прием великому князю решили сделать в недавно построенном духовном училище, но Константин Николаевич, несмотря на значительное расстояние, сначала отправился в центральный собор, помолился и приложился к святыням и чудотворному образу Божией Матери «Достойно есть». Затем осмотрел церковь Протата и уже после этого вернулся к приготовленной ради него церемонии в училище. Из Кареи Константин Николаевич отправился в монастырь Ксиропотам, возле которого в удобной естественной пристани Дафни, где было устроено единственное на Святой Горе подобие турецкой таможни, его ожидал пароход «Бессарабия».

И уже будучи на корабле, Айвазовский, хоть и уставший от проделанного пути по Святому Афону, но полный впечатлений от увиденного, прощаясь посмотрел в сторону берега. Краски полоснули по глазам своими цветами, великий маринист просто был покорён закатом Святого Афона. За гору опускалось ярко – жёлтое солнце, осветив окрестности и облака, волны прокатывались от корабля к берегу

у. В 1846 году появится картина «Закат над Великой лавой, Святой Афон».

Для 18-летнего Константина Николаевича это было ответственное время: после командования бригам он должен был подготовиться к роли командира большого корабля. Как и все офицеры русского флота, этот путь он прошел через хлопотную должность старшего офицера на корвете «Менелай» и фрегате «Флора». Впереди у Константина Николаевича было командование легендарным фрегатом «Паллада». Что касается Айвазовского, то он стал любимым художником не только Константина Николаевича, но и впоследствии его сына — великого князя Константина Константиновича, известного общественности в качестве поэта, подписывавшего свои произведения криптонимом «К. Р.».

Тесная дружба связывала Константина Николаевича с замечательным маринистом И.К. Айвазовским. Как вспоминает внук художника в своих морских записках «Из далекого прошлого», изданных в 1948 году обществом русских офицеров в Америке — Айвазовский и великий князь всегда переписывались, и на письменном столе Айвазовского постоянно стоял портрет великого князя с очень сердечной надписью. Такая же дружба связывала Айвазовского и со свитой великого князя, поэтому великий князь свои телеграммы Айвазовскому подписывал: «Твои ореандские друзья». Дружба эта была окружена морской атмосферой, которую Айвазовский так любил, а встречи его с великим князем еще больше расширяли его взгляды на флот и морское дело. А насколько это было изучено им, видно из мнения о его картинах старых моряков, плавающих на парусных судах, которые говорили, что у него не только вполне верная передача моря, но по его судам можно определить и какая команда была выполнена в данный момент матросами — настолько оснастка корабля точно соответствовала состоянию неба и моря.

Часть – 6. УЧАСТИЕ В БАТАЛИЯХ. У СУБАШИ.

6.1. Десант Николая Раевского у Субаши.

Ивана Константиновича Айвазовского с детства воспитывали быть патриотом своей страны, своей Родины. Он впитывал в себя всё прогрессивное на то время, следил за морскими сражениями русского флота, за победами русских моряков. Пацаном бегал смотреть прибывший в Феодосию легендарный бриг «Меркурий», заслушивался рассказами о Белинском, о творчестве А.С. Пушкина, переживал за Грецию, борющуюся за свою свободу и независимость.

Начало XIX века, Россия ведет борьбу за влияние в Северном Причерноморье с Турцией, становившееся не раз театром русско-турецких войн в 1806-1812 и 1828-1829 годах. И утверждается в регионе после заключения между Россией и Турцией Адрианопольского договора в 1829 году. Одна из статей данного договора гласила: «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани святого Николая, включительно, пребудут в вечном владении Российской империи». Таким образом, Турция отказалась от каких-либо политических претензий на Восточное побережье Черного моря, включая и две важнейшие для нее прибрежные крепости – Анапу и Поти. В 1830-1835 годах русские экспедиционные корпуса занимают целый ряд прибрежных пунктов как в Абхазии, так и в Черкесии. Вместе с тем, между Гаграми и Геленджиком (были заняты в 1830 и 1831 годах соответственно) оставалось еще значительное по своей протяженности прибрежное пространство, которое уже в 1833 году командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал А.А. Вельяминов предложил занять связанными между собой крепостями.

Сухопутные силы, действующие на этом направлении, в связи со смертью генерала А.А. Вельяминова были переподчинены генералу Н.Н. Раевскому (1801—1843) — русскому генералу из рода Раевских, командиру Черноморской береговой линии, основателю ряда северокавказских крепостей, в том числе одному из основателей Новороссийска (1838). Военно-морскими силами, которые обеспечивали транспортировку и высадку этих сил для ведения боевых действий, поочередно командовали вице-адмирал М.П. Лазарев, русский флотоводец и мореплаватель, адмирал, кавалер орденов Святого апостола Андрея Первозванного и Святого Георгия IV класса за выслугу лет, командующий Черноморским флотом и один из первооткрывателей Антарктиды, основатель Новороссийска, а также командующий военно – морскими силами контр-адмирал С.П. Хрущев.

Пункт при устье реки Субаши (а, точнее, берег между устьями рек Субаши и Шахе) представлял большой интерес для русского военного командования. Из последовавшего 15 января 1839 года предписания военного министра А.И. Чернышева явствует, что Николай I санкционировал занятие в текущем году двух прибрежных пунктов, одним из которых и было устье реки Субаши.

Состав десантного отряда, предназначенного для высадки при устьях рек Шахе и Субаши, был следующим: батальоны Тенгинского полка № 1, 2 и 3; батальоны Навагинского полка № 1, 2 и 3; Сводный пехотный батальон, состоявший из двух рот Тенгинского батальона № 4 и двух рот Навагинского батальона № 4; Сводный морской батальон; Сводная саперная рота; Черноморские

пешие полки № 6 и 8. Весь этот экспедиционный корпус, численность которого составляла около 5 тыс. человек, был собран на Тамани, в лагере близ Керченского пролива. Двадцать третьего апреля из Севастополя в Керченский пролив прибыла вторая эскадра Черноморского флота во главе с самим адмиралом Лазаревым. В состав эскадры входили линейные корабли «Императрица Екатерина II», «Память Евстафия», «Адрианополь», «Султан Махмуд», «Силистрия» и фрегат «Штандарт». В ближайшие дни к эскадре присоединились фрегаты «Агатополь», «Тендос», «Бургас», «Браилов», бриг «Меркурий», пароходы «Северная звезда» и «Колхида», тендер «Легкий» и яхта «Орианда».

Еще 10 апреля, в преддверии десанта, генерал Н.Н. Раевский осмотрел приустьевую долину реки Субаши на пароходе «Колхида». В своем приказе от 26 апреля 1839 года Н. Раевский отмечал целый ряд сложностей, которые неизбежно будут иметь место при десанте в устье реки Субаши: «Долина, где мы делаем высадку, – писал он, – несравненна уже долин, занятых в прошлом году. Она вся покрыта вековым дремучим лесом, густо перевитым плющом и диким виноградом». Кроме того, генерал предвидел проблематичность артиллерийской подготовки берега с моря, так как местность на берегу «пересечена несколькими оврагами, которые будучи параллельны морскому берегу, не смогут быть очищены огнем кораблей». И далее: «Все это ободрит неприятеля, укрепившегося сверх того тремя завалами».

Таким образом Раевский вёл планомерную подготовку к высадке, понимая все трудности предстоящей операции. Кроме сложностей горно – пересечённой местности, высадка осложнялась хорошей подготовленностью к войне противоположной стороны, так как убыхи славились стойкостью при ведении войны, бесстрашием, умением стоять до конца. Надо сказать, что в просторечии о них говорилось, что это черкесы. Но это неверное, была своя этническая группа горцев. Уже после того, как они проиграли более подготовленным войскам Российской империи, им было предложено пойти на поклон, прекратить сопротивление или уйти с земель своих предков навсегда. Убыхи выбрали второе и рассеялись по миру, уведя людей по началу в основном в Турцию. Декабрист Н.И. Лорер, сосланный после Сибири на Кавказ рядовым, в своих «Воспоминаниях» пишет: «На этот раз Раевский вносил русское оружие в землю убыхов, племя самое воинственное, и по всему заметно было, что нам недешево достанется это святое место, как самые горцы его называют».

Генерал Раевский Н.Н. спланировал начало операции по доставке своих войск двумя рейсами. Десантные лодки будут состоять под общим начальством капитана 2 ранга В.А. Корнилова и разделены на правый и левый фланги, находящиеся под командованием капитан-лейтенантов А.И. Панфилова и Иванова соответственно. Артиллерия первого рейса десанта находилась в ведении капитана Гана и состояла из 4 легких орудий, 4 горных единорогов, 2 мортир. Для дополнительной артиллерийской поддержки высадки десанта Раевский задействовал три баркаса азовских казаков, которые должны были подойти к берегу левого устья реки Шахе как можно ближе и «обстреливать своими орудиями берег, прикрывая правый фланг в критическую минуту между высадкой пехоты и выгрузкой артиллерии. Вторым рейсом планировалось высадить следующие

подразделения отряда: сводная саперная рота; батальон Тенгинского полка № 1; батальон Навагинского полка № 2; Черноморские казачьи полки № 6 и 8; Сводный морской батальон. Артиллерия второго рейса должна находиться под командованием штабс-капитана Щербины и состоять из 6 легких орудий, 1 горного единорога и 4 мортир.

28 апреля войска были перевезены на корабли, и флот при попутном ветре вышел из Тамани через Керченский пролив в Черное море. Штили, противные ветры и сильное течение вдоль восточного берега задержали эскадру, имел место густой туман, и она прибыла к устью реки Шахе к пяти часам после полудня 2 мая. Для высадки было уже поздно, и всю ночь корабли держались в море под малыми парусами, напротив устьев Шахе и Субаши (Матросская щель). Осведомленные заранее о месте десанта, заметив приближающийся флот, окрестные убыхи и шапсуги со всех сторон начали стекаться к этому пункту. Ночью на протяжении трех километров прибрежная полоса близ устья Шахе и окрестные возвышенности были унизаны огнями сторожевых костров.

В этот период Император Николай I по ходатайству генерала Н.Н. Раевского разрешил молодому академику И.К. Айвазовскому совершить кампанию на судах Черноморского флота и участвовать в десанте при Субаши.

6.2. Айвазовский в морском походе.

Прибыл в район боевых действий Айвазовский на военном корабле "Колхида". Генерал Раевский предоставил будущему великому художнику комфортабельную каюту. Выйдя в море, Иван Айвазовский много времени проводил на шкафуте корабля, в кают – компании, много общался с офицерами, наблюдал за морем. Генерал Раевский рассказывал ему, в перерывах по подготовке операции, о предстоящих боевых задачах, о противнике, с которым предстояло сразиться.

- Ваше Превосходительство, Николай Николаевич, а не расскажите хотя бы в общих чертах о предстоящей операции против горцев? – интересовался художник.

- Задача будет стоять непростая, Иван Константинович, ввиду трудного ландшафта и сурового нрава горцев, которые, по понятным причинам, будут жестоко драться за свой дом. Нам будет необходимо на имеющихся десантных лодках транспортировать за один рейс к берегу 2709 чел., и по этой причине каждому из пяти батальонов предписал иметь в строю для высадки первым рейсом по 542 человека (штаб-, обер-, унтер-офицеров, рядовых, музыкантов, артиллеристов). Остальные военные чины, состоящие в этих батальонах, будут высажены вторым рейсом и воссоединятся с ними.

- Я со штабом выдвинусь первым рейсом, а вам будет выдано оружие, и вы вторым рейсом прибудете в район боевых действий, чтоб запечатлеть это событие для истории и отчёта императору!

- Уж очень много костров горит, Ваше Превосходительство, неужели всё же они думают противостоять регулярной армии его Императорского величества?

- Горцам есть, что защищать. Убыхи и шапсуги отстаивают свои дома, здесь жили их предки, здесь же находятся две их святыни, между долинами рек Шахе и Субаши: древний надгробный памятник – священная могила, называемая ими

«Хан-Кучий», и священная роща Тагапх (в переводе – «священный лес»). В ней они проводили народные совещания и совершали языческие обряды с принесением жертв и за них они будут биться, не щадя себя.

Раевский ушёл дальше готовить утреннее наступление на берег. Вскоре генерал отправился на флагманский корабль "Силистрия". В числе сопровождающих генерала был и Айвазовский. На "Силистрии" начальника Черноморской береговой линии Раевского встретил главный командир Черноморского флота вице-адмирал Михаил Петрович Лазарев, который уже много слышал о талантливом молодом художнике и предложил ему перейти на «Селистрию». Раевский не стал возражать.

К Айвазовскому подошел и крепко обнял его молодой офицер. Это был лейтенант Николай Фридерикс, с которым юный художник успел подружиться во время плавания по Финскому заливу. Фридерикс познакомил Айвазовского с другими молодыми офицерами и повел показывать ему "Силистрию".

Вечерело. Айвазовский вышел на шкяфут и, стоя у форштевня, смотрел в темноту на костры. Много костров, очень много. Небо было чёрное, подёрнутое блёсками звёзд.

- Что принесёт завтра для этих диких людей убыхов, для наших моряков, офицеров, для Раевского?

- Конечно, армия Императора Николая I мощна, сколько кораблей с орудиями, подготовленными солдатами и матросами. По идее эта сила, светящаяся в темноте бесчисленными огнями на кораблях в море вдоль побережья, должна внушать страх этим людям, вышедшим защищать свою землю и смешно, наверное, думать о каком – то противовесе со стороны горцев, но глядя на эти бесчисленные костры, рассыпанные по берегу по склонам гор, становилось немного не по себе.

6.3. Штурм.

Наступало утро. По кромке моря у горизонта пробежали лучи солнца, и оно отдало блеском золотинок приклеенных к поверхности. Перед глазами раскинулся вширь крутой берег. Небольшая кромка песка, переходящего перед водой в сплошной ракушечник, утопающий в море при соприкосновении с ним, накрывало небольшой прибрежной отливающей синевой морской волной. Да, в берег круто входили горы, покрытые густым лесом, высокой травой. Берег рассечён местами небольшими ущельями. Еще сегодня ночью здесь полыхало множество костров убыхов, прибывающих сразиться с русскими. Среди гор желтела долина, по которой рукавами то сходящимися, то расходящимися вновь втекала в море река. От солнечных лучей она отдавала блёсками, но они уже отливали не золотом, как в море, а казались разбросанными серебряными монетами.

- Это и есть место предстоящего боя, - с небольшим волнением подумал Айвазовский.

По сторонам во все стороны стояли под парусами боевые корабли его Величества, приготовившись к предстоящему сражению. Линейные корабли и фрегаты выстроились на расстоянии «полутораства сажений» (320 метров) от берега и, встав на якорь, по сигналу с флагманского корабля, спустили на воду десантные

гребные суда. С кораблей было видно, как быстро сгущались пешие толпы убыхов на берегу; до тридцати начальников разъезжали среди них верхом. Поднявшееся солнце осветило необычайную картину: на равнине, под вековыми дубами священной рощи Тагапх до 500 вооруженных убыхов стояли на коленях и перед ними мулла в белой чалме. Воины молились, прося дать им силы на предстоящую борьбу и давая клятву до последнего защищать священную землю. Интересно, что эта молитва во имя Аллаха происходила в древней священной роще, в которой справлялись первобытные культы в смеси с Христианством и с жертвенными приношениями. Только перед фактом очевидной опасности турецкие муллы могли решиться, а народ позволить им эту молитву в древней языческой роще.

Десант Н.Н. Раевского у Субаши (1839)

М.П. Лазарев в письме капитан-лейтенанту в отставке А.И. Веревкину от 16 июня 1839 года сообщал о высадке десанта в устье реки Субаши: «Черкесы видны были, собравшиеся в числе 3 тысяч человек, стоявших на коленях (и между ними 7 муфтий) и молящихся о даровании им смелости и успеха в отражении неверных врагов. Как ни трогательны были сцены эти, но надобно было делать то, за чем пришли».

Когда же десантные войска первого рейса были распределены по этим судам, кораблям и фрегатам, был дан сигнал об артиллерийском обстреле побережья, который тут же был начат и продлился 15 минут. «Ужасное действие морской артиллерии принудило горцев оставить прибрежные окопы, коими они укрепили все пространство между устьями рек Субаши и Шахе», – писал Н.Н. Раевский.

Вместе с тем генерал отмечал, что на достаточно близком расстоянии от берега горцы «нашли себе безопасное убежище за лесистыми возвышениями и в оврагах, идущих к реке Шахе, параллельно берегу моря».

Наблюдая за начавшимся сражением, Айвазовский испытал огромный внутренний порыв и его сердце наполнилось гордостью, когда он увидел, как после окончания артподготовки матросы взбежали на ванты, это выглядело фантастически! И дружным криком «ура!» сверху, откуда – то с неба приветствовали сухопутные войска. С гребных судов им отвечали тем же. Это было сигналом плыть к берегу. Гребными судами командовал капитан 2-го ранга Корнилов, на правом фланге ему помогал капитан-лейтенант Панфилов, а на левом – капитан-лейтенант Иванов. Гребные суда, построенные в две линии в шахматном порядке, стройно двинулись к берегу усиленной греблей, стреляя из орудий, находившихся на баке каждого баркаса передней линии. Подойдя к берегу первая линия баркасов подняла весла, и вторая линия тут же вошла в интервалы, и десантники с громким «Ура!» одновременно выскочили на берег. На правом фланге десантной линии, напротив устья Шахе, одновременно двинулись к берегу три азовских баркаса с казаками-пластунами, вооруженных пушками, под командой войскового старшины Дьяченко. Они сходу открыли огонь по толпам убыхов, скопившихся, в гуще деревьев, в самом устье реки Шахе, и двигавшимися в долину с возвышенного левого берега, чем значительно ослабили этот фланг обороны убыхов.

- Какой восторг! - прокричал Айвазовский.

Корабли окутаны бело – серым дымом, который ветерком стало сносить к берегу, треск ружей, крики, всё смешалось в одну общую какофонию, стало одной великой картиной войны, неба, моря и его души, души великого художника, ставшего частью этой войны! На берегу уже шла кровавая сеча, слышались команды, барабанный бой, то тут, то там раздавалось дружное русское «Ура!»

В это время усилился треск ружий со стороны противника, переросший в сплошной гул, после чего последовала атака убыхов. Батальон Тенгинского полка №2 был атакован противником сразу же после его высадки, когда, по словам Раевского, «толпа горцев хлынула на равнину, лежащую между горою и густым лесом». Эту стремительную атаку участник событий Г.И. Филиппсон в своих мемуарах описал следующим образом: «Неприятель двигался беглым шагом, но без суеты, не стреляя и с обнаженными шашками, вдоль полосы леса прямо на средину нашей линии». И далее: «Несколько картечных выстрелов не остановили горцев; они продолжали двигаться молча и не стреляя».

М.П. Лазарев, в рапорте Николаю I от 5 мая 1839 г., писал, что атака убыхов «была удержана штыками храброго отряда, подкрепленного двумя горными единорогами и матросами с гребных судов». Весьма показательно участие в отражении этой атаки моряков (включая офицеров и даже капитанов Корнилова, Панфилова и Иванова), экстренно покинувших десантные лодки для помощи высадившимся войскам.

Генерал Раевский с первым десантом вышел на берег со своей свитой, которая засуетилась и заколебалась в момент решительной атаки убыхов, но сам

Раевский хладнокровно курил трубку и, пуская спокойно дымок, давал необходимые короткие распоряжения. Н.И. Лорер, участвовавший в этом сражении вместе с декабристами А.И. Одоевским, М.М. Нарышкиным и Н.А. Загорецким, пишет в «Воспоминаниях»: «Я и весь отряд любовались на своего нового начальника Н.Н. Раевского. Высокий, стройный, в шарфе и с шашкою через плечо, стоял он серьезно перед рядами войска, которое готовился вести к победе. В цвете лет, с черными волосами, лежавшими на красном его воротнике, и в синих очках, Раевский на всех произвел хорошее впечатление; в фигуре его была какая-то гордость и отвага...».

*Над бурной стихией лег дым боевой,
И море шумит под ладьями:
Потомок, достойный героя, герой
Раевский у берега с нами
Он первый с колонной навстречу врагам,
Грозой впереди он дружины;
А воинам нашим – России орлам,
Скажи – опрокинуть стремнины.
Черкесы, как звери, засели в кустах, –
Но мы их и там угостили:
Мы вынесли горцев на русских штыках,
Кровавой грядой положили,
И знамя святое на грозных скалах,
При гимнах, с мольбой на горах водрузили.
(Стихотворение «Занятие Субаши» Кавказский
сборник, том 3. Тифлис, 1879)*

В разгар этой первой ожесточенной схватки третий батальон Навагинского полка, под командой полковника Танского, заблаговременно двинувшийся из резерва, появился на равнине из чащи леса и ударил в штыки во фланг наступавшим убыхам с барабанным боем и с криком «Ура!». Одновременно, по приказанию командира Навагинского полка полковника Полтина, майор Германе с третьей резервной Навагинской мушкетерской ротой бросился в атаку вслед за полковником Танским. Между тем, на левом фланге разгорался не менее ожесточенный бой. Огромная толпа убыхов лавиной хлынула с покрытой лесом возвышенности, разделявшей долины рек Шахе и Субаши, стремясь занять террасовидное возвышение, вдающееся в море, на котором были их главные оборонительные рвы и завалы, а также почитаемый всеми окрестными горцами древний надгробный памятник (священная могила Хан-Кучий). Однако, известный своим мужеством и военной распорядительностью генерал-майор Ольшевский, командовавший левым прикрытием, вовремя заметил это новое наступление убыхов и с батальоном тенгинцев подполковника Хлюпина быстро занял приморское возвышение и устремился навстречу спускавшимся с горы убыхам. Завязалась сильная перестрелка. Выгодная позиция, занятая Ольшевским и возможность использовать подвезенные к этому времени два легких орудия,

позволили ему остановить наступление убыхов и на этом участке сражения, а затем и оттеснить их к окружающему лесу.

Убыхи приостановились, начали отстреливаться и подались назад. Их стремительная атака была сорвана, но охваченные с трёх сторон они отчаянно бились в рукопашной схватке, спокойно и организованно отступая шаг за шагом с необыкновенной медлительностью, чтобы дать время унести своих убитых и раненых.

*Ветрила убраны. Вот якоря бросают,
И роты русские толпятся на бортах.
На месте корабли, и вот в ладьях
Штыки каленые сверкают.
Враги на берегу собрались толпой,
Готовы встретить нас с отвагой дерзновенной.
Но вот взгремел наш выстрел вестовой,
И грянул с кораблей Перун военный;—
Чугун убийственный несет и смерть, и страх,
Покрыла пыль и горы, и ущелья,
И громкое «Ура!» откликнулось в горах —
И в бегстве ищет враг спасенья.
(Стихотворение «Занятие Субаши» Кавказский
сборник, том 3. Тифлис, 1879)*

Пошла команда на отправку на берег второй очереди десанта, и Айвазовский спустился в баркас. Всё его вооружение состояло из пистолета и портфеля с бумагой и рисовальными принадлежностями. Он вместе со сводным морским батальоном поспешил к месту боевых действий.

Атака! Баркасы пошли, увлекаемые вперёд дружными гребками матросов, к берегу. К этому времени поднялась небольшая волна, и баркас, где расположился художник, разрезая носом зеленовато — фиолетовую волну, взбивая пену под треск ружей и взрывы снарядов, устремился на встречу смертельной опасности. Это война!

Уткнувшись в берег, солдаты посыпались на землю и увлекаемые командами, пошли вперёд на неприятеля. Айвазовский с пистолетом последовал в составе команды. Устремляясь вперёд, увязая ногами в песке, пот стал градом спускаться в глаза, на шею, в мозгах продолжала сверлить фраза:

- Это война, это война, только не отстать...

Последовали неумолкаемые крики «Ура!», барабанный бой, ружейные выстрелы, резкие звуки сигнального рожка, повторявшего несколько раз «движение вперед, — всё это, сливаясь вместе, производило какой-то непонятный шум в голове, и все бежали вперед как сумасшедшие. Идя в атаку, художник увидел дорогого сердцу товарища:

- Фредерикс! — закричал Айвазовский.

И в это время черкес из ружья производит выстрел. Пуля навывлет в живот проходит через грудь мичмана Николая Николаевича Фредерикса, и он падает как подкошенный у ног художника.

- Санитара! - прокричал Айвазовский. Но рядом никого не оказалось, солдаты уходили вперёд в атаку.

Не найдя поблизости фельдшера, Айвазовский закричал:

- Николай, Николай, держись, сейчас!

Быстро оказал первую помощь раненому (в дальнейшем Н.Н. Фредерикс был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом за отличие, оказанное в деле с горцами при десантной высадке у речек Субаши и Шахе).

Отвезя раненого на корабль, Айвазовский немедленно возвращается обратно. Но сражение уже затихает, перестрелка почти прекратилась, лишь изредка звучат одиночные выстрелы. Наконец, заиграли «стой», затем «отбой». Все стихло. Айвазовский осмотрелся: все легли; кто принялся за манерку с водой, кто за бутылку с водкой, кто переменял кремь в курке, вытирал полку, прочищал затравку, продувал дуло. Иной, закулив трубочку, беспечно потягивался лёжа на спине, а другой, сидя, снял сапоги, поправил обувь, одним словом, каждый подкреплялся, оправлялся и подготавливался на случай новой встречи с врагом.

Невыразимо утомившись, Айвазовский прошел внутрь леса, на пути встречая следы закончившегося боя: окровавленные тела убитых, изломанное оружие, изорванную одежду, разбросанные кусочки бумаги от скусанных солдатских патронов. При этом слышались отдельные эпизоды из нашей схватки с горцами, продолжавшейся где – то вдали. Айвазовский устало прошёлся среди солдат, остывающих после боя:

- Надо не забыть, надо всё зарисовать, надо зарисовать вот так, пока всё перед глазами.

Дрожащей слегка рукой достал планшет, пристроился у дерева и стал делать зарисовки. Первый раз он наяву увидел войну, побывал в настоящей боевой обстановке. Сердце потихоньку успокаивало свой бег:

- Тук-тук-тук, тук-тук, тук, тук, тук...

Внизу на рейде стояли корабли, упираясь в небо мачтами, проходили колонны солдат, офицеров, а море, море вот оно: как всегда, красивое, сильное, плещет в ракушечный берег своей ласковой волной.

- Я люблю тебя, море! – прокричал про себя художник.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русская старина» за 1878 год Айвазовский следующим образом описывает картину угасающего после бурных событий дня: «...Берег, озаренный заходящим солнцем, лес, далекие горы, флот, стоящий на якоре, катера, снующие по морю, поддерживают сообщение с берегом... Миновав лес, я вышел на поляну; здесь картина отдыха после недавней боевой тревоги: группы солдат, сидящие на барабанах офицеры, трупы убитых и приехавшие за уборкой их черкесские подводы. Развернув портфель, я вооружился карандашом и принялся срисовывать одну группу. В это время какой-то черкес бесцеремонно взял у меня портфель из рук, понес показывать мой рисунок своим. Понравился ли он горцам - не знаю; помню только, что черкес возвратил мне

рисунок выпачканным в крови... Этот «местный колорит» так и остался на нем, и я долгое время берег это осязаемое воспоминание об экспедиции...»

В последующие дни с 4 по 11 мая 1839 года продолжалась перестрелка, войска расчищали занятые позиции от леса, вели заготовку лесоматериалов для строительства крепости. Несколько раз толпы убыхов, выбегая из лесу, с визгом бросались в разных местах к засеке, но встреченные картечью и ружейным огнем, с той же быстротой возвращались назад, унося своих убитых и раненых. 12 мая была проведена торжественная закладка нового форта, и на следующий день начались крепостные работы.

Ещё не один год убыхи нападали на головинский гарнизон, но сражение у Субаши 3 мая 1839 года так и останется самой запоминающейся победой русского оружия на Черноморском побережье, увековеченной Великим маринистом всех времён Иваном Константиновичем Айвазовским в одной из лучших его картин «Высадка в Субаши».

Часть – 7. УЧАСТИЕ В БАТАЛИЯХ. КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853-1856. СЕВАСТОПОЛЬ.

7.1. Крымская война. Начальный период.

Для понимания жизни и творчества Айвазовского этого периода, а именно 50-х годов 19-го столетия, необходимо обязательно коснуться положения России, внутренних процессов в стране накануне, входе и после окончания Крымской войны. Поэтому постараемся, сделав выборку из разных источников, представить версию для читателя, чтобы она была не очень большой и утомительной, но помогла ориентироваться в событиях этого периода.

Причиной войны стали столкновения интересов России, Великобритании, Франции и Австрии на Ближнем Востоке и Балканах. Ведущие страны Европы стремились к разделу турецких владений с целью расширения сфер влияния и рынков сбыта. Турция желала взять реванш за прошлые поражения в войнах с Россией. Одной из главных причин по которой возникло военное противостояние, был пересмотр правового режима прохода русским флотом средиземноморских проливов Босфор и Дарданеллы, оговоренного в Лондонской конвенции 1840-1841 годов. Поводом к началу военных действий послужил спор между православным и католическим духовенством о принадлежности «палестинских святынь» (Вифлеемский храм и храм «Гроба Господня»), находящихся на земле Османской империи. 1851 год – турецкий Султан, подстрекаемый французами, велел забрать ключи от Вифлеемского храма у православных священников и отдать их католикам. 1853 год – Николаем I был выдвинут ультиматум с изначально невыполнимыми требованиями, тем самым исключив мирное решение вопроса. Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией, оккупировала дунайские княжества, в результате чего Турция 4 октября 1853 года объявила войну. Опасаясь усиления российского

влияния на Балканах, Великобританией и Францией в 1853 году был заключен секретный договор о политике противостояния интересам России, и началась дипломатическая блокада. Дальше Крымскую войну целесообразно разделить на два этапа.

На первом этапе воевали только Россия с Турцией, так Черноморская эскадра, руководимая адмиралом Нахимовым, в ноябре 1853 года смогла полностью уничтожить турецкий флот в бухте г. Синоп, взяв в плен главнокомандующего. Адмирал Нахимов становится легендой флота, на века прославив русский флот. 1853 год, декабрь – в наземных операциях русские войска добились значительных побед, перейдя Дунай и отбросив турецкую армию, они под началом генерала И.Ф. Паскевича осадили Силистрию. На Кавказе русская армия одерживает крупную победу под Башкадыкларом, сорвав планы турок по захвату Закавказья.

На втором этапе Великобритания и Франция, опасаясь поражения Османской империи, 15 (27) марта 1854 года объявили войну России. С марта по август 1854 года ими предпринимались атаки с моря против русских портов на Аландских островах, Одессы, Соловецкого монастыря, Петропавловска-на-Камчатке. Но попытка морской блокады не увенчалась успехом. 1854 год, 2 сентября – на Крымский полуостров высадили десант, у берегов Евпатории появились вражеские корабли. Всего союзники направили в этот регион 89 больших боевых кораблей. В Крыму высадился десант союзного войска, который насчитывал 63 тысячи человек. В Севастополе же находилось 50 тысяч человек, из которых только 22 тысячи были военными. В результате пришлось затопить русские устаревшие корабли, которые после затопления закрыли вход в бухту для Английских кораблей. Моряки с этих кораблей составили батальоны морской пехоты

1854 год, 8 сентября – первое сражение на реке Альме. Главнокомандующий русскими войсками в Крыму, князь Меншиков, решил дать бой неприятельской армии на заранее выбранной им позиции - на пути от Евпатории к Севастополю вдоль берега моря. У реки Альма было сосредоточено до 30 тысяч русских войск, т.е. у русских было вдвое меньше солдат, почти втрое меньше артиллерии и очень небольшое количество нарезных ружей. Русская пехота была вооружена кремневыми гладкоствольными ружьями с дальностью стрельбы 300 шагов. Англичане и французы имели нарезные ружья Штуцера с дальностью стрельбы на 1200 шагов. Сражение началось утром 8 сентября 1854 года. Чтобы облегчить наступление войск, противник стремился подавить противодействие русской артиллерии, сосредоточив по ней интенсивный огонь. Среди артиллеристов было много убитых и раненых. Пехота также несла большие потери от дальнобойных ружей противника. Русские стремились к штыковым атакам. Но от рукопашного боя французы и англичане уклонялись и с расстояния, недоступного устарелым русским ружьям, вели сильный огонь. Под прикрытием сильнейшего артиллерийского и ружейного огня англичане переправились через Альму. Тогда один из русских полков, Владимирский, был направлен для отражения неприятельских войск, но один этот полк, несмотря на все героизм солдат, ничего уже не мог сделать. Главнокомандующий отдал приказ об отходе. Потери англо-

французов оказались столь значительными, что они не решились преследовать армию Меншикова, которая отошла к Севастополю.

7.2. Севастопольский этап. Адмиралы. Парижский конгресс.

Оборону города возглавил начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов 11 сентября 1854 года приказом князя Меншикова. По воле Корнилова, при полном доверии и сочувствии ему всех начальников, в Севастополе закипела неимоверная деятельность. День и ночь свозились орудия и снаряды с кораблей; несколько тысяч человек по непосредственным указаниям саперного подполковника Тотлебена, в котором Корнилов нашел энергичного помощника, были заняты безостановочно земляными работами; в них участвовали все войска гарнизона, все вольные мастеровые и рабочие, городские обыватели, женщины, даже дети. Ближайший сподвижник и ученик выдающегося флотоводца и строителя Черноморского флота М.П. Лазарева Корнилов все свои знания, силы и крупные организаторские способности отдавал делу укрепления Севастополя. Он взял на себя руководство всей обороной города и действовал с величайшей энергией. Ближайшим помощником Корнилова был вице-адмирал Павел Степанович Нахимов, являвшийся начальником обороны Южной стороны Севастополя. Под руководством Корнилова и Нахимова героические защитники города в ходе борьбы с врагом превратили Севастополь в мощную крепость, которая успешно отражала натиск противника в течение 349 дней.

К концу сентября неприятель имел под Севастополем армию численностью в 67 тысяч человек, в том числе 41 тысяча французов, 20 тыс. англичан и 6 тысяч турок. 5 октября 1854 года начата бомбардировка Севастополя. Корабли французской эскадры располагали 794 орудиями с одного борта; против них действовали 84 русских орудия, установленных на двух батареях южной части Севастопольской бухты. Английская эскадра вела огонь из 546 орудий, имея против себя всего лишь 31 орудие. Таким образом, соединенный флот действовал 1 340 орудиями одного борта, которым противостояли только 115 орудий русских. За время 8-часового обстрела с моря, корабли союзников выпустили 50 тыс. снарядов. В результате героических действий севастопольцев противник не достиг цели. Напрасно неприятельские армии, стоявшие под ружьем весь день, ожидали возможности броситься на штурм. Штурм не состоялся.

Потери гарнизона Севастополя составляли 1 250 человек убитыми и ранеными. Погиб талантливый организатор и руководитель обороны Севастополя вице-адмирал В.А. Корнилов. Во время сильной канонады он объезжал батареи, давал наставления командирам, ободрял матросов и солдат. В 11 часов 30 минут на Малаховом кургане он был смертельно ранен ядром и вечером того же дня скончался. “Отстаивайте же Севастополь”, - был предсмертный наказ Корнилова.

После гибели Корнилова Нахимов стал единственным фактическим руководителем обороны Севастополя. Англо-французы, убедившись в невозможности быстро взять Севастополь, приступили к осаде города. 13 октября состоялось сражение под Балаклавой, 5 ноября – Инкерманское сражение.

Противнику был нанесён огромный урон в ходе боев, но на общее состояние военных действий не повлиял. План штурма Севастополя до наступления зимы был сорван. Противнику пришлось спешно готовиться к зимней кампании, о чем он прежде и не помышлял, надеясь на скорое падение Севастополя.

Осада Севастополя (1859)

Командование важнейшим участкам обороны, включавшим Малахов курган, 2-й бастион, Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет, Нахимов доверил контр-адмиралу Владимиру Ивановичу Истомину. Контр-адмирал Истомин еще в чине гардемарина участвовал в знаменитом Наваринском бою. За этот бой он получил Георгиевский крест. Вторым орденом Георгия он был награжден в Севастополе. В Синопском бою Истомин в чине капитана 1 ранга командовал 120-пушечным кораблем “Париж”. По свидетельству Нахимова, нельзя было действовать лучше, чем действовал в этом бою Истомин. Эта оценка Нахимова была уже сама по себе высокой наградой. Штаб его помещался в уцелевшем нижнем этаже каменной башни на Малаховом кургане. Здесь он и жил. С началом создания Камчатского люнета он один-два раза в сутки приходил туда и лично руководил установкой орудий и оборудованием батарей. 7 марта 1855 года Истомин, обходя люнет, был убит ядром, попавшим ему в голову. Лишившись в лице Истомина верного помощника и друга, Нахимов часть его работы взял на себя. 27 марта 1855 года вице-адмиралу Нахимову было присвоено звание адмирала.

Гарнизон Севастополя испытывал большую нужду в снарядах и особенно в порохе. 28 марта началась вторая крупная бомбардировка Севастополя и продолжалась без перерыва днем и ночью до 6 апреля. За время второй бомбардировки враг израсходовал 168 700 снарядов, русские 88 700. Защитники Севастополя израсходовали почти полностью запас снарядов за исключением неприкосновенного запаса на случай штурма. 27 мая 35 тысяч французов атаковали Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет. Выбитые несколько раз контратаками русских, французы, поддержанные англичанами, наконец, оттеснили защитников к Малахову кургану. Находившийся на люнете Нахимов попал в

окружение, но вместе с матросами и солдатами вырвался из вражеского кольца. Во время штурма Камчатского люнета значительные потери союзникам нанесли пароходо-фрегаты “Владимир”, “Крым” и “Херсонес”, обстреливавшие противника из Килен-бухты.

5 июня 1855 года началась четвертая бомбардировка Севастополя, после которой 6 июня противник предпринял штурм укреплений города. Против Малахова кургана, по которому наносился главный удар, у 1-го и 2-го бастионов было сосредоточено около 30 тысяч французов. 28 июня этого же года, защитники Севастополя понесли невозместимую потерю: на Малаховом кургане был смертельно ранен адмирал Павел Степанович Нахимов. Пуля попала ему в висок в тот момент, когда он рассматривал траншеи противника, высунувшись из прикрытия. 30 июня, не приходя в сознание, Нахимов умер. Севастополь со смертью Нахимова потерял “душу обороны”, русский флот потерял талантливейшего флотоводца, русский народ - одного из своих славных сынов.

После смерти Нахимова для Севастополя наступили особенно тяжелые дни. К началу августа от французских передовых траншей до Малахова кургана было не более 110 метров, до 2-го бастиона – 120 метров. Число вражеских орудий доходило до 640, не считая резерва в 250 орудий. 4 августа разыгралось сражение, получившее в военной истории название “сражение на реке Черной”. Это сражение успеха не имело. Силы были распылены, резервы не использованы, действия частей не согласованы между собой. 5 августа началась усиленная бомбардировка Севастополя, которая не прекращалась в течение двадцати суток. Дважды - с 5 по 8 августа и с 24 по 26 августа - на город обрушивался особенно сильный ураганный артиллерийский огонь. Эти два периода получили название пятой и шестой бомбардировок. С 5 по 8 августа противник выпустил 56 500 артиллерийских снарядов, с 9 по 24 августа - 132500 снарядов, т.е. в среднем в день около 9 тыс. Русские ответили 51 300 выстрелами, или по 3 400 выстрелов в сутки, т. е. почти в три раза меньше. У защитников Севастополя истощились запасы снарядов, мало оставалось и орудий.

24 августа началась шестая бомбардировка Севастополя. 807 орудий (в том числе 300 мортир) союзников открыли огонь. Русские вели огонь из 540 орудий. У англо-французов плотность артиллерии на 1 км фронта доходила до 150 орудий. Военная история еще не знала огня такой плотности. В отражении атак продолжают немалую роль играть пароходо-фрегаты “Владимир”, “Херсонес” и “Одесса”. 8 сентября – французская армия захватила Малахов курган. Исключительно неблагоприятная для русских войск обстановка вынудила командование отвести войска на Северную сторону Севастополя, несмотря на их решимость отстаивать родной город. Русский главнокомандующий Горчаков отдал приказ уничтожить все оставшиеся укрепления и отступать. Оборона Севастополя 1853 – 1856 годов продолжалась 349 дней.

На Кавказском фронте война шла в большей степени успешно для России. Военные действия перешли на турецкую территорию. Так как турецкая армия терпела поражение, Англия и Франция начали подумывать об окончании войны и склоняться к мирным переговорам, тем более что основная их цель, ослабление позиций России на Черном море, была достигнута. В мире нуждались обе воюющие

стороны. Николай I скончался в самый разгар осады Севастополя, на престол взошел его сын, Александр II. Последствия для России выглядели ужасно. 1856 год, 13 февраля начался Парижский конгресс, в нем принимали участие представители России, Великобритании, Франции, Турции, Сардинии, Австрии и Пруссии. 18 марта состоялось подписание очень тяжелого для России Парижского мирного договора:

Черное море было объявлено нейтральным, то есть открытым для торговых кораблей всех государств;

России и Турции было запрещено иметь военный флот и крепости на Черном море;

Приобретенные территории в Закавказье были вынуждены обменять на Севастополь и другие города в Крыму;

Россия лишалась предоставленного ей Кючук-Кайнарджийским миром (1774) протектората над Молдавией и Валахией;

Подорвано военное могущество в черноморском бассейне.

Таким образом, подводя итоги Крымской войны 1853 – 1856 годов, можно констатировать, что война способствовала выявлению экономической отсталости России. Крепостная система тормозила развитие государства. Не хватало железных дорог для быстрой переброски войск. Армию формировали по-старому, за счет рекрутских наборов. Служили 25 лет. Вооружение армии отставало от вооружения стран Европы. Русская артиллерия в значительной мере уступала английской и французской. Русский флот оставался в большинстве своем парусным, тогда как англо-французский флот почти полностью состоял из паровых судов с винтовыми двигателями.

«Это война кретинов с негодями», — сказал о Крымской войне Ф.И. Тютчев. В основе этого поражения лежал политический просчет Николая I, толкнувшего экономически отсталую, феодально-крепостническую Россию на обострение конфликта с сильными европейскими державами. Крымская война до предела обострила все внутренние противоречия в государстве и привела ее к революционной ситуации. Это поражение подвигло Александра II на проведение целого ряда кардинальных реформ.

7.3. Оборона Севастополя. И.К. Айвазовский на боевых порядках.

В октябре 1853 года, как мы уже говорили, Турция объявила войну России, Англия и Франция пошли на открытый разрыв с Россией и в марте 1854 года они официально объявили войну России. Так началась Крымская война. В июне 1854 года лондонская газета «Таймс» писала: «Главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будет существовать Севастополь и русский флот».

Айвазовский любил родину, любил флот. Его радовала каждая победа русских войск над неприятелем. Своей кистью художник стремился прославить победы русского флота и героизм моряков. Когда началась война, он не мог спокойно усидеть в Феодосии. Мысленно Айвазовский был в Севастополе. Он

понимал, что судьбу отечества во многом будет решать Севастополь - русская военная твердыня на Черном море. Айвазовский решил отправиться в Севастополь и выставить там картины о великих победах черноморцев. Эти картины должны были воодушевить моряков на новые славные подвиги. Так понимал цель выставки своих картин художник-патриот. В марте 1854 года в столице Черноморского флота, Севастополе, Иван Константинович Айвазовский открыл выставку своих картин. Он не ошибся: на выставке, открытой в Севастопольском Морском Собрании, к картинам невозможно было пробиться, столько было желающих их посмотреть. Многие зрители приходили на выставку по несколько раз.

Три картины были в центре внимания. Первая, «Наваринский бой», изображала легендарное морское сражение 20 октября 1827 года, вторая картина, «Бриг Меркурий после победы над двумя турецкими судами встречается с русской эскадрой» и третья картина, «Синопский бой», где художник изобразил недавнюю победу Черноморского флота - сражение 18 ноября 1853 года. Эта победа уже в этой Крымской войне. На ней запечатлен последний большой бой парусного флота. Полотно «Синопский бой» было для севастопольцев не просто картиной. Это была сама жизнь, полная опасностей и героизма, овеянная высоким дыханием тех дней.

Приходил на выставку и Павел Степанович Нахимов. Он долго стоял перед картинами о Синопе. В начале внимательно осмотрел картину, которая изображала начало сражения, когда подбитые метким огнём неприятельские корабли только начинали гореть, а один фрегат был взорван, потом подошёл к картине на которой была изображена ночь после боя: город в пламени и отблеск пожара освещает русскую эскадру, стоящую в месте только что законченного сражения. Пожимая руку Ивану Константиновичу после осмотра выставки, Нахимов произнёс:

- Картины чрезвычайно верно сделаны. Удивляюсь, Иван Константинович, вашему гению... Столько лет знаю вас, но не могу постичь, как можно, не будучи на месте, так верно всё изобразить... непостижимо!

Айвазовский уезжал из Севастополя в воскресный день. Приморский бульвар пестрел от множества гуляющих севастопольцев. Играли военные оркестры. Художник окинул взором город как бы пытаясь запомнить его в этой простоте и великолепии мирной жизни. Начиналась военная весна 1854 года. В Севастополе уже ярко зеленела трава в многочисленных скверах, листики на деревьях были молочно – зеленоватого цвета. Всё благоухало радостно и чисто для глаз окружающих. Кто бы мог подумать, что скоро закончится все это беззаботное веселье воскресных дней на Приморском бульваре! И последнее, что запомнил Айвазовский в Севастополе, посмотрев на Южную бухту, которая выкатывала синеватые воды в открытое море - это вид стройных парусных кораблей, спокойно и завораживающе качающихся на морской глади, освещённой золотом разлитой краски по поверхности воды.

Русская эскадра на Севастопольском рейде (1846)

Все лето Айвазовский жил в беспокойстве. Россия оказалась неподготовленной к войне. Громадные пространства русского государства не были связаны железнодорожными путями. Железная дорога существовала тогда только между Петербургом и Москвой. Он видел, как это губительно отражалось теперь на ходе войны: нельзя было вовремя доставить оружие, продовольствие и армию к месту военных действий. Русский военный флот состоял из парусных судов, которые целиком зависели от направления ветра. Военная техника отличалась крайней отсталостью: полет пули русских ружей не превышал трехсот шагов. У французов и англичан флот был паровой, их ружья стреляли на тысячу двести шагов.

Опасность угрожала не только Севастополю, но и всему Крымскому полуострову. 21 сентября высадился десант в незащищенной Ялте. Два дня продолжался в городе невиданный грабеж и беспорядки.

В Феодосии жители забеспокоились. Домашние уговорили Айвазовского уехать. Он перебрался с семьей в Харьков. Иван Константинович намеревался на новом месте написать несколько картин из малороссийского быта. Но для работы ему не доставало сосредоточенности, ничем не омраченного душевного покоя. С тех пор как он переехал в Харьков, тревога не покидала его. С большим опозданием доходили сюда вести о военных событиях. Айвазовский не выдержал. Оставаясь глухим к сетованиям и мольбам родных, он отправился в Севастополь.

Весть о том, что великий художник в городе быстро распространилась среди защитников и жителей города. Айвазовского встречают и сопровождают, по возводимым укреплениям Корнилов и Нахимов. Все поездки великих полководцев

с великим художником сопряжены с постоянными обстрелами города. Ещё не так давно весной, приезжая с выставкой в первой фазе войны, Айвазовский любовался кораблями на рейде, у причалов, а сейчас с глубокой скорбью он глядел на верхушки мачт затопленных кораблей. Среди них и его корабль, с которого он в составе русских войск высаживался десантом у Субаши и глазами опытного художника он узнал мачту того самого линейного корабля «Силистрия». На нем он провел незабываемые дни тогда на своей первой войне! Печальное зрелище – затопленные корабли его Величества. Волны накатывались на мачты, тихо их раскачивали, словно кресты на кладбище, торчащие из воды. Передвигаясь с Корниловым и Нахимовым, Айвазовский внимательно запоминал всю обстановку войны в городе, общался с солдатами и матросами, с простыми жителями, массово вышедшими для сооружения укреплений от неприятеля. Побывав на нескольких бастионах, Владимир Алексеевич обратился к Айвазовскому:

- Иван Константинович, а теперь милости просим на Малахов курган, это очень важное звено в цепочке обороны города!

- Я готов, Владимир Алексеевич!

- А вот Павел Степанович Нахимов нам поможет разобраться в этом хитросплетении военных коммуникаций.

- Поехали, поехали, господа, на сегодня у нас ещё очень много дел!

Выехав на Малахов курган, разговор продолжился. Нахимов принялся исполнять указание Владимира Алексеевича:

- В случае решительного неприятельского штурма, будь то с северной или с южной стороны Севастополь, надо признаться, совершенно лишен поддержки полевой армии, и будет очевидно обречен, если не придёт поддержка, очень большой перевес, Иван Константинович, у неприятеля. Конечно делаем всё возможное, как видите, чтоб укрепить город.

Владимир Алексеевич подключился, чтобы прояснить ситуацию:

- Видите ли в Северном укреплении стояло всего 29 тяжелых орудий, между тем союзный флот мог видеть и обстреливать продольно все левое крыло позиции. Часть матросов, к стыду нашему имеет ещё старые кремневые ружья и даже лишь абордажное оружие.

- А южная сторона? Она прикрывается низкими брустверами для орудий и несколькими окопами для пехоты! Кроме того, на важнейших пунктах позиции укрепления на сегодняшний день едва достигают по своим размерам временной профили, - продолжил Нахимов.

- Очень сложно, очень, - проговорил Корнилов.

Подъехали на Малахов курган, на котором, кроме башни, никаких сооружений возведено не было. На месте 2-го бастиона на голой скале была устроена 6-орудийная батарея для действия по Килен-балочной высоте. По обе стороны этой батареи тянулись каменные завалы, примыкавшие к садовой ограде в Ушаковой балке. На месте 1-го бастиона была также возведена 4-орудийная батарея полевой профили. Казарма 1-го бастиона была вооружена 9 полупудовыми единорогами. Матросы и солдаты оживились, увидев начальство и знаменитого художника. Корнилов обратился к ним:

- Братцы, царь надеется, что мы отстоим Севастополь; да нам и некуда отступать, позади нас море, впереди неприятель. Помни же – не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду; тот изменник, кто протрубит ретираду! И если я сам прикажу отступать – коли и меня!

Неумолкаемое «Ура!» было ответом трудившихся над совершенствованием укреплений солдат на слова начальника. Айвазовский подивился силе духа солдат и ещё больше проникся чувством уважения к адмиралам, умеющими находить нужные слова солдатам и матросам под свистом пуль и снарядов, чтобы поднять им настроение и боевой дух! И опять закипела невероятная деятельность, несколько человек впряглись в растяжки и налегли на орудие, покотив его дальше к брустверу, другие понесли снаряды, доставленные с кораблей. Проходя по укрепленной местности в расположении кургана, Айвазовский увидел, что ведут земляные работы и вольные мастеровые, и рабочие, и городские обыватели, и женщины, и даже дети.

- Да, действительно всенародная защита любимого города! – проговорил с восторгом вслух художник.

- Да, да, уважаемый, Константин Иванович, это именно всенародная! – воскликнул Корнилов,

- Оборонительные работы в Севастополе ведутся и днем, и ночью одновременно по всей оборонительной линии. Работают не только солдаты и моряки, но и все гражданское население. Женщины работают наравне с мужчинами. Одна батарея была целиком сооружена женскими руками, поэтому её уже называют “девичьей”. Ночью работают при свете факелов и фонарей, дорогой! – проговорил Корнилов.

В это время раздались орудийные залпы с моря. Нахимов, поправив фуражку:

- Это в отражении нападения противника принимают участие находящиеся на рейде наши севастопольские парохо-фрегаты “Владимир”, “Херсонес”, “Громоносец” и линейный корабль “Чесма”, очень продуктивно они своим огнем поражают наступающего врага и его резервы, Иван Константинович.

Нахимов забирается на бруствер, ему подают подзорную трубу. Адмирал спокойно прильнул к окуляру и всмотрелся в сторону противника.

- Ох, супостат, и палит всё по городу, чтоб тебя... передаёт трубу Айвазовскому:

- Вон туда смотрите, Иван Константинович, видите группу деревьев, вот левее у них и есть траншеи и их передний край!

Иван Константинович внимательно посмотрел в подзорную трубу, посмотрел левее группы деревьев, но выделить что – то для себя ценного не смог.

- Видно в трубу тоже смотреть на войне, чтоб разобраться, не каждый то и может, - подумал он.

Только два дня пробыл Айвазовский в воюющем Севастополе. Бомбардировка почти не прекращалась. Корнилов понимал, как важно сохранить жизнь художника. Два дня он рисует под непрекращающейся бомбардировкой, не обращая внимания на просьбы и даже приказы. Через два дня пребывания художника в Севастополе, Корнилов отдаёт официальный приказ художнику Айвазовскому покинуть осажденный город. С одной стороны, художник делает

действительно большое дело — оставляет потомкам память о севастопольских событиях, с другой — весьма вероятный исход — смерть самого Айвазовского. Корнилов не желает рисковать жизнью художника, и после препирательств, уговоров, просьб, Иван Константинович вынужден вернуться в Харьков. Его кисть должна была запечатлеть для современников и потомков подвиг Севастополя. Ивану Константиновичу пришлось подчиниться приказу своего друга и покинуть осажденный город.

Расставание с Корниловым и Нахимовым было коротким, но запомнилось Айвазовскому на всю жизнь. Заходило солнце; ошестившийся Севастополь, грозный и величественный, утопал в серо-золотой пыльной дымке. Да, это уже был не тот весенний, радостный город, с зелёной листвой деревьев, зелёными клумбочками, с пестротой разноцветных цветов.

- Боже мой, что делает война, что она делает. Надо ехать работать, работать, передать людям всё, что увидел, прочувствовал в этом родном фронтовом крымском городе, твердыне Руси и русского флота — Севастополе!

Малахов курган. 1893.

Иван Константинович не только стремился лично поучаствовать в Крымской войне, написать картины о тех днях, но и занимался благотворительностью для ведущей кровавые бои армии в Крыму. Во время Крымской войны 1853-1856 годов художник пожертвовал Феодосийскому военному госпиталю 150 рублей для

покупки холста на тюфяки. А из своего поместья он разрешил взять солому для их набивки «сколько таковой потребуется». Факт благотворительности Айвазовского не остался незамеченным. В феврале 1855 года «...за похвальный опыт сочувствия к раненым воинам» художнику была объявлена благодарность от государя императора.

Едва Айвазовский успел вернуться в Харьков, как его догнала страшная весть: 5 октября на Малаховом кургане был смертельно ранен Владимир Алексеевич Корнилов. В этот день неприятель обрушил со своих кораблей шквальный огонь на Севастополь. Севастопольцы мужественно держались. За несколько минут до смерти Корнилову сообщили, что сбиты английские орудия. Умиравший Корнилов произнес: «Ура!» - это были его последние слова.

Из всех событий той поры долгое время внутреннему взору художника всё чаще и чаще представлялся Малахов курган, представлялся и не давал покоя, ждал своего воплощения на полотне. Там погиб Владимир Алексеевич Корнилов. Эта картина должна была явиться данью памяти его друга и великого соотечественника. Прошли долгие годы, пока сюжет картины «Малахов курган» окончательно сложился в воображении Айвазовского.

В ту эпоху русские матросы и солдаты не были в состоянии осознать сущность этой войны, в чьих интересах она велась и какова была ее политическая цель. Но они видели, что враги вторглись в Россию, и чувствовали самую настоятельную потребность выгнать захватчиков из пределов своей страны. В обороне Севастополя русский народ еще раз показал всему миру свои высокие боевые качества.

Часть – 8. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

Главный секрет красоты и воздушности картин Ивана Константиновича в технике нанесения красок. Айвазовский предпочитал масло, хотя его море и волны кажутся акварельными. Излюбленной его техникой считалась лессировка, основанная на нанесении тонких (почти прозрачных) красок друг на друга. В результате чего волны, облака и море на холстах казались прозрачными и живыми, а целостность красочного слоя не нарушалась и не подвергалась разрушению.

В 1892 году Айвазовский предпринял далекое путешествие в Америку. Ивану Константиновичу как раз минуло семьдесят пять лет. Он устраивает выставки своих картин во многих городах Америки, пишет картины, изображая природу новой для него страны. Особенно поразил его Ниагарский водопад, который Айвазовский писал в разное время суток: днем, ночью, при луне. Его дорожный альбом полон зарисовками Ниагары.

Подходя к старости размеры его картин стали больше, часто он пишет свои картины на морские темы на громадных полотнах, художник полон творческих замыслов, напряженно работает и во многих произведениях достигает еще большего совершенства. Показательны в этом отношении картины «Волна» (в

Государственном Русском музее), изображающая бурное море и гибнущий корабль, «От штиля к урагану» и «Среди волн», экспонированных в Феодосийской картинной галерее. Огромную картину «Среди волн» (свыше 12 квадратных метров) художник написал, стоя на помосте, в течение десяти дней, и сделал это с поражающей легкостью. Грубый холст едва протерт краской. Кажется, будто маринист, не отрывая кисти от холста, работал над картиной, и будто она сделана «на одном дыхании». Зимой 1899 года художник открыл свою последнюю выставку работ в Петербурге. В начале 1900 года он возвратился в Феодосию и начал готовиться к задуманной им поездке в Италию.

Взрыв турецкого корабля (1900)

Не все, что он писал в девяностых годах, было равноценно. Наряду с такими первоклассными работами, как «Среди волн» или «Морской залив», встречаются работы, в которых ощутима какая-то вялость, а иногда и торопливость. В одном из писем Н.Н. Кузьмину художник пишет: «...Восемьдесят два года заставляют меня спешить...». Он ясно ощущал приближающийся конец и желал только, чтобы он был внезапным.

Перед самой смертью Айвазовский написал картину «Морской залив», а в последний день жизни начал писать картину «Взрыв турецкого корабля», которая осталась незаконченной. В общей сложности за свою жизнь Айвазовский написал больше 6000 картин и устроил порядка 125 персональных выставок в России и за рубежом.

Могила Ивана Константиновича Айвазовского

Иван Константинович Айвазовский умер 19 апреля (2 мая по новому стилю) 1900 года в своём родном городе Феодосия в возрасте 82 лет. В соответствии со своим завещанием Айвазовский был похоронен во дворе феодосийской средневековой армянской церкви Сурб Саркис (Святого Саркиса). В 1903 году вдова художника Анна Бурназян установила на могиле мужа надгробие в форме саркофага из цельного блока белого мрамора. На одной из сторон саркофага на древнеармянском языке написаны слова историка V века Мовсеса Хоренаци: «Մահկանացու ծնեալ անմահ զիւրն յիշատակ երոդ» — «Рождённый смертным, оставил по себе бессмертную память» и дальше на русском — «Профессоръ Иванъ Константиновичъ АЙВАЗОВСКІЙ 1817—1900».

Часть – 9. СЕМЬЯ.

9.1. Жёны маририста.

Первой женой Айвазовского была Юлия Гревс. Она родила ему четырех дочерей. А потом покинула Айвазовского, забрав с собой детей. С 1860-х годов Юлия на время размолвок собирала девочек и уезжала в Одессу или Петербург: ей нравилась светская жизнь. В 1866 году она окончательно отказалась возвращаться в Феодосию и осталась вместе с детьми в Одессе. Много разговоров идёт о том, что Юлия Гревс была всего лишь гувернанткой, поэтому она сделала партию с Айвазовским из-за его известности. Но на наш взгляд, это не совсем так. Родословная Юлии Гревс, между тем, таит в себе сюрпризы. Она была дочерью петербургского врача, британца Якова Гревса, причем есть версия, что не просто врача, а личного доктора Александра I, загадочным образом исчезнувшего после смерти императора. Если бы не исчезновение отца, Юлия могла бы быть зачислена фрейлиной императрицы. Помимо молодости и красоты девушка была прекрасно образована и воспитана. Собственно, иначе у нее не было бы шансов стать гувернанткой в великосветском семействе. У неё с Айвазовским были сложные отношения, и не будем их судить. Отметим лишь безупречное поведение Айвазовского по отношению к бывшей жене и детям в финансовом отношении: им не приходилось нуждаться.

Анна Никитична (Мкртичевна) Саркисова-Бурназян

Анна Никитична (Мкртичевна) Саркисова-Бурназян (1856-1944), армянка - вдова феодосийского купца, вторая жена Айвазовского, была моложе художника почти на 40 лет. Они поженились в 1882-м. Ему было уже 65, ей — 25. Представления о счастливом втором браке Айвазовского вполне справедливы, и мы даже не подумаем их развенчивать. Разве что отметим, что Анна, как и Юлия,

сталкивалась с недостатком внимания со стороны мужа и с тем, что никогда не займет подле него место, равное отданному живописи.

9.2. Немного о дочерях.

Семья Айвазовского И. К.

У великого мариниста Ивана Айвазовского, как уже было сказано, родилось четыре дочери, которые впоследствии осчастливили его десятью внуками. Художник, скончавшийся в 1900 году, подарил каждой из своих четырех дочерей имения. Старшая - Елена Ивановна (в первом браке Латри, во втором браке Рыбицкая) - получила Баран-Эли (Боран-Эли), Мария Ганзен - Ромаш-Эли (Роман-Эли), Александра Лампси - Шах-Мамай (Шейх-Мамай). Имение младшей дочери Жанны находилось в деревне Отузы (ныне Щебетовка). Владения трех старших дочерей располагались в степной части Крыма в 25-27 верстах от Феодосии, рядом с поместьем самого Айвазовского - Субаш, ставшего затем собственностью его вдовы Анны Никитичны.

9.3. Внуки, ставшие художниками.

Уникальный дар гениальный мастер передал четверым своим внукам, которые стали профессиональными художниками.

Михаил Латри был рожден в 1875 году в Одессе в семье старшей дочери Елены Ивановны. Детские годы Михаил провел в Феодосии, в имении деда, где воспитывался в творческой атмосфере. Первым наставником и учителем маленького Миши был именитый дедушка, от которого талантливый внук и перенял страсть к морским пейзажам и утонченный художественный вкус. Михаил Латри, как когда-то и его знаменитый дед, проводил зимы в Петербурге, а с наступлением весны — уезжал в Крым. В начале 1900-х мать презентовала сыну земельный участок под Феодосией. В те годы Михаил Латри был общественным директором Феодосийской картинной галереи. После революции 17-го года Латри по собственному соображению отдал свое имение крестьянам. Переехав в город, он полностью посвятил себя любимому делу - живописи. А в 1920 году с первой волной русской эмиграции Михаил Латри покинул Крым и обосновался в Греции. А позже переехал в Париж и организовал свою мастерскую. В Европе неоднократно выставлял свои работы во многих известных галереях. Умер в 1942 году в Париже.

Сын второй дочери Марии - Алексей был художником-маринистом, профессором, коллекционером. В 1920 году эмигрировал из Одессы в Югославию. Являлся постоянным участником всевозможных выставок в Италии, Чехии, Румынии. В 1922 году он поселяется с женой в Дубровнике на берегу Адриатического моря (ныне Хорватия). Там художник обзавелся виллой, которую назвал в честь супруги - "Олимпия". И на протяжении семнадцати лет Ганзен на своих полотнах воспевал красоты Адриатики. Дубровник стал ему второй родиной, где художник и умер в 1937 году.

Еще один внук Айвазовского, пошедший по стопам своего деда - Константин Константинович Арцеулов был рожден в Ялте в 1891 году в семье потомственного моряка. Его детство прошло под опекой деда и уже в десятилетнем возрасте Костя писал морские пейзажи маслом. Его мать, Жанна Ивановна, четвертая дочь великого мариниста, видела в мальчике художника, а отец пророчил сыну карьеру морского офицера. Константину, выполняя волю отца, пришлось окончить реальное училище в Севастополе и стать курсантом морского корпуса. А некоторое время спустя Константин Арцеулов оканчивает Академию художеств в Петербурге. Но о каком бы будущем своего сына не мечтали родители в итоге он стал высококлассным авиатором. В 1916 году, будучи прапорщиком, Константин Арцеулов на самолете "Ньюпор - 21" поднялся на высоту полторы тысячи метров над землей и выключил двигатель. Авиалайнер, быстро начала терять скорость и попал в штопор. Совершив три витка, пилот вывел самолет из пике. Учебный комитет Севастопольской школы единогласно решил включить этот маневр, по выведению лайнера из штопора, в учебную программу. Окончив карьеру авиатора,

Константин Константинович жил в Москве и работал художником-оформителем. Сотрудничал с издательствами "Детская литература", "Молодая гвардия", где проиллюстрировал около пятидесяти книг. Еще он создал 240 обложек номеров журнала "Техника-молодежи", рисовал иллюстрации для журналов "За оборону", "Крылья Родины", "Юный техник", "Моделист-конструктор". Умер Константин Константинович Арцеулов в 1980 году, всего лишь два месяца, не дожив до своего 90-летия.

Николай Константинович Арцеулов, брат Константина, родился в 1889 году в Одессе. Был кораблестроителем, как дед по отцовской линии, а под влиянием деда, по материнской линии, стал известным маринистом. Большинство его работ связано с морским военным флотом. В 1921 году эмигрировал в США и умер в Нью-Йорке в 1956 году.

9.4. Александр Латри. Усыновлённый внук.

Александре Латри

Стоит вспомнить об еще одном внуке гениального художника - Александре Латри, которого усыновил Иван Константинович.

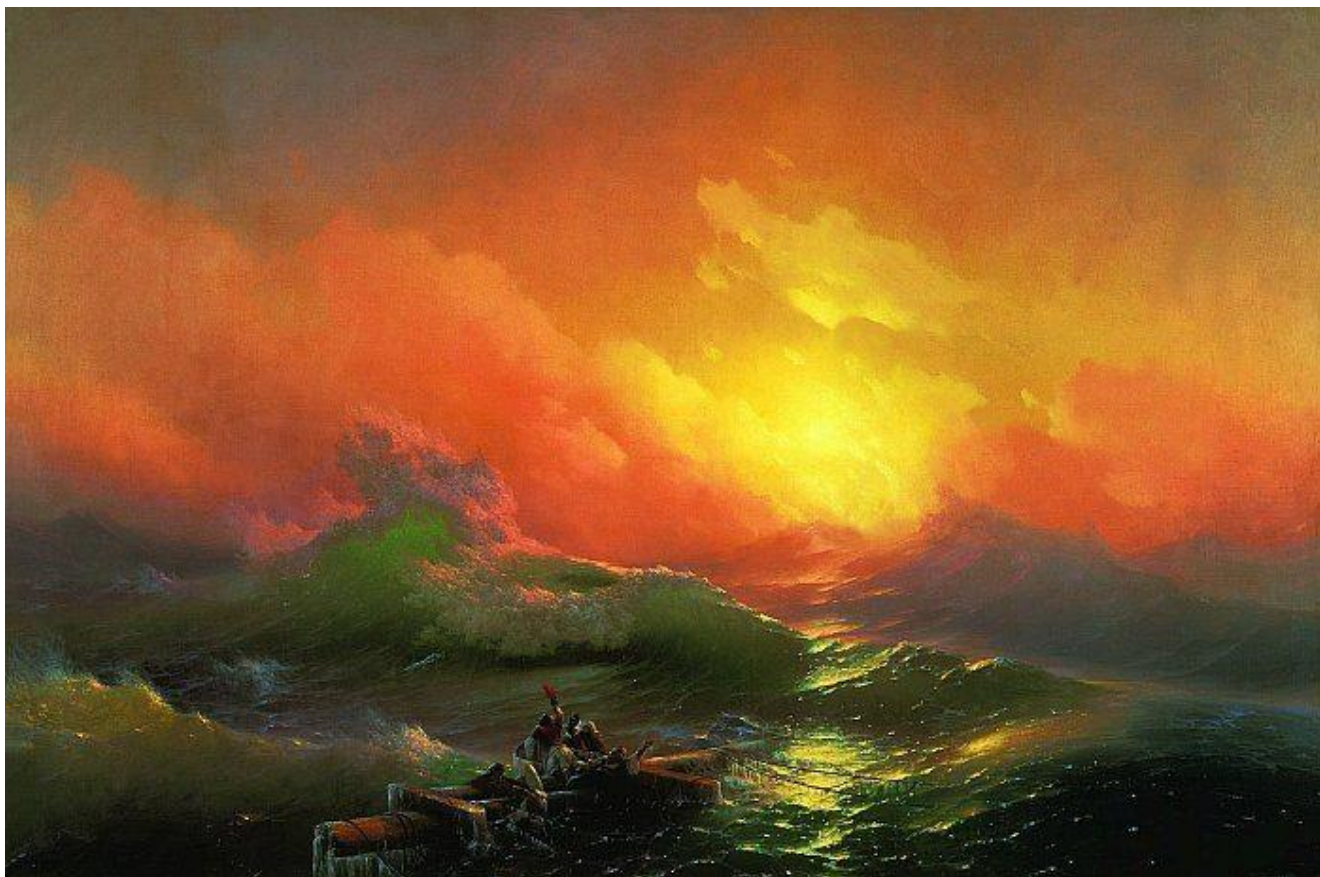
Мысль о том, что у художника нет прямого наследника, долгие годы не давала ему покоя. И в конце жизни Айвазовский обратился с прошением к государю Николаю II: «Не имею сыновей, но Бог наградил меня дочерьми и внуками. Желая сохранить свой род, носящий фамилию Айвазовский, я усыновил своего внука, сына старшей дочери — Александра Латри. Осмелюсь просить усыновленному внуку Александру дать мою фамилию, вместе с гербом и достоинствами дворянского рода». Император удовлетворил просьбу художника, хотя сам Айвазовский до этого не дожил. Александр Айвазовский (Латри) — один из всех внуков был удостоен чести носить фамилию знаменитого деда. О нем до наших дней сохранилось не так много сведений: он не имел никакого отношения к искусству, а его имя было упомянуто в 1908 году в списках 17-го Нижегородского

драгунского полка 2-го Кавказского армейского корпуса в звании корнета, а в 1908 - в чине поручика того же полка.

Революция лишила наследников Айвазовского владений. Почти все усадьбы были разрушены, многие близкие родственники художника (дочери Мария и Александра с семьями) покинули Россию. Из крымских газет того времени известно, что в 1918 году в Ялте умерла Елена Ивановна Рыбицкая, а в 1922 году - Жанна Ивановна Арцеулова, замечательная пианистка, увлекавшаяся также и живописью. В Феодосии до 1941 года жила лишь вдова Айвазовского, Анна Никитична. Ей после национализации дома художника принадлежало в нем несколько комнат.

Часть – 10. ИЗ ЛУЧШИХ КАРТИН И.К. АЙВАЗОВСКОГО.

Девятый вал (1850)

Девятый вал (1850)

Этот шедевр пронизан бурей, как величественным погодным явлением. Живописца переполняют эмоции, которые пронизывают картину. Написана она в 1850 году. Практически сразу творение стало настоящим шедевром.

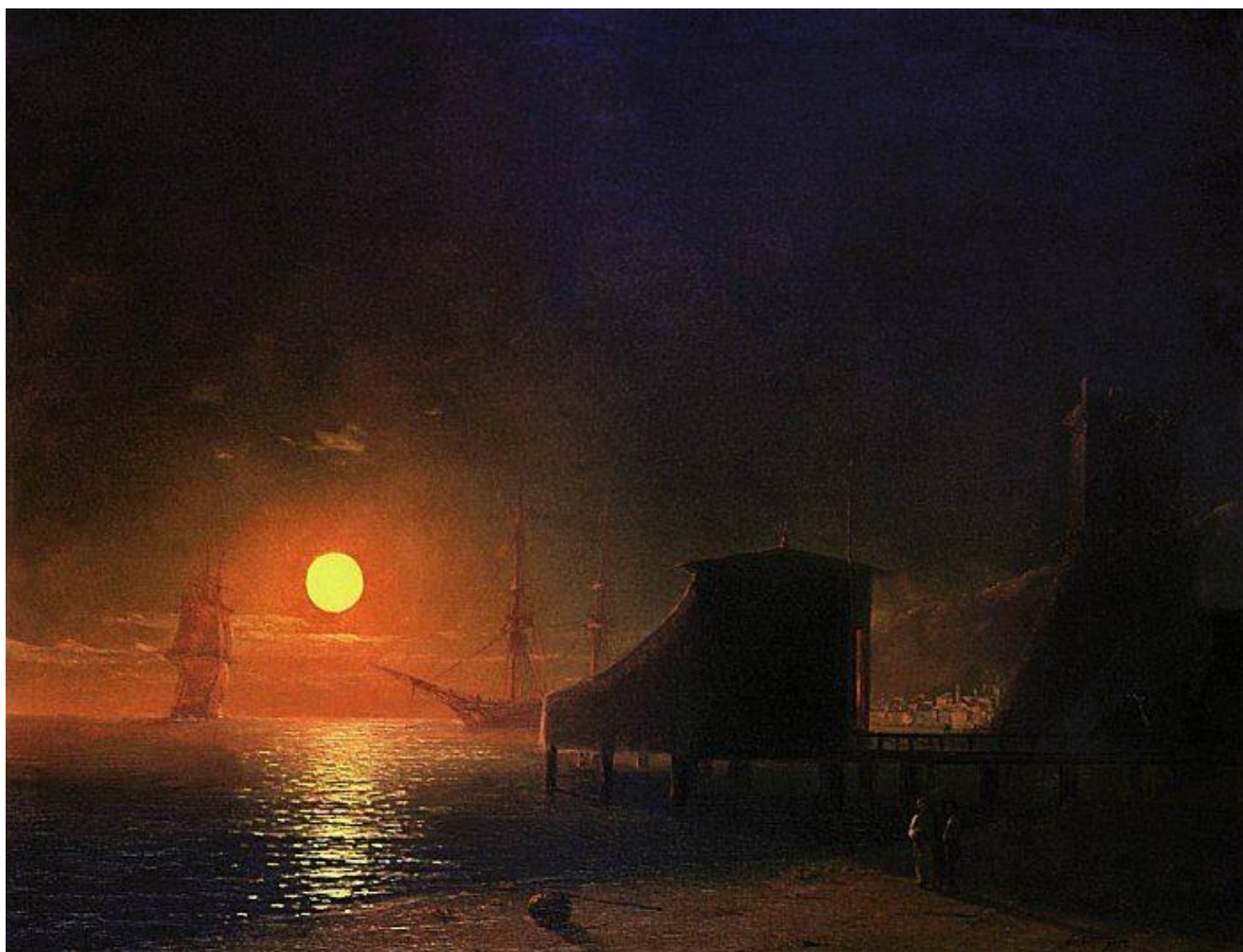
Девятый вал – это сверхмощная волна, пиковая точка шторма. На картине мы видим море, которому не удалось оправиться от прошедшей бури. Но оно уже

предчувствует новую, сильнейшую и всепоглощающую. Оно безграничное и темное, еще не получившее долгожданного спокойствия.

Мы видим плот, на котором плывут люди, изможденные штормом. Они надеются, что море успокоится, и им будет даровано спасение. Но они еще не знают, что их ждет в ближайшем будущем.

Произведение создано Айвазовским в момент творческого подъема. Мастерски подобранные краски передают непередаваемый колорит и особое ощущение надвигающейся бури.

Картина «Девятый вал» включена в книгу «100 великих картин». Хранится в Санкт-Петербурге в Государственном Русском музее

Феодосия. Лунная ночь (1852)

На ранней картине живописца изображен пейзаж, который пронизан тревожным ощущением. На практически безоблачном небе встает огромная желтая луна. Она прокладывает дорожку к берегу. Там мы видим двух прохожих, которые о чем-то задумались.

Бледно-алый лунный свет освещает парусные фрегаты, которые дежурят на рейде. Виднеется шатер купальни и нависающая над ним фортификация. Все это создает гнетущее впечатление. Его не может компенсировать спящий вдали город

и очертания величественных гор. Складывается впечатление, что на картине постепенно зреет Крымская война.

Полотно написано в 1852 году, хранится в частном собрании.

Сошествие Ноя с горы Арарат (1889)

Картина написана в 1889 году. На ней изображен Ной, который возвращается после потопа на землю. Это известный эпизод ветхозаветной истории. Вместе с Ноем спускаются жена, сыновья с женами, животные, которые спаслись, благодаря легендарному ковчегу.

Арарат – известный символ Армении. Художнику удалось передать все величие девственной природы. Библейские персонажи становятся с ней одним целым. Умело подобранные оттенки создают особое настроение. Зритель чувствует величие возрождения мира после вселенского потопа.

Сегодня картина хранится в Армении, в национальной галерее.

Главными персонажами этого полотна являются огромные парусники, бескрайнее небо и безбрежное море. Живописец написал это полотно в 1892 году, на переднем плане мы видим пенящееся море. В центре – парусное судно «Меркурий». В 1829 году корабль вышел на патрулирование пролива Босфор. Ветра практически не было, поэтому судно двигалось очень медленно. Его заметили два турецких полностью вооруженных корабля. Художник запечатлел момент, когда русское судно попало в ловушку. Турецкие корабли подготовились к тому, что победа будет легкой. Они уверены, что судно зажато между ними и находится в безвыходном положении.

Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями (1892)

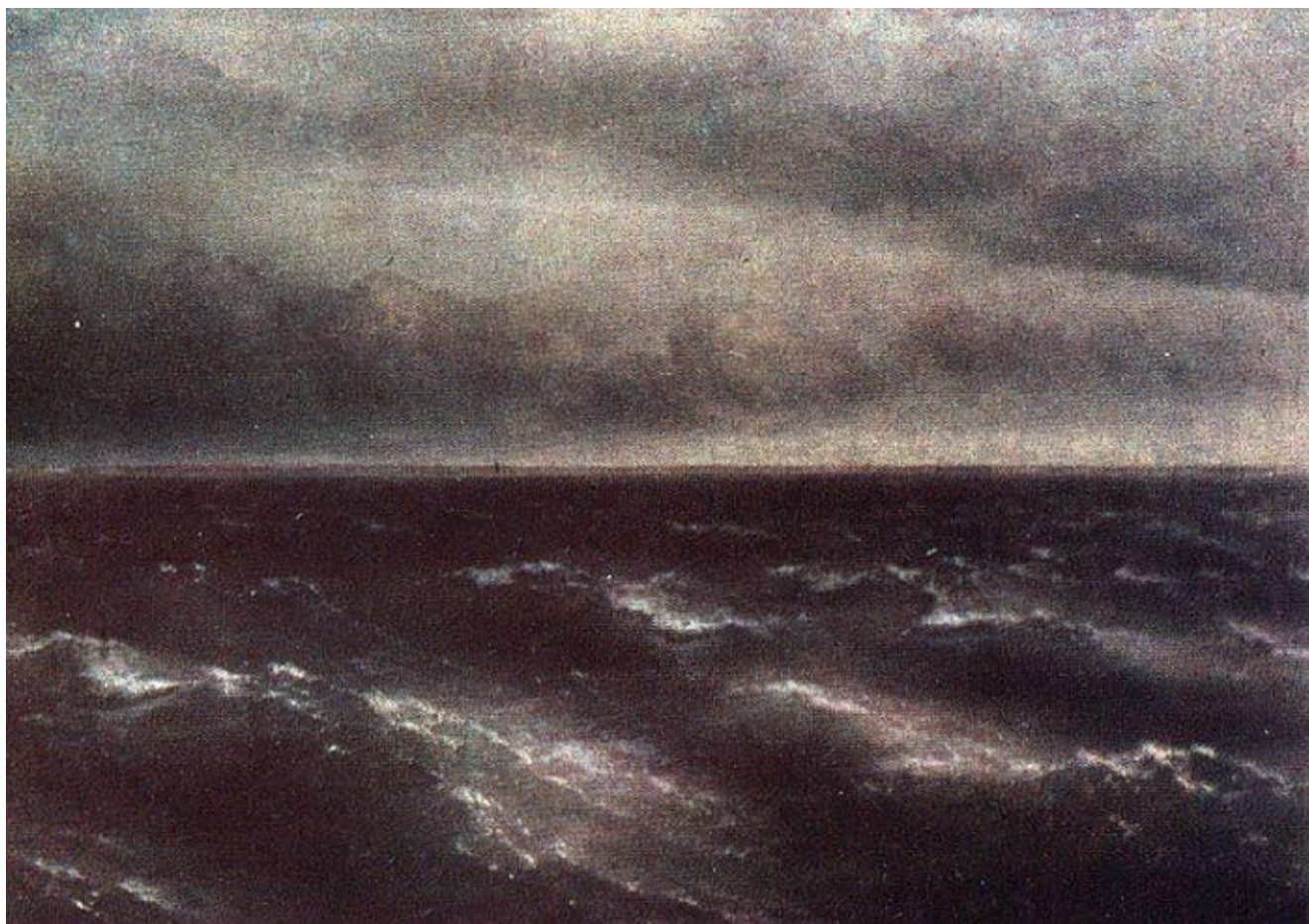
Паруса кораблей, беспокойное море, выстрелы пушек, облака придают картине необъяснимый колорит, который свойственен лучшим полотнам живописца.

Чесменский бой (1848)

Айвазовский создает свой шедевр в 1848 году. Ему удалось передать всю грандиозность Чесменского боя. Это батальное зрелище пронизывает страстная патетика и особый драматизм. На этом полотне художнику удалось в полной мере продемонстрировать свое мастерство, впечатляющую технику исполнения, которой он так долго учился у знаменитого К. Брюллова. Достаточно взглянуть на картину, чтобы ощутить радостное волнение.

Сражение проходит ночью. На переднем плане живописец изобразил моряков. На заднем – горят турецкие корабли, которые уже не смогут спастись. Если присмотреться, можно увидеть обломки судов, на которых находятся беспомощные матросы. При взрыве от корабля отлетают части и становятся огромным костром, который высится над волнами. Автору удалось создать необычное сочетание трех природных стихий. Мы чувствуем, что живописец гордится родным флотом и радуется его победам.

Чёрное море (1881)

Картина написана в 1881 году. Сегодня она хранится в Третьяковской галерее.

На полотне изображена буйная стихия. Достаточно взглянуть на него, чтобы понять, почему Черное море было так названо. В хорошую погоду оно спокойное и ласковое, в бурю оно чудесным образом превращается в ревушего монстра.

В его пучине погибли многие суда. Намеком на это становится крохотный корабль, который едва заметен за бурными волнами. Непонятно, терпит он бедствие или борется с разбушевавшейся стихией.

Айвазовский изобразил момент начала бури. Еще достаточно далеко до того момента, как волны поднимутся до невероятной высоты. Но вода уже стала свинцовой, а гребни предвещают шторм. Зрители могут физически ощутить качку. Волны переданы так живо, что, кажется, вот-вот услышишь их шум и ощутишь разлетающиеся брызги.

Смотр Черноморского флота в 1849 году (1886)

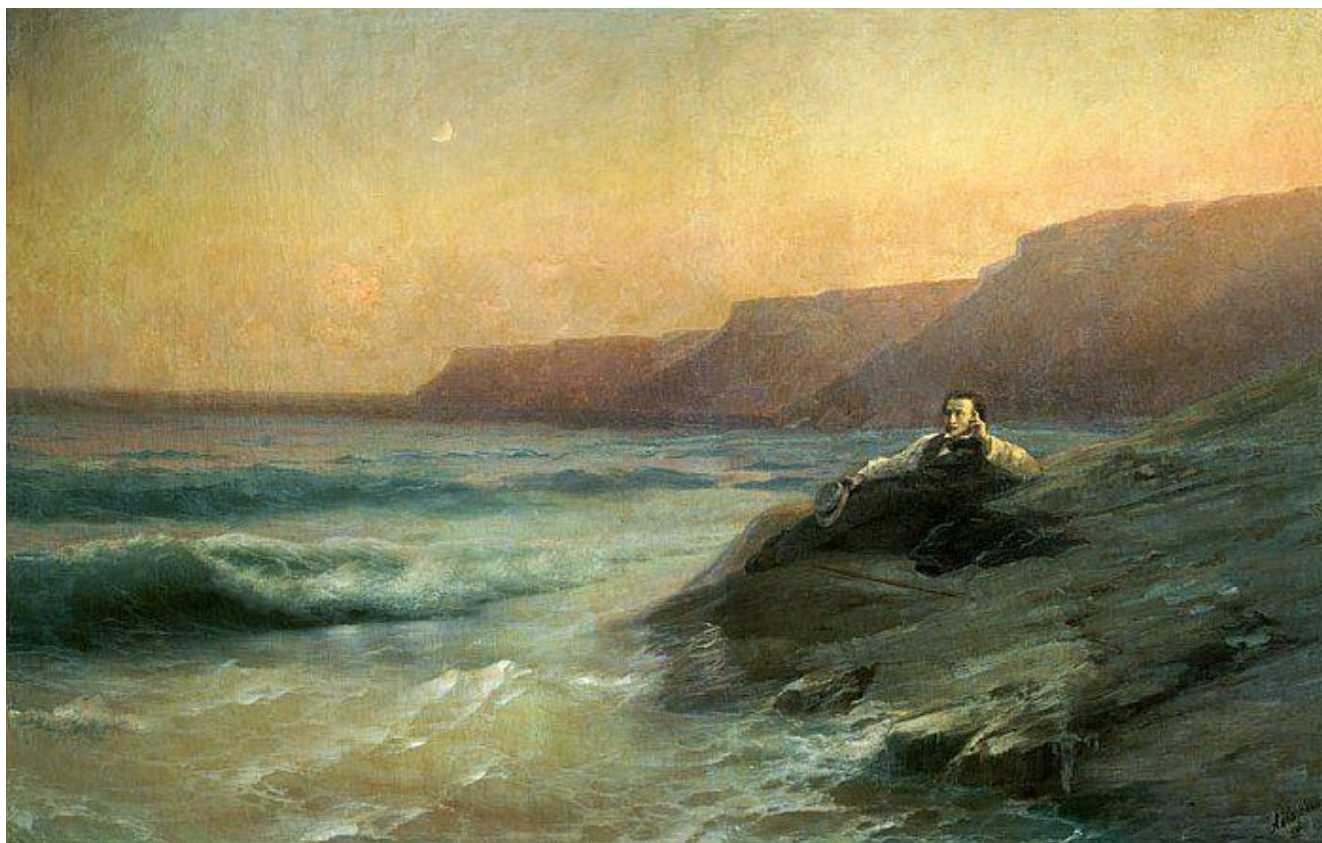
Картина написана в 1886 году. Сегодня она хранится в Санкт-Петербурге, в Центральном военно-морском музее.

Это творение относится к жанру мемуаров, так как Айвазовский сам присутствовал на рейде, когда император осматривал Черноморский флот.

Справа внизу на картине изображена группа главнокомандующих. Они осматривают флот. Это Корнилов, Лазарев, Истомин и Нахимов. Около самого борта судна стоит император.

Боевые корабли выстроились в одну линию. Эти известнейшие фрегаты через 4 года будут участвовать в знаменитом Синопском сражении, и все будут потоплены.

Для достижения особой гармонии Айвазовский использует оливковый, белый, голубой и серый цвета.

Пушкин на берегу Чёрного моря (1887)

Полотно написано в 1887 году. На нем Айвазовский изобразил Пушкина. Поэт отдыхает на берегу черного моря. Он любуется величественной картиной природы.

Художник познакомился с поэтом в 1836 году на выставке в Санкт-Петербурге. После этого была создана серия картин, на которых живописец изобразил Пушкина.

На этом шедевре мы видим великого поэта на фоне моря. Александр Сергеевич любуется великолепным закатом. Выражение его лица говорит о том, что его опять посетило вдохновение.

Вполне возможно, что скоро будет создан новый шедевр. После написания Айвазовский передал картину Музею Академии художеств. В Великую отечественную войну картина сильно пострадала и впоследствии была отреставрирована.

Время идёт, а картины Айвазовского, как и в позапрошлом веке, прекрасно вписываются в любой интерьер и стоят только дороже. Знаете ли вы, читали или слышали, что цена на картины Айвазовского рассчитывается особым образом - как на отрезы ткани, по длинному краю? Стоимость одного сантиметра полотна великого мариниста колеблется между 2 и 7 тысячами долларов!

Часть – 11. АЙВАЗОВСКИЙ В НАШИХ СЕРДЦАХ.

11.1 Море и Айвазовский.

Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, что поделаешь, такова уж её природа
Эрнест Хэмингуэй, "Старик и море"

Саргасово море. Автор А. В. Смольников, слева – жена с дочерью

Много раз смотрел с восторгом картины И.К. Айвазовского, восхищаясь положенными на холст красками, показывающими изумительную красоту моря. Мне казалось, что это только воображение художника и руки мастера могли создать такие картины, но никак не природа. Каждый год в детстве неоднократно отдыхал на Азовском море, наблюдая его красоту, его зеленоватые оттенки в разных проявлениях погоды, дня, разного времени суток и сезона. Но Айвазовский, с его полотнами синих, голубых, бирюзовых оттенков морской глади, рассыпчатых бело-дымчатых шапок волн-это фантастика. Конечно фантастика, в этом я был совершенно уверен.

Игорь Голубев стоял на палубе теплохода «Балтика» у фальшборта и смотрел в ночную воду Балтийского моря, бившую борт корабля небольшой волной, заставляя корабль тихонько раскачиваться при выходе из порта Ленинграда. Вода была темно-чёрная, с разлитой золотом дорожкой от лунного света. Впереди ждало путешествие в течение шестнадцати суток через несколько морей, Атлантический океан в далёкую латиноамериканскую страну, республику Куба. Утро встретило шквалистым ветром, холодными брызгами, Игорь с женой Ириной вышли на палубу, с непривычки она уходила из-под ног, заставляя хвататься за поручни, широко расставив ноги, в лицо бил промозглый ветер с кучей брызг. Поэтому пришлось переместиться на застеклённую её часть. Брызги оставались на стекле, стекая ручьями вниз. Море казалось несколько страшным, грязно-зелёные волны одна за другой били о борт корабля, небо затянуто какой-то дурацкой дымкой, даже не дымкой, а темноватой мокрой пеленой, сквозь которую угадывалось дневное солнце. Да, красота относительная, скорей пугающая.

Игорь пытался найти в море эти волшебные краски картин Айвазовского, но получалось всё не убедительно. Конечно это впечатляло, но 5 – 7 баллов выглядели так, что просто море кипело, шумело в тёмно-зелёном танце, заставляя корабль с трудом пробиваться, качаясь, сквозь его толщу. Так потихоньку потянулось время. В Северном море бушевал сильнейший шторм, корабль не торопился войти в его пучину и, пережидая, вяло бил винтами в несколько узлов хода. Бельтовские проливы растянулись красивыми синеватыми каналами. Всё было необычно, красиво, зеленоватые краски сменились на сине-тёмные цвета. Но вера в сказочность, а не реальность картин Айвазовского с каждым днём только укреплялась. Северное море оказалось бескрайним шумным клубком волн, холодного ветра, зеленовато-грязных оттенков, напоминающее Балтийское. Находиться на палубе совсем не хотелось.

В ночь вышли в Атлантический океан, оставив с правой стороны остров Святой Елены, где провёл в ссылке последние годы Наполеон Бонапарт. Утро в иллюминатор заглянуло солнечным светом. Выйдя на палубу, Игорь с Ириной невольно вскрикнули: «Вау!». Перед глазами раскинулся безбрежный Атлантический океан фиолетово – голубоватого цвета. Боже, какая красота! Они пробежали к корме корабля, свесились над бурунами, оставляемые двумя винтами «Балтики», вода за фальшбортом шумела, кипела, переливаясь солнечными голубовато-фиолетовыми и белыми красками, пенный след далеко тянулся вдаль за кораблём, чайки стаей шли на разной высоте, оглушая океан своими птичьими криками. Хорошо-то как! Ребята обняли за плечи друг друга, весело, звонко засмеялись, хотелось петь, читать стихи, смотреть на океан, на эти буруны за кораблём с кучей весёлых брызг, на этих белоснежных чаек... И, закинув голову они закричали от счастья в это в голубое солёное небо: «Ай – ва – зов – ский! Ты ге - ний!». Да, перед глазами открылись они, картины Айвазовского, его гений на полотнах, сумевшего передать эту красоту океана.

Через пару дней погода изменилась и взору предстал океан совсем в другой, в новой, пугающей и в то же время величественной и неповторимой красоте. Что-то там в небесно-пучинной канцелярии изменилось, подул ветер, вздыбились волны в те же 5 – 7 баллов, что видели Игорь с Ириной в Балтийском море, но они,

эти волны, выглядели совсем в другом неповторимом виде, словно, в океане картины «Девятого Вала» Айвазовского. Если в Балтике, Северном море оно кипело, шумело, клокотало раскачивая во все стороны корабль, стараясь его раздавить, разломать на части, то тут всё было по-другому. Кораблик пробирался по океану и выглядел маленькой щепкой в своей, казавшейся беспомощности в стихии огромных волн. Игорь с Ириной округлившимися глазами смотрели как находит огромная волна, огромный красивейший в синей красоте с шипящим верхом белого цвета пены вал. Вот он закрывает постепенно горизонт, всё небо, могучий, многотонный. Кораблик, задирая нос, выходит на волну и во весь рост помещается на ней, на этой волне, вставая на дыбы почти горизонтально вверх. Шапка вала начинает увеличиваться, пениться, и закручиваясь, нависает над корабликом. «Боже мой», - подумал Игорь, - «Хана!». Только десять минут назад он смотрел сводку по нахождению корабля, и глубина под ними составляла страшные 6000 метров, будто 2 метра спасло бы положение при плохом раскладе... Но кораблик перебрался через эту пенную шапку и стал падать за вершиной вала вниз по его склону. «Ух!» Да, это какой-то кошмар, т.к. новая волна нависла над кораблём. И вот так раз за разом он взбирался на вздыбившуюся волну, потом падал, но уверенно продолжал свой путь в дикой необузданной красоте морской природы воды, неба, ветра и чего-то еще безумного, непонятного в царстве Нептуна и его стихии. «Айвазовский, ты гений, как ты смог донести всю эту красоту до людей, до всех людей, чтобы даже не видевшие море, могли насладиться этой неповторимой красотой природы!», - промелькнуло в умах ребят.

По пути следования всё «население» теплохода порой выскакивало на палубу, при этом происходило так, что все оказывались у одного правого или левого борта, нарушая баланс корабля, как казалось Игорю, и навевало мысли, что не дай бог он перевернётся. Происходило это по различным необычным поводам. Например, появилась недалеко гигантская акула, хребет которой то и дело вспучивался над водой океана, или через три дня пути по океану, когда вокруг было только безмолвие, появился среди бушующих волн шедший на встречу весь в морских брызгах, словно в туче, сухогруз, и по палубе пролетело: «Корабль по борту!» И все бросились посмотреть корабль, как будто удивляясь, что еще кроме их «Балтики» в море ещё есть какая-то человеческая жизнь. Но самым интересным событием, вызвавшим всеобщее ликование, было появление стаек рыб. И не просто рыб, а летающих. В начале слышишь непонятный шум за бортом, а потом, приглядевшись, начинаешь видеть, как стаи рыбок выпрыгивают из воды и летят по несколько сотен метров над поверхностью воды, шурша по воздуху крылышками-плавниками, которые позволяют, махая ими, словно птицы крыльями, совершать полёты подобного рода, вызывая полный восторг, особенно у детей. Постепенно приближался экватор, становилось жарко, многие выходили на палубу позагорать. В один из последних дней плавания, корабль подошёл к Саргасовому морю и вошёл в Бермудский треугольник, заставляя сжиматься сердце при одном упоминании о нём. Море полное загадок исчезновений многочисленных кораблей! У Игоря сразу пошли воспоминания о прочитанных книгах в детстве про пиратов, про Саргасово море, бурые водоросли которого наматывались на винты кораблей, заставляя корабли останавливаться и тонуть от

штормов. Игорь взглянул вниз на воду, облокотившись на планширь, и действительно увидел, как вдоль бортов корабля плывут водоросли, темные, бурые, словно в книжках. Сразу как-то стало не совсем по себе.

Крым. Феодосия. Музей И.К. Айвазовского. Прошло почти сорок лет, как корабль «Балтика» пробивался через моря и Атлантический океан к республике Куба. Специально с женой приехали в этот город ради музея, ради того, чтобы еще раз увидеть картины великого художника, который, как никто реалистично писал море, чтобы еще раз насладиться полотнами мастера и увидеть тот, оставшийся в памяти, океан: синий, голубой и бирюзовый одновременно, с белыми рассыпающимися в брызгах шапками волн. Удастся ли ещё раз пройти на корабле, увидеть остров Святой Елены, Атлантику, летающих рыбок, не знаю, скорее вряд ли, а Айвазовский-он вот, перед глазами. Стоим с женой в галерее, на стенах его картины: «Буря», «Гнев моря», «Среди волн» и перед глазами мы молодые, свесившиеся на корме за фальшборт, над уходящей вдаль за кораблём пенной голубовато – бирюзовой дорожкой от корабля, с сопровождающими нас посланниками берега и моря, кричащими чайками, вот оно перед глазами то море, и хочется закричать на весь музей: ««Ай-ва-зов-ский! Ты ге-ний!»».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Альхаов А. Десантная операция в устье реки Субаши 3 мая 1839г.: планирование и проведение. Вестник науки АРИГИ № 15(39). Стр. 59 – 67.
2. Августин (Никитин) архимандрит. Святые Константинополя глазами русских путешественников 19 века //Азбука веры. Православная библиотека (Электронный ресурс).
3. Андреева Ю.И. Айвазовский. ЛитМир – Электронная книга. Издательство Вече. Главы 20 – 23. 2012.
4. Арутюнян Лолит. «Айвазовский – чистокровный армянин или буря в стакане воды по – турецки» // Новостное агентство Sputnik Армения. - 2017.
5. Айвазовский в Севастополе. Обсуждения в LiveInternet. - 20.07.2010 (Электронный ресурс).
6. А ХЭКУ. Высадка русских войск у реки Шахэ и сопротивление черкесов. Библиотека. Русский. История адыгов. - 2012.
7. Баловень судьбы. Айвазовский 200 лет // KAFABELLA - 2020 (Электронный ресурс).
8. Барсамов Н.С. Иван Константинович Айвазовский – Москва: Искусство,1962. – 274с.
9. Барсамов Н.С. И.К. Айвазовский: о мастерстве художника. – Москва: Искусство, 1967. – 111с.
- 10.Бодунова В. Иван Константинович Айвазовский и Алексей Романович Томилов. Художник и его покровитель // Третьяковская галерея. – 2017. - № 1 (54). С. 26 – 47: ил., портр. – (Коллекционеры и меценаты).
- 11.Буянов Н. Рубрика: Великий маринист и царская семья. Коллекционеры и меценаты. - 2016.
- 12.Вагнер Л. «Повесть о художнике Айвазовском». Абгосиздат. Сухуми. 1961
- 13.Вареник О. Воздух над морем // Санкт – Петербургские ведомости. - 2017.
- 14.Волынец А. Турецкий, независимый, российский Крым в 18 веке// Военное обозрение. 2014.
- 15.Во что играли дети при царях: дореволюционные игры. //Блоги для людей. - 2016. (Электронный ресурс)
- 16.Водоснабжение Феодосии в конце 19 века //Индивидуальные экскурсии по Крыму. Гидвкрыму.
- 17.Википедия. Айвазовский Иван Константинович. Логин Логинович Гейден.
- 18.Википедия. Свободная энциклопедия. Беллона (фрегат, 1830).
- 19.Власов П. Канал «Герои и оружие». //Ликбез по кораблям. Простейший ликбез по парусным судам. (Электронный ресурс).

20. Гавриленко А. Морское сражение при Наварине. В собрании Высшего военно – морского инженерного училища им. Дзержинского//Красная звезда.
21. Геращенко А. Морская стихия Ивана Айвазовского. 195 лет со дня рождения художника. Беларусь. Камертон. - № 35. - 2012.
22. Грановская. Как путешествовали в старину. – 1989 (Электронный ресурс).
23. Гимназии, появившиеся в Крыму в 19 веке. Intelsib - 2016.
24. Дубровин Н.Ф. Первая оборона Севастополя 1854 – 1855 гг. Владимир Алексеевич Корнилов // Вики Чтение (Электронный ресурс).
25. Иван Константинович Айвазовский: Живопись, рисунки, акварели из музеев Санкт – Петербурга. – (Санкт Петербург: Palace Editions), 2000. - 231 с.
26. Иван Айвазовский и его внуки // LIVEJOURNAL. - 2018 (Электронный ресурс).
27. История Российской империи. Образование в 19 веке. - 2012.
28. Из истории русского флота. И.К. Айвазовский. - 2009.
29. Искусство. Лучшие картины Айвазовского// ТОП списки. Искусство - 2018.
30. История России. Оборона Севастополя 1853 -1856 годов.
31. Косаткина Т. История Феодосии (Электронный ресурс).
32. Кавказский сборник, издаваемый по указанию его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией. - Том 3. - 1879.
33. К. Боссоли. В Крым Путешествие в Крым в первой половине 19 века - 2011.
34. Константинополь конца 19 – начала 20 столетий // LIVEJOURNAL. Мы родом... - 2013 (Электронный ресурс).
35. Клекалина Н., Иван Айвазовский: Царь моря // Караван историй. – 2016. - № 8. С. 174 – 191: 15 фот. – (Факт).
36. Кузьмин Н.Н. Воспоминания об И.К. Айвазовском. Санкт – Петербург: типо – лит. В.В. Комарова. - 1901.
37. Курбатова З. Будни Академии художеств// Русский мир - февраль 2018.
38. Козлова В. Айвазовский раскопал античности в Феодосии в 1853 году и сразу началась Крымская Война- совпадение? LIVEJOURNAL - 2016 (Электронный ресурс).
39. Колыбанов А.Г. Айвазовский за границей: Самые интересные путешествия. //LIVEJOURNAL. – 2016. (Электронный ресурс).
40. Виды парусных судов (Часть 3) // Корсар. -2018 (Электронный ресурс).
41. Когда появился кофе в Крыму // Pantikarei.ru (сайт по истории Керчи). – 2013 (Электронный ресурс).
42. Крымская война 1853 – 1856 гг. //www.sevastopol.ws – 2017 (Электронный ресурс).
43. Круглякова М.Ю. Черноморская Ривьера России//Сочи - Стр.13.
44. Лопатто Д.С. Гимн кофе (Крымские караимы и кофе) - 2019.

45. Лорер Н.И. Записки декабриста/ Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. - 416 с.
46. Лазарев М.П. Документы. Т. II. //Москва,- 1953.
47. Лаговский А.Н. Героическая оборона Севастополя (1854 – 1855гг.). Очерк//MIL.PRESSFLOT. (Электронный ресурс).
48. Лосев Д. Отец города Иван Айвазовский и Феодосия: история взаимоотношений // Третьяковская галерея. – 2017. - № 1 (54). – с. 64 – 83: ил., портр. – (Фонд ГШРАНИ представляет).
49. Малахова Таврический вояж Екатерины II// И. Культура РФ. Лекции.
50. Маркин Л. Айвазовский. Молодые годы // Наше наследие. – 2016. - № 117. – с. 124 – 133: 18 фот.
51. Методическая разработка. Методика преподавания рисунка в Академии художеств в 18 – 19 веке// ИНФОУРОК. Библиотека материалов-2020.
52. Науменко В.И. К. Айвазовский. Рисунок в альбом //Третьяковская галерея. – 2011. № 2. – с. 92 – 97: ил. – (Наследие).
53. Новое время. Николай I: «Айвазовский! Я царь земли, а ты царь моря». Архив. - 2016.
54. Николаев М.В. Великий князь Константин Николаевич и Айвазовский//Pandia. (Электронный ресурс).
55. О водоснабжении города Феодосии в конце 18 – начале 20 веков - 2016. (Электронный ресурс).
56. Общий Морской Список. Часть XII. Царствование Николая I.// Военно – историческая библиотека. Издательство «Атлант» - стр. 180 – 182.
57. Особенности путешествий за границу в 19 веке. 2020 // ULETAYU.COM. (Электронный ресурс).
58. Отечество наше – особая часть света. К 175-летию РГО // Go Arktik -2020.
59. То в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком. Как путешествовали в эпоху Пушкина// Пешком по Петербургу – 2020. (Электронный ресурс).
60. Погребецкая И. Имения и земли помещика Айвазовского//Галерея – 2017. - № 1(54).
61. Пилипенко В.Н. Иван Константинович Айвазовский. – Ленинград: Художник РСФСР, 1991. – 188с. – (Русские живописцы XIX века).
62. Проскурина А. Кофейни Бахчисарая// История и современность – 2016. (Электронный ресурс).
63. Рахматулин М. Император Николай I и его царствование// Наука и жизнь -2020. - № 10.
64. Ребеко А. История строительства в Крыму: технологии древних греков используют до сих пор //Анапа – Москва: Строительство.RU - 2017 (Электронный ресурс).
65. Радьевич А.А. История Крыма (litres) Крым в составе Российской Империи 18 – века//Вики Чтение (Электронный ресурс).
66. Саргсян М. Жизнь великого мариниста // Феодосия, Москва: Издательский дом «Коктебель» - 2010 – с.383.

- 67.Склярченко В., Рупчева. И. Иван Айвазовский //ЛИТМИР. Электронная библиотека.
- 68.Сукина Л.Б. «Золотое» столетие Романовых. Между империей и семьей. Семья императора Николая I // Вики Чтение. (Электронный ресурс).
- 69.Судьба детей императора Александра II// Рамблер/Субботний - 2017 (Электронный ресурс).
- 70.Страницы истории: любимые блюда российских императоров// PRESSA.TV – 2020.
- 71.Тарле Е.В. Русская история и культура. «Адмирал Нахимов», гл. 10 //ЛИТМИР. Электронная библиотека.
- 72.Тимохович А. Самоучитель по рисованию. Шаг за шагом. Уроки рисования. – Санкт-Петербург: ИД Питер, 2014.
- 73.Троцкий П. Ильинский скит. // Проза.ру - 2012.
- 74.Кибовский А.В. 300 лет российской морской пехоте. Действия русских крейсеров у Кавказских берегов Черного моря в 1830–1840 гг. // itexts.net – 2017 (Электронный ресурс).
- 75.Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе. С 1835 по 1842 год. // Абхазская интернет – библиотека – 2012.
- 76.Филиал Карамзина. Александр III: самый народный царь - 2018. (Электронный ресурс).
- 77.Чёрное море – вдохновение Айвазовского // Евпатория/Отдых и лечение - 2016. (Электронный ресурс).
- 78.Чурак Г. Иван Айвазовский. – М.: Белый город, 2000. – 64 с.
- 79.Шигин В.В. Повелители фрегатов. Гл.- 4. Кают – компанейское братство. – Москва: ЛИТМИР. ИД «Вече» - 2012.
- 80.Школьная энциклопедия. Академия художеств Санкт – Петербурга в живописи и литературе. Москва: ОЛМА-ПРЕСС образование - 2003.
- 81.Эсаулова А. Художник Иван Айвазовский и его женщины //. LIVEJOURNAL - 2016.
- 82.Энциклопедия «Всемирная история». Романов Константин Николаевич.
- 83.Якимова Н. В 19 веке Крым был дорогим курортом // Крымский блог - 2008.
- 84.Якунина Е. Айвазовский. Поэзия моря // искусство. – 2007. – с. 115. – (Обзоры).

Оглавление

ОТ АВТОРА	2
XIX век. Айвазовский, море и вся его жизнь	3
КРЫМ. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	3
ЧАСТЬ-1. ДЕТСТВО.....	4
1.1. Оник.	4
1.2. Айвазовский и феодосийские мальчишки.	8
1.3. Маленький помощник.	10
1.4. Греческая кофейня. Ованес.	11
1.5. Подарок. Скрипка грека – капитана.	14
1.6. Первые рисунки.....	17
1.7. Архитектор Я.Х. Кох.....	18
1.8. Александр Иванович Казначеев.....	19
Часть – 2. САНКТ – ПЕТЕРБУРГ.	22
2.1. Императорская Академия художеств.	22
2.2. Учеба в Академии.....	25
Часть-3. ДОРОГАМИ ТВОРЧЕСТВА.	29
3.1. Путешествия на лошадях.	29
3.2. Крым.	33
3.3. Европа.....	35
3.4. Турция.....	36
Часть – 4. РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ И И.К. АЙВАЗОВСКИЙ.....	38
4.1. Николай I.	38
4.2. Александр II.	42
4.3. Александр III.....	48
Часть – 5. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОМАНОВ К.Н. И ВЕЛИКИЙ МАРИНИСТ.....	50
5.1. Н.Ф. Литке, «Беллона» и Л.Л. Гейден.	50
5.2. Морской поход на «Беллоне».....	53
5.3. Православный Восток.	55
Часть – 6. УЧАСТИЕ В БАТАЛИЯХ. У СУБАШИ.	61
6.1. Десант Николая Раевского у Субаши.	61
6.2. Айвазовский в морском походе.	63
6.3. Штурм.....	64
Часть – 7. УЧАСТИЕ В БАТАЛИЯХ. КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853-1856. СЕВАСТОПОЛЬ.	70
7.1. Крымская война. Начальный период.....	70

7.2. Севастопольский этап. Адмиралы. Парижский конгресс.....	72
7.3. Оборона Севастополя. И.К. Айвазовский на боевых порядках.	75
Часть – 8. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.....	81
Часть – 9. СЕМЬЯ.....	84
9.1. Жёны мариниста.....	84
9.2. Немного о дочерях.....	85
9.3. Внуки, ставшие художниками.....	86
9.4. Александр Латри. Усыновлённый внук.	87
Часть – 10. ИЗ ЛУЧШИХ КАРТИН И.К. АЙВАЗОВСКОГО.	88
Часть – 11. АЙВАЗОВСКИЙ В НАШИХ СЕРДЦАХ.....	95
11.1 Море и Айвазовский.....	95
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	99
Оглавление.....	103